

Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

Kazakhstan Journal *of Foreign Studies*

№ 1 – 2 (3 – 4) 2 0 2 2

Центральная Азия
и Афганистан

KAZISS

KAZ_ISS
ISS.Kazakhstan

www.kisi.kz, www.kaziss.kz

**Казахстанский институт стратегических
исследований (КИСИ) при Президенте Республики
Казахстан создан Указом Президента
Республики Казахстан 16 июня 1993 года**

- Основной задачей КИСИ является прогнозно-аналитическое обеспечение стратегических аспектов внутренней и внешней политики Республики Казахстан. КИСИ является единственным казахстанским мозговым центром, вошедшим в основной рейтинг Global Go To Think Tank Index Report Пенсильванского университета (2018 г.), заняв 142-е место среди 8162 мозговых центров мира.
- Институтом было издано более 300 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дауір», «КазахстанСпектр», «Central Asia's Affairs». Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском, а также ведет аккаунты в социальных сетях Facebook и Twitter.
- КИСИ является уникальной международной экспертной площадкой, где ежегодно проводится ряд научно-практических мероприятий, посвященных актуальным проблемам мировой политики и экономики. В научных форумах Института принимают участие авторитетные эксперты из стран Центральной Азии и дальнего зарубежья.

Адрес и контактные телефоны КИСИ:

**Республика Казахстан, 010000
г. Нур-Султан, ул. Бейбітшілік, 4**
Тел. +7 (7172) 75-20-20
Факс +7 (7172) 75-20-21
Email: office@kisi.kz

СОДЕРЖАНИЕ

Талгат Калиев ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
Султан Акимбеков АФГАНИСТАН И «ТАЛИБАН»: ОТ МОДЕРНИЗМА К АРХАИКЕ, ОТ СОПРОТИВЛЕНИЯ К ПРИЗНАНИЮ?.....	6
Себастьян Майер МЕЖДУ СТРАТЕГИЧЕСКИМИ И МАТЕРИАЛЬНЫМИ ИНТЕРЕСАМИ: КАЗАХСТАН КАК ИСТОЧНИК СТАБИЛЬНОСТИ В АФГАНИСТАНЕ.....	22
Еркин Тукумов, Алишер Абрешев АКТИВИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АФГАНИСТАНЕ ПРИ НОВОЙ ВЛАСТИ ТАЛИБОВ.....	38
Владимир Пластун АФГАНИСТАН И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ РЕГИОН: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ.....	50
Косимшо Искандаров ПРОБЛЕМЫ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ В АФГАНИСТАНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ДИЛЕММЫ.....	64
Рустам Махмудов ПРОБЛЕМА ИНКЛЮЗИВНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В АФГАНИСТАНЕ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ.....	82
Шерали Ризоен, Махмуд Гиёсов ТАДЖИКИСТАН И АФГАНИСТАН: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДО И ПОСЛЕ ПРИХОДА «ТАЛИБАНА» ВО ВЛАСТЬ.....	98
Бахтиер Эргашев АФГАНИСТАН КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПРИОРИТЕТОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ УЗБЕКИСТАНА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА.....	118
Убайд Окимбеков ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ АФГАНИСТАНА СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	128

Kazakhstan Journal of Foreign Studies

Учредитель: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Шеф-редактор: Санат Күшкүмбаев, заместитель директора KISI при Президенте РК

Выпуск: ИП «NV-Media»

Корректор: Олег Пономарев

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Нур-Султан, ул. Бейбитешилик, 4,
тел.: +7 (7122) 75 20 20, факс +7 (7122) 75 20 21, email: office@kisi.kz, www.kisi.kz.

Журнал зарегистрирован Комитетом информации Министерства информации и общественного развития РК. Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания, информационного агентства и сетевого издания № KZ17VPY00039008 от 13.08.2021 г.

ISSN: 2791-1403

Отпечатано в ТОО «Print House Gerona». Общий тираж на казахском, русском и английском языках – 1000.
Территория распространения: Республика Казахстан, страны Центральной Азии и ближнего зарубежья.
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

Публикация журнала осуществлена при поддержке Фонда имени Конрада Аденауэра.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ЕРКИН ТУКУМОВ – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА, ДИРЕКТОР КАЗАХСТАНСКОГО ИНСТИТУТА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РК, КАНДИДАТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

ЙОХАННЕС Д. РАЙ – ДИРЕКТОР ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ФОНДА ИМЕНИ КОНРАДА АДЕНАУЭРА В КАЗАХСТАНЕ

САНАТ КУШКУМБАЕВ – ШЕФ-РЕДАКТОР, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА КАЗАХСТАНСКОГО ИНСТИТУТА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РК, ДОКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

АСЕЛЬ НАЗАРБЕТОВА – РЕДАКТОР, РУКОВОДИТЕЛЬ ОТДЕЛА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАЗАХСТАНСКОГО ИНСТИТУТА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РК, Ph. D.

СУЛТАН АКИМБЕКОВ – ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «ЦЕНТР АЗИИ», КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ИРИНА ЗВЯГЕЛЬСКАЯ – РУКОВОДИТЕЛЬ ЛАБОРАТОРИИ «ЦЕНТР БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ» ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ИМЭМО РАН), ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК (РОССИЯ)

МАРЛЕН ЛАРЮЭЛЬ – ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ЕВРОПЕЙСКИХ, РОССИЙСКИХ И ЕВРАЗИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ШКОЛЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЭЛЛИОТА УНИВЕРСИТЕТА ДЖОРДЖА ВАШИНГТОНА, Ph. D. (США)

БЕАТЕ ЭШМЕНТ – НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ЦЕНТРА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ZOIS), Ph. D. (ГЕРМАНИЯ)

МИРЗОХИД РАХИМОВ – РУКОВОДИТЕЛЬ ОТДЕЛА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН, ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК (УЗБЕКИСТАН)

ЧЖАО ХУАШЭН – ПРОФЕССОР ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФУДАНЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (КИТАЙ)

ПРЕДИСЛОВИЕ

**Талгат
Калиев**
Специаль-
ный пред-
ставитель
Президента
Республики
Казахстан
по Афгани-
стану

После драматических событий августа 2021 года Афганистан вступил в новую эпоху своей истории. Закончилась практически полувековая гражданская война, унесшая жизни сотен тысяч афганцев и вынужденная миллионы покинуть свою страну. Уход из Афганистана после десятилетнего пребывания западной коалиции и приход к власти движения «Талибан» стали знаковыми событиями текущего времени.

Безусловно, события в Афганистане до и после августовских событий оказывали и оказывают существенное влияние на приоритеты региональной безопасности. Ситуация в Афганистане неизменно рассматривалась как главная угроза стабильности в Центральной и Южной Азии. Многие крупные инфраструктурные проекты, предусматривающие участие Афганистана, были поставлены на паузу. Особую озабоченность стран региона и за его пределами вызывало присутствие на территории страны формирований иностранных террористов из списка запрещенных ООН и рядом государств.

Казахстан изначально выступал за процесс национального примирения, создание устойчивого диалога между сторонами конфликта под эгидой ООН. Позиция нашей страны неоднократно высказывалась на различных международных площадках, доводилась до сведения зарубежных партнеров. Руководствуясь принципами гуманизма, в 2008 году Республика Казахстан выделила значительные средства на обучение в вузах страны 1000 афганских студентов. С 2019 года при содействии Европейского союза и Программы развития ООН в казахстанские вузы ежегодно зачисляются 50 студентов из Афганистана. Министерство образования и науки РК также выделяет квоты для афганских студентов.

Экономика Афганистана понесла огромный ущерб в результате боевых действий. Неоднократно над страной нависала угроза массового голода. Будучи ответственным членом мирового сообщества, Казахстан оказывал и оказывает гуманитарную помощь афганскому народу. Только в 2020–2021 годах общая сумма помощи достигла почти \$100 млн. Основную часть помощи составили поставки муки, других видов продовольствия и лекарств. Значительные закупки зерна и муки для Афганистана по линии Всемирной продовольственной программы ООН также осуществляются в Казахстане.

Относительно будущего Афганистана позиция Казахстанаозвучна мнению ООН и мирового сообщества. Мы хотим видеть миролюбивый процветающий Афганистан, в котором в гармонии и согласии проживают все народы и этнические группы, страну, свободную от насилия, терроризма и наркотрафика, доброго и надежного соседа по региону.

АФГАНИСТАН И «ТАЛИБАН»:

ОТ МОДЕРНИЗМА К АРХАИКЕ, ОТ СОПРОТИВЛЕНИЯ К ПРИЗНАНИЮ?

Султан Акимбеков

Казахстанский историк и политолог, кандидат исторических наук, директор Института азиатских исследований в Алматы. Является экспертом по Афганистану. В разные годы работал внештатным советником Президента РК и руководителем ведущих аналитических организаций. Также был главным редактором общественно-политических журналов «Континент» и «Центр Азии».

Автор ряда книг и монографий по истории Афганистана.
Email: sakimbekov@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье подробно рассматриваются вопросы, связанные с трансформацией ситуации в Афганистане в контексте вывода американских войск. Автором проанализированы мотивы ухода США, а также отмечены наметившиеся тенденции к «изменению политики условного Запада по отношению к не менее условному Востоку». Подчеркивается, что развитие ситуации вокруг Афганистана осложнено продолжающимся геополитическим соперничеством в регионе, где, помимо крупных держав, прослеживаются интересы и новых серьезных игроков из числа активных региональных государств с собственными интересами. В научной работе рассмотрен также контраст между двумя моделями государственного и общественного развития в Афганистане: с одной стороны – той, которую США и их союзники продвигали 20 лет, и с другой стороны – той, которую сегодня реализует движение «Талибан».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Афганистан, «Талибан», США, салафизм, консенсус, транспортные коридоры.

ВВЕДЕНИЕ

Произошедшие летом 2021 года события в Афганистане, связанные с приходом к власти движения «Талибан», стали наиболее масштабным изменением ситуации в этой стране со времени ввода войск международной коалиции осенью 2001 года. Безусловно, для Афганистана вывод войск США и их союзников и приход к власти движения «Талибан» означают кардинальные перемены в его модели развития.

По сути, речь идет о завершении того проекта государственного строительства, который западные союзники 20 лет пытались реализовать в Афганистане. В свою очередь, данный проект, несомненно, в определенной степени являлся частью общей идеологии политики пе-

ремен, которые предлагались странами условного Запада для трансформации государств и обществ, находившихся за пределами его традиционного влияния. В этом смысле значение самого факта ухода западной коалиции из Афганистана выходит за рамки ситуации только в этой отдельно взятой стране. В целом в связи с отказом от проекта в Афганистане можно говорить о наметившейся тенденции к изменению политики условного Запада по отношению к не менее условному Востоку.

В то же время может создаться впечатление, что развитие ситуации в Афганистане не может отражать общую тенденцию изменения политики тех же США на Востоке. С американской точки зрения это может выглядеть как слишком особый и весьма сложный случай. Поэтому и столь быстрый уход США с отказом от какого-либо переходного периода может рассматриваться как показатель исключительности афганской ситуации.

«Политическая составляющая ухода США из Афганистана теоретически должна была быть связана с обеспечением позиций поддерживаемого ими ранее правительства. Примерно так, как это было в случае с выводом советских войск в 1989 году или уходом самих американцев из Южного Вьетнама в 1973 году. Это было необходимо как минимум для сохранения лица великой державы, чтобы уход не выглядел как поражение. Поэтому и нужны в таких случаях пары лет, когда лояльный режим существует

Однако афганские «общины воспринимают демократические выборы исключительно через призму своих групповых интересов».

вроде бы сам по себе при помощи советников и сохранении финансирования. Только потом можно сказать, что режим оказался-то слабым, не смог удержаться. Главное, чтобы его падение не связывали напрямую с выводом войск великой державы. Но в нашем случае Байден уже в середине августа заявил, что это афганское правительство оказалось недееспособным. Он сказал, что задача американцев в Афганистане была связана с ликвидацией террористов, нанесших удар по США в 2001 году, что перед США не стояло задачи построить здесь государство» [1].

В этом смысле неудача в реформировании Афганистана может быть теоретически обусловлена спецификой этой страны, институты которой больше 40 лет, как минимум начиная с Апрельской революции 1978 года, находились под серьезным внешним и внутренним давлением. К тому же значительную часть этого времени Афганистан фактически был в самом центре противостояния в рамках холодной войны между СССР и США, что, несомненно, сказалось на характере такого давления.

Тем более что и сегодня развитие ситуации вокруг Афганистана осложнено продолжающимся геополитическим соперничеством в регионе. В этом соперничестве участвуют уже не только великие державы – те же США, Китай и Россия, но и новые серьезные игроки из числа крупных и весьма активных региональных государств с собственными интересами. К числу таких государств сегодня относятся Иран, Пакистан, Индия, Узбекистан, Турция и арабские государства Персидского залива. Естественно, что это придает геополитике региона более сложную конфигурацию, чем та, которая имела место в годы холодной войны.

Поэтому в США в принципе вполне могут обосновать свое решение уйти из Афганистана спецификой ситуации в этой стране и сложной структурой геополитических интересов вокруг нее. Тем не менее масштаб предпринятой странами западной коалиции попытки реформирования Афганистана с использованием их собственного опыта государственного строительства говорит о том, что изначально в этой стране речь шла не только о вопросах геополитики.

По сути, США и их союзники предприняли в Афганистане самую масштабную и дорогостоящую попытку трансформации восточного общества в более современную модель организации государства и общества. Они исходили из того, что представительская демократия и создание общегосударственных институтов в ситуации разделения афганского общества на множество конкурирующих этнических, религиозных и племенных об-

щин позволит им стабилизировать положение дел в этой стране и создать устойчивую государственность. Однако афганские «общины воспринимают демократические выборы исключительно через призму своих групповых интересов. В обстановке всеобщего недоверия община друг к другу выборы рассматриваются не в качестве конкуренции идей ради общего блага общества, как это привычно для стран Запада, а в контексте весьма жесткой борьбы с оппонентами, где обязательно есть победители и проигравшие. Естественно, что никто не хочет быть проигравшим. И это приводит к масштабной межобщинной конкуренции» [2, 764 с.].

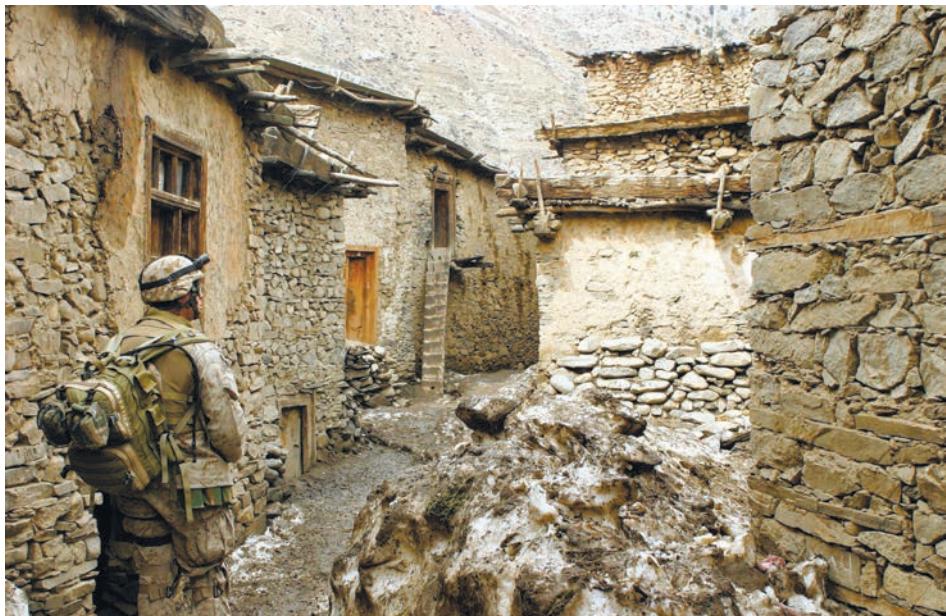
Понятно, что в данном контексте фактическое согласие США на переход власти к представителям религиозного движения «Талибан», с его весьма архаичным представлением об организации государства и общества, несомненно, стоит рассматривать в качестве признания очевидной неудачи данного проекта. Соответственно, решение об уходе из Афганистана фактически означает выход из данного весьма проблемного для США проекта. При такой постановке вопроса на первый план выходит экономия ресурсов, материальных, финансовых, человеческих.

В целом для США это демонстрирует очевидный приоритет реальной политики даже с возможностью нанесения ущерба идеологии. Следовательно, это как раз можно рассматривать как системное изменение политики Запада. Потому что для обоснования любой политики изменений в других государствах и обществах главное значение имеет именно идеология. В случаях с великими державами это очень часто служит обоснованием для геополитики. Особенно показательно это было для времен холодной войны, когда геополитические противоречия между двумя блоками, возглавляемыми США и СССР, на спориваемых друг у друга территориях опирались в том числе на вопросы идеологии.

В этом смысле приход США в Афганистан в 2001 году, как и происходившее параллельно их активное вмешательство в Ираке, были следствием сформировавшейся после завершения холодной войны идеологической концепции относительно существования принципиальной возможности для трансформации типично восточных государств и обществ в более приемлемые для Запада формы государственной организации. Но важно отметить, что это была именно идеологическая концепция, которая во многом исходила из опыта трансформации стран бывшего социалистического лагеря после его краха в конце 1980-х и начале 1990-х годов.

В определенном смысле выражением этой идеологической концепции было вышедшее в 1989 году известное эссе Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?». В 1992 году на основе изложенных в ней идей он выпустил книгу «Конец истории и последний человек». В своих работах Фукуяма заявлял о распространении в мире либеральной демократии и завершении в связи с этим эпохи противостояния на основе идеологии.

В данном контексте уход США и других стран международной коалиции из Афганистана, по сути, означал переход к более прагматичной политике.

Поэтому произошедшие в августе 2021 года события в Афганистане можно рассматривать в контексте отказа от идеологического подхода в отношении этой страны. Между тем это дает основание критикам политики США и представителям конкурирующих с ними в области геополитики государств оценивать положение дел как тенденцию к сокращению американского влияния в стратегически важном районе Азии, расположенным вокруг Афганистана.

Однако специфика сложившейся ситуации заключается в том, что уход от идеологической составляющей вовсе не означает отказа от геополитики. Более того, можно согласиться, что именно идеология была самым слабым звеном американской политики в регионе вокруг Афганистана. Она требовала от США слишком много расходов, не только материальных и человеческих, но и, что может быть особенно немаловажно, имиджевых. Последнее обстоятельство имело особое значение. Присутствие войск США в мусульманской стране, предпринимаемые ими меры по подавлению встреченного сопротивления, попытки изменить сложившиеся местные правила игры не слишком позитивно сказывались на образе США внутри Афганистана и встречали критику в мусульманском мире.

Можно допустить, что без идеологической составляющей для США сосредоточение на вопросах геополитики может оказаться даже более эффективным, по крайней мере, это однозначно станет менее затратным. Естественно, в современной ситуации с экономическими переменами в мире, связанными с распространением изоляционистских настроений и кризисом глобализации, снижение затрат имеет значение для американских интересов.

Собственно, с этой точки зрения произошедшие в 2021 году в Афганистане события вполне можно рассматривать в категориях перехода от

Присутствие войск США в мусульманской стране, принимаемые ими меры по подавлению встреченного сопротивления, попытки изменить сложившиеся местные правила игры не слишком позитивно сказывались на образе США внутри Афганистана и встречали критику в мусульманском мире.

идеологии к реальной политике. То есть США больше концентрируются на решении геополитических задач без необходимости корректировать их в зависимости от идеологии вопроса, связанной с задачей трансформации Афганистана в более современное государство с представительной демократией. Соответственно, если рассматривать именно в таком контексте обстоятельства ухода США из Афганистана и последовавшего за этим прихода к власти движения «Талибан», тогда все-таки стоит делать больший акцент на том, как это скажется на geopolитике региона.

Хотя, безусловно, сам приход к власти в отдельно взятой стране такого религиозного движения, как «Талибан», не

может не вызывать серьезных вопросов относительно перспектив развития этой страны и влияния особенностей на ситуацию в соседних районах Азии. Тем более что в данном случае речь идет о наметившейся в связи с этим очевидной тенденции к архаизации общественного и государственного устройства Афганистана.

Именно данное обстоятельство особенно болезненно воспринимается мировым общественным мнением на фоне предшествовавшей политики модернизации, которую пытались реализовать в этой стране США и международная коалиция. Быстрое падение афганского правительства, которое ассоциировалось с двадцатилетним периодом внешнего управления со стороны США и их союзников, не может не вызывать вопросы и к самим США в связи с обстоятельствами их ухода из Афганистана, и к жизнеспособности той модели, которую они реализовывали в этой стране.

С августа 2021 года в этой стране государственное строительство ориентируется на принципиально другую модель, связанную со значительной ролью религии в организации государства и общества. Такая смена модели развития с той, которая ориентирована на модернизм, на задоме более архаичную по своему характеру, может иметь значительные последствия. Причем не только для самого Афганистана, но и для всего региона.

По сути, впервые к власти в отдельно взятой стране пришли сторонники деобандийского направления в исламе. В современном исламе они относятся к тем политическим движениям, которые придерживаются концепции возврата к ценностям более ранней модели организации исламской общины. В частности, одним из таких движений являются представители разных течений в рамках салафизма, распространенного в не-

которых арабских странах Персидского залива. К примеру, радикальное крыло салафитов отвечало за идеологию «Исламского государства» в Ираке и Сирии, в то время как умеренные салафиты представляют власть в таких странах, как Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Кувейт.

Одним из характерных признаков салафизма является выступление против греха многобожия (ширк) в контексте борьбы с поклонениями могоилам святых. В частности, в Афганистане и сопредельных с ним странах, включая Центральную Азию, в данном контексте салафиты выступают против культа местных святых. Кроме того, радикальная часть салафитов выступает против суннитских мазхабов, утверждая, что в первоначальной исламской общине их не существовало.

В то же время деобандийское направление в исламе заметно отличается от салафитов собственным пониманием принципов организации государства и общества. Деобанды также призывают вернуться к принципам первоначальной мусульманской общины, но только в тот момент ее истории, когда светское и духовное начала управления представляли собой единое целое. Такой подход позволяет не исключать мазхабы, а также в той или иной степени допускать существование местной традиции.

Но так как в основе понимания сторонниками деобандийской версии ислама находится принцип единства духовного и светского начал, то это означает, что управление государством или мусульманской общиной (что на ранней стадии становления ислама представляло собой единое целое) должны осуществлять именно религиозные деятели. Именно с этим связаны соответствующие религиозные звания лидеров движения «Талибан», например Мулла Барадар или Маулави Ахунзада.

Хотя здесь стоит отметить, что студенты в многочисленных медресе в районах Пакистана, граничащих с Афганистаном, не получали полноценного религиозного образования. Вместо этого им предоставляли сертификаты без указания имени, которые нигде не признавались. «Поэтому вся масса выпускников медресе получала первичные знания об исламе, но не могла занимать соответствующих позиций в обычной религиозной системе... Тем не менее они называли себя муллами, что превращало «Талибан» в теократическое государство» [2, 487 с.].

В любом случае речь идет о попытке реализации в Афганистане весьма архаичной модели государственной и общественной организации, что является серьезным вызовом как для этой страны, так и для ее соседей. В том числе потому, что создан прецедент перехода власти к религиозной организации, которая к тому же происходит из местной культурной и религиозной традиции, общей для Афганистана с регионом Средней Азии и Пакистаном. Этим она отличается от другой радикальной религиозной организации – «Исламского государства», которое исходит из идеологии салафизма. Соответственно, с идеологической точки зрения движение «Талибан» более адаптивно к местным условиям, чем привнесенная из стран арабского Востока идеология салафитов.

Но в любом случае с западной точки зрения религиозная модель государственного и общественного устройства в Афганистане выглядит явной архаикой. В результате – контраст между двумя моделями государственного и общественного развития в Афганистане: с одной стороны – той, которую США и их союзники продвигали 20 лет, и с другой стороны – той, которую сегодня реализует движение «Талибан», оказался слишком значительным, а переход от одной к другой – чересчур болезненным. В первую очередь для той части афганского общества, которая ориентирована на модернизацию, но точно так же и для общественного мнения тех же стран условного Запада. Сам факт перехода от модернизации к архаизации настолько не соответствует идеям общего прогресса, что не может не производить шокирующего впечатления на западное общественное мнение.

Определенный парадокс ситуации заключается в том, что перемены, которые произошли в Афганистане летом 2021 года по направлению от модернизации к архаизации, по сути, являются отражением реальной политики. Выше упоминалось, что это характерно для США. Но точно так же события в Афганистане продемонстрировали, что основные и наиболее активные игроки на geopolитической арене региона были вполне готовы если не к признанию движения «Талибан», то к разной степени взаимодействия с ним. Это было наглядно продемонстрировано летом 2021 года, когда прямо накануне падения правительства Президента Афганистана Ашрафа Гани ведущие мировые и региональные державы поддерживали активные контакты на разных уровнях с представителями движения «Талибан».

В этом контексте встречи с ними целого ряда высокопоставленных чиновников из США, Пакистана, Ирана, Китая, России и ряда других стран накануне занятия талибами Кабула в августе 2021 года де-факто способствовали легализации самой возможности прихода «Талибана» к власти. В то же время это говорит о наличии относительно широкого международного консенсуса между разными сторонами геополитического соперничества в регионе вокруг Афганистана по поводу самой возможности талибов прихода к власти в этой стране.

При этом возникает вопрос, как такой консенсус вообще стал возможен с учетом всех существующих противоречий между теми же США, а также Ираном, Китаем и Россией. Однако для всех этих стран «все выглядело как практически сокрушительное поражение США в одном из стратегически важных регионов. Естественно, что для Ирана, Китая и России такой вариант выглядел довольно привлекательным с учетом их сложных отношений с американцами. Уход США означал, что этим странам больше не надо будет беспокоиться относительно их присутствия в этом регионе. Кроме того, если американцы уходят из Афганистана и если это является признаком их отказа от прежней политики, то для Китая, Ирана и России это может означать, что и на других направлениях США также могут пойти на соглашения с ними» [3].

**В ЭТОМ СМЫСЛЕ ОЧЕ-
ВИДНО, ЧТО СТОЛЬ
НЕОЖИДАННО БЫСТРЫЙ
ПРИХОД «ТАЛИБАНА»
К ВЛАСТИ БЫЛ БЫ НЕ-
ВОЗМОЖЕН БЕЗ ФАКТОРА
НАЛИЧИЯ ВНУШИТЕЛЬ-
НОГО ВНЕШНЕПОЛИТИ-
ЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА.**

В частности, сегодня на повестке дня стоит вопрос о возможности возобновления ядерной сделки между США и Ираном. Поэтому для Ирана уход США из Афганистана был более важен, чем возможные риски для шиитского меньшинства в этой стране. В этой ситуации Ирану явно не нужен был новый фронт на афганском направлении. Очевидно, что его появление было бы неизбежным, если бы Тегеран выступил против прихода к власти движения «Талибан» и начал поддерживать шиитов в Афганистане. Гораздо выгоднее было принять участие в формировании указанного выше международного консенсуса, который должен был обеспечить и определенные гарантии, в том числе для афганских шиитов.

Если согласиться с такой постановкой вопроса, тогда становится очевидным, что у правительства Ашрафа Гани не было особых вариантов удержаться у власти. В данном случае международный консенсус был очень важен, потому что исторически, если между главными игроками на внешнеполитической сцене вокруг Афганистана имеют место серьезные противоречия, тогда внутри этой страны может начаться острый внутриполитический конфликт. В таком случае противоборствующие стороны будут пользоваться поддержкой конкурирующих внешних держав. В качестве примеров можно привести противостояние в Афганистане между СССР, США, Китаем и другими странами в 1978–1992 годах во время холодной войны. Но можно также вспомнить конфликт вокруг Афганистана между 1994 и 2001 годом. В последнем случае Иран и Россия поддерживали Северный антиталибский альянс, который противостоял движению «Талибан», пользуясь поддержкой со стороны Пакистана и ряда арабских государств.

В этом смысле очевидно, что столь неожиданно быстрый приход «Талибана» к власти был бы невозможен без фактора наличия внушительного внешнеполитического консенсуса. Потому что в противном случае талибы могли бы столкнуться с сопротивлением не только со стороны афганской армии и сил безопасности, сколько с вооруженными формированиями национальных меньшинств.

Хотя попытка сопротивления и была оказана в провинции Панджер под руководством таджикского командира Ахмада Масуда – сына Ахмад Шаха Масуда, который был лидером Северного антиталибского альянса вплоть до своей гибели в 2001 году. Но тем не менее эта попытка потерпела неудачу, и, что характерно, до начала 2022 года мы не видим предпосылок для организации серьезного сопротивления движению «Талибан», несмотря на серьезное недовольство тех же национальных меньшинств.

Собственно, ключевая причина этого явно связана с отсутствием внешней поддержки, которая имела критически важное значение для антиталибского сопротивления в период с 1996 по 2001 год. Характерно, что эти-

ческий таджик Масуд, а также другой видный афганский политик таджик Амрулла Салех (который являлся вице-президентом Афганистана) пытались опереться главным образом на местную общину таджиков. Но организация сопротивления не увенчалась успехом. И это несмотря на то, что таджики с 2001 года были широко представлены в армии и силах безопасности Афганистана. Кроме того, соседний Таджикистан был одним из немногих государств, которые выступали против прихода к власти «Талибана».

Если учесть, что афганские таджики компактно населяют пограничные с Таджикистаном северо-восточные провинции Афганистана, и именно это до 2001 года было основным фактором устойчивости Северного анти-талибского альянса, то теоретически могло создаться впечатление, что у Масуда и Салеха в принципе может получиться организовать сопротивление талибам. Однако, несмотря на исторически тесные связи государства Таджикистан с афганскими таджиками, а также на опыт поддержки Северного анти-талибского альянса с 1996 по 2001 год, в Душанбе не имели возможности самостоятельно принять решение, которое могло бы изменить расстановку сил внутри Афганистана, потому что таджикское руководство должно было учитывать мнение Китая и России. Соответственно, при всем несогласии со сформированным международным консенсусом относительно вопроса прихода «Талибана» к власти в Таджикистане не могли его игнорировать.

Но это не значит, что такой консенсус в принципе не может измениться, потому что могут измениться обстоятельства, которые связаны с геополитическими противоречиями в регионе, причем как на глобальном, так и на региональном уровне. На глобальном уровне сегодня происходит серьезное обострение отношений между великими державами. США и их союзники находятся в состоянии конфронтации по вопросам geopolитики и геоэкономики одновременно и с Россией, и с Китаем.

Это пока не возвращает ситуацию во времена холодной войны, но может способствовать этому, особенно в среднесрочной перспективе. Однако все-таки маловероятно, что это затронет район вокруг Афганистана. Здесь интересы великих держав соприкасаются в меньшей степени, чем на других направлениях. Например, как это происходит в Восточной Европе, которая важна для России в ее отношениях с Западом, или в Юго-Восточной Азии, где сталкиваются интересы Китая, а также США и их союзников.

Но более важным является то обстоятельство, что в geopolитике большого региона вокруг Афганистана сегодня все более значительную роль играют интересы региональных сил, таких как Иран, Пакистан, Узбекистан, Турция, арабские страны. Они могут находиться в достаточно тесных отношениях с теми или иными великими державами, зависеть от их экономической поддержки, но при этом именно их интересы постепенно начинают все чаще определять geopolитическую карту региона.

В этом смысле весьма показательно, что в событиях лета 2021 года, которые привели движение «Талибан» к власти, региональные державы в це-

лом ряде моментов фактически сыграли ключевую роль, безусловно, при заинтересованном участии великих держав. Один из таких моментов был связан, собственно, с процессом перехода власти в Афганистане к движению «Талибан» летом 2021 года, потому что при любом внешнеполитическом консенсусе всегда существует практическая сторона вопроса.

В случае с Афганистаном в августе 2021 года ключевой момент заключался в том, как различные внешние игроки будут взаимодействовать с «Талибаном» на постоянной основе, каким образом будет осуществляться такое взаимодействие и кто будет ответственным за его реализацию. В противном случае события внутри Афганистана могли бы приобрести неконтролируемый характер, что привело бы к появлению осложнений, нежелательных для разных стран.

В частности, если бы талибы начали следовать своей практике, характерной для их нахождения у власти в 1996–2001 годах, то в первую очередь можно было ожидать от них жестких действий против шиитов-хазарейцев. Очевидно, что это не могло не беспокоить Иран. Соответственно, Тегеран теоретически мог бы поддержать антиталибское сопротивление, что сразу изменило бы ситуацию внутри страны.

Другая проблема была связана с радикальными религиозными группировками, которые находились в Афганистане при прежнем правлении талибов. Естественно, такой аспект не мог не обеспокоить и США, и Китай. Тем более, как указывалось выше, американский Президент Джо Байден в августе 2021 года заявил, что главная задача США в Афганистане была связана с ликвидацией террористов, нанесших удар по Нью-Йорку в 2001 году, и перед США не стояло задачи построить здесь государство.

Понятно, что, если бы в результате прихода талибов к власти Афганистан снова стал бы базой для крайне радикальных организаций, это как минимум дезавуировало бы слова Байдена, потому что ситуация в Афганистане вернулась бы в исходное положение – в период до сентября 2001 года, – и тогда все предпринятые усилия были бы напрасными. Аналогичная ситуация с Китаем, который в принципе не может не беспокоиться о вероятности появления у своих западных границ радикальных религиозных организаций антикитайской направленности.

Поэтому появление упомянутого выше международного консенсуса о возможности прихода к власти движения «Талибан» не могло произойти без определенных гарантий. Отсюда возникает вопрос кто мог в принципе гарантировать относительно умеренное по сравнению с прошлым опытом поведение движения «Талибан» при управлении Афганистаном? Собственно, единственным возможным кандидатом на такую роль из всех государств, которые имели какое-то отношение к Афганистану, был Пакистан с его развитой военно-политической и религиозной системой, которая однажды уже способствовала приходу талибов к власти в середине 1990-х годов.

В этом смысле «Пакистан – очень удобный кандидат на роль ответственного за «Талибан», и это даже безотносительно его участия в создании этой

организации в 1994 году. **Во-первых**, пакистанцы имеют давние отношения и с США, и с Китаем. **Во-вторых**, в Пакистане достаточно людей и организаций с радикальными взглядами на религию, но армия и спецслужбы этой страны их контролируют и держат в приемлемых рамках. **В-третьих**, Пакистан с начала 1990-х годов заинтересован в открытии транспортных коридоров в Центральную Азию. Для него это очень важно, потому что его отношения с Индией остаются весьма напряженными. Если «Талибан» обе-

Поэтому Пакистан фактически стал главным распорядителем ситуации в Афганистане.

спечит порядок, пусть даже весьма жесткий, это явно обеспечит реализацию всех проектов. Например, строительство железной дороги из узбекского Термеза в пакистанский Пешавар или строительство ТАПИ (Трансафганского газопровода) из Туркменистана в Пакистан... Поэтому Пакистан фактически стал главным распорядителем ситуации в Афганистане. Теперь Исламабад отвечает за безопасность других стран, что волнует государства Центральной Азии, Китай и Россию, за поведение «Талибана» в отношении женщин, что беспокоит западные страны, а также религиозных меньшинств, что является предметом беспокойства Ирана» [3].

В целом только у Пакистана в регионе есть возможности влиять на движение «Талибан», а также необходимый опыт взаимодействия с ним. Хотя и в самом Пакистане существует радикальное движение «Техрик-и-Тали-

бан», которое ведет войну против пакистанских властей, но в то же время здесь есть религиозная партия «Джамиат-и улема-и ислами», связанная с деобандийским движением в исламе. В годы первого прихода талибов к власти в 1994–2001 годах именно эта партия и близкие к ней религиозные учебные заведения в пуштунских районах Пакистана осуществляли широкомасштабную поддержку «Талибана» в Афганистане.

В данном случае важно, что для талибов Пакистан всегда играл роль своего рода тылового района, откуда они получали военную, материальную, финансовую и идеологическую поддержку. Не всегда это было связано с прямой государственной поддержкой, чаще с неформальными ее проявлениями. Например, в период с 1994 по 2001 год религиозные учреждения из Пакистана, близкие к партии «Джамиат-и улема-и ислами», обеспечивали постоянный приток добровольцев из числа пуштунов для пополнения военных сил движения «Талибан». Это обстоятельство давало основания полагать, что у Исламабада все-таки есть значительные возможности обеспечить относительно приемлемое поведение движения «Талибан».

В этом смысле характерен пример совета, который бывший начальник Генерального штаба армии Пакистана Ашраф Кияни дал представителям США по вопросу формирования ими регулярной армии Афганистана. Он советовал не вкладываться в строительство афганской армии, предупреждая, что «вы потерпите неудачу. Потом вы уйдете, и эта наполовину тренированная армия разделится на милиции, которые будут проблемой для Пакистана» [4].

В первую очередь он имел в виду формирования северных национальных меньшинств – таджиков, узбеков, хазарейцев. После падения про-коммунистического режима Наджибуллы военные формирования прежней афганской армии вместе с отрядами противостоящих ей моджахедов сформировали милиции национальных меньшинств. Именно в 1990-х годах эти внушительные по численности и вооружениям милиции таджиков, узбеков и хазарейцев, собственно, и помешали преимущественно пуштунскому движению «Талибан» окончательно прийти к власти в Афганистане в 1994–2001 годах.

В этой связи очень показательно, что в 2021 году талибы не встретили подобных препятствий. Несомненно, что быстрый их приход к власти, капитуляция правительской армии и отсутствие в связи с этим военного противостояния сыграли определенную роль в той относительной умеренности, которую сегодня проявляют в Афганистане представители движения «Талибан». Если бы они встретили серьезное сопротивление со стороны национальных формирований таджиков, узбеков и хазарейцев, то, скорее всего, произошло бы восстановление той ситуации, которая имела место в конце 1990-х годов, когда существовал Северный антиталибский альянс. Понятно, что это привело бы к взаимной ожесточенности воюющих сторон и связанным с этим эксцессами.

Но, может быть, более важно, что подобное развитие событий сделало бы невозможным реализацию проектов создания транспортных коридоров, которые относятся к числу важных приоритетов для региональных государств, в первую очередь Пакистана, Узбекистана и Туркменистана. Поэтому указанные государства должны были быть заинтересованы в стабильности политической власти в Афганистане, которая могла бы гарантировать строительство Трансафганского газопровода из Туркменистана в Пакистан, железной дороги из Узбекистана в Пакистан, а также линий электропередачи.

В июле 2021 года, за месяц до прихода движения «Талибан» к власти, в Узбекистане прошла весьма представительная конференция, посвященная взаимосвязанности регионов Центральной и Южной Азии. Весьма показательным было участие в ней Президента Афганистана Ашрафа Гани и премьер-министра Пакистана Имран Хана. В статье, опубликованной Узбекским институтом стратегических и региональных исследований, указывалось: «Участники конференции согласились, что у стран этого обширного региона (Центральной и Южной Азии. – С. А.) сегодня есть возможность возобновить торговлю, а также экономические, культурные и научные связи, которые несколько тысячелетий осуществлялись через безопасный коридор в Афганистане» [5].

Очевидно, что для осуществления любого экономического взаимодействия через территорию Афганистана ключевое значение имеет вопрос обеспечения безопасности. Поэтому возможно, что далеко не случайно именно на этом был сделан акцент в ходе проведения конференции в столице Узбекистана, которая, кстати, прошла накануне падения правительства Президента Гани в Афганистане и прихода к власти движения «Талибан».

После прихода талибов к власти строительство ТАПИ стало одним из их главных приоритетов. В частности, в январе – феврале 2022 года шли активные консультации представителей Туркменистана, Афганистана и Пакистана о начале реализации этого проекта. При этом Азиатский банк развития выступает в качестве ведущего координатора проекта строительства ТАПИ, стоимость первой фазы которого может составить от \$5 до 6 млрд [6]. В то же время Россия «не стала препятствовать поставке трубы для туркменского сегмента производства Челябинского трубопрокатного завода» [7].

Понятно, что в случае с Афганистаном основной вопрос связан с обеспечением безопасности вдоль маршрута строительства газопровода. В этой связи характерно, что 17 января 2022 года представитель «Талибана» Билал Карими заявил о планах создать специальное подразделение численностью 30 тысяч человек для контроля ситуации во всех частях тех провинций Афганистана, где будет происходить строительство газопровода [8].

Если согласиться с тем, что существовал определенный международный консенсус относительно возможности прихода талибов к власти в

ПОСЛЕ ПРИХОДА ТАЛИБОВ К ВЛАСТИ СТРОИТЕЛЬСТВО ТАПИ СТАЛО ОДНИМ ИЗ ИХ ГЛАВНЫХ ПРИОРИТЕТОВ

Афганистане, то он исходил главным образом из того, что они смогут обеспечить порядок в этой стране. В свою очередь, это позволит реализовать все те проекты, которые запланированы в контексте экономического взаимодействия между Центральной и Южной Азией и постепенным подключением более крупных экономик Китая, Индии и России. Соответственно, доходы от данных проектов должны привести к относительной экономической устойчивости афганского правительства. Это приведет талибов к необходимости заниматься государственным строительством, что должно снизить уровень их радикализма. При этом Пакистан будет играть роль той силы, которая будет в состоянии влиять на «Талибан».

Хотя, конечно, важно подчеркнуть, что ситуация может меняться. В частности, стоит обратить внимание на имевшие место в январе некоторые осложнения в отношениях движения «Талибан» с Пакистаном и Узбекистаном. 11 января 2022 года и. о. министра обороны «Талибана» Мухаммад Якуб потребовал от Узбекистана вернуть самолеты и вертолеты, которые перелетели в эту страну в момент падения правительства Ашрафа Гани. 12 января произошло сокращение на 60% поставок электроэнергии из Узбекистана в Афганистан [7]. Потом поставки были возобновлены.

Заместитель министра иностранных дел «Талибана» Аббас Станикзай заявил, что вопрос прохождения границы между Афганистаном и Пакистаном вдоль линии Дюранда является вопросом нации, а не правительства [9]. Это заявление очень показательно с учетом той роли, которую, как считается, должен играть Пакистан в обеспечении относительно приемлемого поведения «Талибана». Для пакистанской политики критически важно, чтобы в Афганистане не поднимали вопрос о линии Дюранда как границе между двумя странами. Ранее талибы не акцентировали особого внимания на этом вопросе. Вероятно, таким образом они хотят подчеркнуть свою самостоятельность, чтобы их не воспринимали в качестве зависимой от Пакистана политической силы.

В связи с тем что Пакистан и Узбекистан наиболее заинтересованы в создании транспортных коридоров через Афганистан, такие информационные выпады со стороны высокопоставленных представителей «Талибана» могут вызвать беспокойство по поводу поведения новых афганских властей, потому что это вызывает вопрос относительно возможности влиять на них со стороны международного сообщества. Очевидно, что Пакистан и Узбекистан играют в этом весьма значительную роль. Но все-таки можно предположить, что произошедшее не является системой. Скорее это связано с внутренними задачами афганской политики. Талибам нужно обеспечивать свою власть и влияние внутри Афганистана. Следовательно, они должны выглядеть самостоятельными. Но в целом международный консенсус, который фактически и обеспечил талибам приход к власти летом 2021 года, все еще сохраняет свое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимбеков С. Афганский капкан захлопнулся. [Электронный ресурс]. URL: <https://institute.asiakz.com/ru/rubrics/comments/afganskiy-kapkan-zahlopnulsya>
2. Акимбеков С. История Афганистана. - Астана-Алматы: ИМЭП, 2015. - 848 с.
3. Акимбеков С. Афганский капкан захлопнулся. [Электронный ресурс]. URL: <https://institute.asiakz.com/ru/rubrics/comments/afganskiy-kapkan-zahlopnulsya>
4. Abbas H. *The Taliban revival. Violence and extremism on the Pakistan-Afghanistan frontier*. Yale University Press. L. 2014. P. 191.
5. The Tashkent conference “Central and South Asia: Regional Connectivity. Challenges and Opportunities” signals the beginnings of a new era in the history of the region. 19.08.21. [Электронный ресурс]. URL: <https://isrs.uz/en/xalqaro-hamkorlik/taskentskaa-konferencia-centralnaa-i-uznaa-azia-regionalnoe-vzaimosvazannosti-vyzovy-i-vozmozhnosti-kak-signal-onacale-novoj-ery-v-istorii-regiona>
6. Afghan Taliban fully supportive of TAPI gas pipeline, TAP power transmission line. [Electronic resource]. URL: <https://nation.com.pk/01-Feb-2022/afghan-taliban-fully-supportive-of-tapi-gas-pipeline-tap-power-transmission-line>
7. Политика недели: борьба за посольства, воинскую дисциплину, энергоресурсы [Электронный ресурс]. URL: <https://afghanistan.ru/doc/147885.html>
8. Taliban Regime to deploy 30,000 troops to resume work on the TAPI Gas Pipeline project. [Electronic resource]. URL: <https://www.pipeline-journal.net/news/taliban-regime-deploy-30000-troops-resume-work-tapi-gas-pipeline-project>
9. Taliban-Pakistan Ties Run Into Trouble. [Electronic resource]. URL: <https://thediplomat.com/2022/01/taliban-pakistan-ties-run-into-trouble/>

МЕЖДУ СТРАТЕГИЧЕСКИМИ И МАТЕРИАЛЬНЫМИ ИНТЕРЕСАМИ:

КАЗАХСТАН КАК ИСТОЧНИК СТАБИЛЬНОСТИ В АФГАНИСТАНЕ

Себастьян Майер

Доцент в области международных отношений в DAAD, глава Центра исследований и последипломного образования, Казахстанско-Немецкий университет, Алматы. Окончил Европейский университет Виадрина во Франкфурте-на-Одере (Ph.D) и работал в Свободном университете Берлина, в Институте исследований мира и политики безопасности Гамбургского и Бременского университетов. Он приезжал с визитом в качестве приглашенного ученого в Университет Джорджа Вашингтона, Немецкий институт международных отношений и безопасности и Академию ОБСЕ в Бишкеке.

Email: mayer@dku.kz

АННОТАЦИЯ

В статье освещаются отношения Казахстана с Афганистаном и демонстрируется роль Казахстана в качестве поставщика гуманитарной помощи и источника стабильности в раздираемой войной стране. В предисловии описываются поддержка Казахстана, обеспечение стабильности и стремление к взаимодействию. Далее описывается вклад Казахстана в урегулирование конфликтов, посредничество и укрепление доверия.

Существует мнение, что отношение Казахстана к Афганистану отражает как гуманитарные, так и стратегические, в том числе материальные цели, которые тесно взаимосвязаны. Учитывая значительный экономический потенциал Казахстана, эта страна как достаточно развитая в экономическом отношении может формировать свою среду и вносить свой вклад в укрепление стабильности и безопасности как в Центральной Азии, так и за ее пределами, включая Афганистан. Однако содействие устойчивому развитию этой страны, а также реализация инфраструктурных проектов, связывающих Афганистан с его северными соседями, будут успешными только при согласованных усилиях правительств всех стран Центральной Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Казахстан, Афганистан, Центральная Азия, гуманитарная помощь, сельское хозяйство, взаимодействие, региональное сотрудничество.

ВВЕДЕНИЕ

В статье описываются отношения Казахстана с Афганистаном и гуманитарный вклад Казахстана на примере гуманитарной поддержки. Этот фактор является одним из источников стабильности в этой раздираемой конфликтами стране. Афганистан сегодня представляет собой набор транснациональных вызовов (экстремизм, вынужденные мигранты, незаконный оборот наркотиков и т. д.), которые могут распространиться на всю Центральную Азию. Приход к власти движения «Талибан» в августе 2021 года породил у международного сообщества и соседних стран чувство неуверенности по отношению к Афганистану. Тем не менее Казахстан рассматривает Афганистан не только как потенциальный источник угрозы, но и как площадку новых возможностей.

С момента обретения независимости в 1991 году Казахстан проводит активную внешнюю политику, демонстрируя лидерские амбиции как в Центральной Азии, так и за ее пределами [1].

Будучи самой успешной экономикой на постсоветском пространстве, Казахстан может себе это позволить, так как менее чем за два десятилетия прошел путь от позиции «страны с уровнем дохода населения «ниже среднего» к позиции «страны с уровнем дохода населения «выше среднего». Стремительно растущий внутренний валовый продукт Казахстана в настоящее время превосходит ВВП других государств Центральной Азии. Став развитой державой со значительным экономическим потенциалом, Казахстан имеет серьезные региональные и внeregиональные рычаги влияния. В период с 2010 по 2020 год страна превратилась из получателя международной помощи, то есть страны-акцептора, в страну-донора – Казахстан потратил примерно \$500 млн на оказание помощи другим странам [2].

В 2020 году было создано Казахстанское агентство международного развития (KazAID), что наглядно обозначило трансформацию из страны-потребителя в страну-поставщика международной гуманитарной помощи. И если говорить об Афганистане, то Казахстан долгое время был крупнейшим среди остальных центральноазиатских государств поставщиком гуманитарной помощи.

Однако, как будет более подробно показано ниже, твердая приверженность Казахстана курсу помощи народу Афганистана в качестве мотива внешней политики не лишена материальных интересов. Внешнеполитическое отношение Казахстана к Афганистану включает как гуманитарные, так и стратегические цели. То есть имеет смешанные мотивы, которые составляют картину общего отношения Казахстана к Афганистану. Во время развертывания Международных сил содействия безопасности НАТО (ISAF) с 2001 по 2014 год Казахстан сохранял существенные преимущества от сборов за воздушный и наземный транзит и грузовые услуги. Будучи аграрной страной, которая входит в топ-10 мировых экспортёров пшеницы и муки и имеет значительный потенциал в области производства

сельскохозяйственной продукции, Казахстан удовлетворяет обширные потребности в продуктах питания почти 40 млн человек, проживающих в республиках южнее. Фактически Афганистан сегодня импортирует примерно половину казахстанского экспорта муки, что приводит в значительной степени к взаимной зависимости. Помимо сельскохозяйственного интереса, Афганистан для Казахстана также представляет интерес с точки

зрения экспорта и инвестиций, так как это подразумевает основу для долгосрочных иностранных вложений и расширения инфраструктуры в целом. Казахстан не имеет общей границы с Афганистаном, и объем торговли между этими странами занимает лишь второе место среди государств Центральной Азии, в то время как Узбекистан лидирует в этом отношении. Тем не менее казахстанско-афганский товарооборот по-прежнему значителен и серьезно вырос за последние годы (даже несмотря на снижение после прихода к власти талибов). Поэтому Казахстан также демонстрирует большие торговые и инвестиционные интересы и рассматривает сопутствующие инфраструктурные проекты. Казахстан, равно как и другие страны Центральной Азии, поддерживает интеграцию Афганистана в расширяющуюся региональную сеть торговых, энергетических и транспортных связей [3]. На этом фоне «Большая Центральная Азия» стала модным термином для многих практиков, наблюдателей и международных институтов, которые изображают Центральную Азию вместе с Афганистаном с целью использования их потенциала для взаимного сотрудничества. Вода и электроэнергия – два примера, когда сотрудничество может принести значительные взаимные выгоды [4].

Страны уже давно сотрудничают в данных сферах. Особенно Северный Афганистан и части областей, которые географически считаются Центральной Азией (то есть имеют общую историю с прочными этническими, культурными и экономическими связями). Его исторические корни восходят к бронзовому веку, когда в этом районе в верховьях реки Амудары была создана первая цивилизация с городскими объектами, называемая цивилизацией Оксус [5]. Только в XVIII веке широкая территория начала разрушаться, когда Российская царская и Британская колониальные империи начали формироваться и укрепляться в этом регионе и вступили в большую игру за контроль над Афганистаном и Центральной Азией в целом. После большевистской революции и создания Советского Союза десятки тысяч граждан пяти зарождающихся советских республик бежали от Гражданской войны и советской коллективизации и нашли убежище в Афганской конфедерации с ее таджикскими, хазарскими и пуштунскими племенами и княжествами. Хотя большинство составляли туркмены и узбеки, среди беженцев были и этнические казахи.

Тем не менее казахстанско-афганский товарооборот по-прежнему значителен и серьезно вырос за последние годы (даже несмотря на снижение после прихода к власти талибов).

После советского вторжения в Афганистан в 1979 году военнослужащим из советских республик Центральной Азии была отведена важная роль в поддержке просоветского афганского правительства Мохаммеда Наджибуллы [6, с. 6]. Хотя в соответствующей научной литературе Афганистан в подавляющем большинстве случаев не считается частью Центральной Азии, иногда ученые указывают на настолько сильные связи, что предлагают использовать данный географический ярлык для обозначения страны [7, с. 34]. Некоторые ссылаются на альтернативные маркеры для изображения обеих областей, такие как вышеупомянутая «Большая Центральная Азия», но также и «Великая Центральная Азия» [8]. В практической политике (в частности, Правительство Узбекистана) предпочитают употреблять последний термин [9, с. 70].

В следующем разделе представлены казахстанско-афганские отношения начиная с 1991 года, с момента обретения Казахстаном независимости. Далее рассказывается о поддержке Казахстана, обеспечении стабильности и стремлении к взаимодействию с Афганистаном, а также о связанных с этим материальных интересах. В предпоследнем разделе описывается вклад Казахстана в урегулирование конфликтов, а также посредничество и укрепление доверия в стране, в последнем разделе подводятся итоги.

КАЗАХСАНСКО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

После распада Советского Союза в 1991 году двусторонние отношения между новыми независимыми государствами – Казахстаном, Киргизстаном, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном, которые с ноября 1992 года стали называть себя Центральной Азией, с одной стороны, и Афганистаном – с другой, развивались очень медленно. Гражданская война в Афганистане, бушевавшая после вывода советских войск в 1989 году и до апреля 1992 года, препятствовала какой-либо значительной межрегиональной торговле.

Дипломатические отношения между Казахстаном и Афганистаном были установлены 12 февраля 1992 года. В последующем году Афганистан открыл посольство в Казахстане. Казахстан открыл дипломатическую миссию в Кабуле в 2003 году, которая уже в следующем году была преобразована в посольство¹. До 1996 года центральноазиатская поддержка оказывалась Северному альянсу, альянсу, боровшемуся с «Талибаном» – исламистской группировкой, которая укрепилась с конца 1994 года и все больше захватывала контроль. Когда в 1996 году власть в стране перешла к «Талибану», дипломатические и коммерческие отношения постсоветских стран Центральной Азии с Афганистаном испортились – за исключением

¹ Brief characteristic of Kazakhstan-Afghanistan diplomatic relations, //http://e-history.kz/media/upload/2065/2014/06/27/3212f6574003562bc960599c064f94de.pdf.

Туркменистана, который продолжал торговлю с талибами газом, электроэнергией и продовольствием [6, с. 6–7].

С 2002 года, после вступления в страну Международных сил содействия безопасности НАТО, международные спонсоры, действовавшие в Афганистане, подчеркивали необходимость увеличения торговли со странами Центральной Азии, и Казахстан откликнулся на данный призыв. В 2004 году между двумя государствами было подписано фундаментальное Соглашение о сотрудничестве, которое охватывает широкий спектр направлений, включая торговлю, образование и борьбу с незаконным оборотом наркотиков [10, с. 219]. В том же году первые казахстанские компании открыли офисы в Афганистане². На первом заседании в 2007 году в столице Казахстана (на тот момент Астана) была создана Казахстанско-Афганская межправительственная комиссия по торгово-экономическому и гуманитарному сотрудничеству. В целях стимулирования казахстанских инвестиций в Афганистан в 2012 году был подписан Договор о поощрении и взаимной защите инвестиций³. По случаю визита Президента Афганистана Мухаммада Гани в Астану в ноябре 2015 года^{4,5} были подписаны два двусторонних соглашения – «О культуре» и «О гражданской обороне, предотвращении и реагировании на чрезвычайные ситуации». На встрече Казахстан также договорился о поставках более 600 тысяч тонн пшеницы в рамках двусторонних отношений. Борьба с незаконным оборотом наркотиков и терроризмом также занимала видное место в качестве задач, требующих немедленного решения⁶. Что касается возможностей для бизнеса, то, например, казахстанская компания INTEGRA выиграла тендер на строительство железнодорожного участка Хаф (Иран) – Герат (Афганистан)⁷. В 2015 году Нурсултан Назарбаев (на тот момент Президент Казахстана) особо отметил инвестиционные возможности казахстанских горнодобывающих компаний в освоении богатых минеральных ресурсов Афганистана⁸. В 2014 году двусторонний товарооборот составил \$336,7 млн⁹. За прошедшие годы он значительно увеличился и в 2020 году составил \$622,6 млн¹⁰.

² Verkhoturov Krepkoе partnerstvo Kazahstana i Afganistana [Strong partnership between Kazakhstan and Afghanistan. July 16, 2007], // <http://expertonline.kz/a6209/>.

³ Kazakhstan and Afghanistan express interest in commercial cooperation, 2012, https://www.inform.kz/en/kazakhstan-and-afghanistan-express-interest-in-commercial-cooperation_a2497664.

⁴ Agreement between the Government of the Republic of Kazakhstan and the Government of the Islamic Republic of Afghanistan on cooperation in the field of culture, 2015, https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31893781.

⁵ Agreement between the Government of the Republic of Kazakhstan and the Government of the Islamic Republic of Afghanistan on cooperation in the field of civil defense, prevention and emergency response, 2015, https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35084583.

⁶ Kazakhstan and Afghanistan signed several bilateral agreements, 2015, https://www.inform.kz/en/kazakhstan-and-afghanistan-signed-several-bilateral-agreements_a2841337.

⁷ Kazakhstan and Afghanistan mull cooperation issues, 2019, https://www.inform.kz/en/kazakhstan-and-afghanistan-mull-cooperation-issues_a3508893.

⁸ Kazakhstan and Afghanistan signed several bilateral agreements, https://www.inform.kz/en/kazakhstan-and-afghanistan-signed-several-bilateral-agreements_a2841337.

⁹ Stranovoj obzor za 2015. Afghanistan, [Country Review for 2015. Afghanistan], // <http://www.kaznexitest.kz/images/%D0%90%D0%A4%D0%93%D0%90%D0%9D%D0%98%D0%A1%D0%A2%D0%90%D0%9D.pdf>.

¹⁰ Kazakh Minister of Trade and Integration visits Afghanistan to discuss bilateral trade opportunities, 2021, <https://astanatimes.com/2021/12/kazakh-minister-of-trade-and-integration-visits-afghanistan-to-discuss-bilateral-trade-opportunities/>.

В августе 2021 года талибы захватили контроль над Афганистаном. Казахстан приостановил дипломатические отношения, хотя казахстанские правительственные чиновники несколько раз посещали Кабул. Все афганские правительственные чиновники тем временем именовались «временными» или «исполняющими обязанности». Большинство населения этой страны оказались за чертой бедности из-за растущей личной незащищенности, нехватки воды и электроэнергии. В то же время соседние страны Центральной Азии, выступающие в качестве поставщиков электроэнергии (такие как Таджикистан), сталкиваются с непогашенными платежами. Это связано с тем, что новое правительство в Кабуле управляет секвестированным государственным бюджетом и в настоящее время лишено помощи западных доноров. Активы Центрального банка Афганистана, а это почти \$10 млрд (которые хранятся в Федеральном резервном банке Нью-Йорка), заморожены. Банковская система Афганистана также в значительной степени парализована. На этом фоне Казахстан, очевидно, испытывает серьезные трудности с продажей аграрной и другой продукции в Афганистан. Поскольку в последнее время на эту страну приходилось более половины экспорта казахстанской муки и более 10% экспорта зерна, это создает проблему¹¹. Министр торговли и интеграции Казахстана Бахыт Султанов в конце 2021 года отметил, что объем двусторонней торговли в период с января по октябрь этого года снизился почти на 28% по сравнению с аналогичным периодом 2020 года¹². Несмотря на трудности с оплатой, министр сельского хозяйства Казахстана Ербол Карапшукеев заявил в конце сентября 2021 года, что экспорт пшеницы будет продолжаться: ее будут покупать международные доноры (обычно это Всемирная продовольственная программа ООН) и передавать в дар Афганистану. Похоже, что Правительство Казахстана сделало это, помимо гуманитарных сообщений, в надежде на возможность продавать свою продукцию в будущем уже по рыночным ценам. Обе стороны подчеркнули сохраняющуюся важность двусторонней торговли и сотрудничества, как и в сентябре 2021 года, когда посол Казахстана в Кабуле встретился с исполняющим обязанности министра иностранных дел Амиром Ханом Муттаки¹³.

Совсем недавно, в декабре 2021 года, казахстанская делегация посетила Кабул, чтобы обсудить торговый обмен, общие проекты и более тесные политические связи. Предполагалось создание совместной торговой палаты, а также возобновление прямых авиарейсов между двумя странами¹⁴. Хотя до сих пор ни одно из государств Центральной Азии, включая Казах-

¹¹ Kazakhstan to maintain ties, avoid humanitarian catastrophe in Afghanistan, 2021, <https://www.euractiu.com/section/central-asia/news/kazakhstan-to-maintain-ties-avoid-humanitarian-catastrophe-in-afghanistan/>.

¹² Kazakhstan dispatches 155 tons of aid to Afghanistan, 2021, <https://www.yenisafak.com/en/world/kazakhstan-dispatches-155-tons-of-aid-to-afghanistan-3586742>.

¹³ Kazakhstan has a vested interest in Afghanistan's stability, 2021, <https://www.indepthnews.net/index.php/sustainability/global-partnerships/4786-kazakhstan-has-a-vested-interest-in-afghanistan-s-stability>.

¹⁴ Kazakh delegation visits Kabul to discuss trade, cooperation with Taliban, 2021, <https://www.rferl.org/a/kazakh-trade-delegation-visits-kabul/31626074.html>.

стан, официально не признало движение «Талибан» в качестве нового правительства Афганистана, большинство из них стремится к pragматичным отношениям с Кабулом, поддерживая взаимодействие с движением «Талибан» и развивая диалог по проблемам, представляющим общий интерес, – таким как терроризм, возможный приток беженцев в Центральную Азию и ухудшение экономической ситуации. Только Таджикистан продолжает высказывать откровенное несогласие с такой позицией, не признавая «Талибан». Широко распространено мнение, особенно в Таджикистане и в Узбекистане, этнические выходцы из которых компактно проживают на севере Афганистана, что нынешнее правительство в Кабуле недостаточно инклюзивно с точки зрения представительства этнических меньшинств¹⁵. В Нур-Султане, напротив, этнические казахи, проживающие в Афганистане, не считаются большой проблемой, поскольку их численность, по всей видимости, очень невелика: по данным казахстанских властей, их в настоящее время насчитывается около 200 человек¹⁶. Большинство из них покинули Афганистан уже в 1980-х годах, многие переехали в Турцию [11].

КАЗАХСТАНСКАЯ ПОДДЕРЖКА, ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТАБИЛЬНОСТИ И СТРЕМЛЕНИЕ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Как уже отмечалось, внешняя политика Казахстана и политика безопасности в отношении Афганистана включают гуманитарные, стратегические и материальные цели, что определяет казахстанскую политику в отношении этой страны. В данном разделе рассказывается о поддержке Казахстана, обеспечении стабильности и стремлении к взаимодействию. Далее уделяется внимание вкладу Казахстана в посредничество и урегулирование конфликтов.

Террористические акты 11 сентября 2001 года в США и развертывание ISAF в Афганистане в декабре 2001 года ознаменовали начало поддержки государствами Центральной Азии стабильности в Афганистане (несмотря на сомнительную общую эффективность ISAF и последующей операции «Решительная поддержка»). Казахстан быстро предложил права на пролет для целей ISAF. В следующем году он также предоставил свои аэродромы для самолетов армии США и грузовых самолетов¹⁷. В общей сложности воздушное пространство Казахстана использовали более 13 тысяч самолетов стран – членов НАТО, и более чем в 150 случаях было дано разрешение на аварийную посадку на казахстанских аэродромах. Кроме того, Казахстан

¹⁵ Taliban takeover spurs Central Asian diplomatic activity, 2021, <https://www.voanews.com/a/taliban-takeover-spurs-central-asian-diplomatic-activity/6290950.html>.

¹⁶ Resettlement of Afghanistan's ethnic Kazakhs to Kazakhstan hampered by Taliban takeover, 2021, <https://gandhara.rferl.org/a/afghanistan-ethnic-kazakhs-taliban/31630084.html>.

¹⁷ Foreign Policy, Regional Stability & Security: Afghanistan, <https://kazakhembus.com/foreign-policy/regional-stability-security/afghanistan>.

разрешил ISAF железнодорожный транзит через свою территорию для нелетальных грузов¹⁸. Что касается гуманитарной помощи, то в 2002–2003 годах Казахстан доставил Афганской национальной армии 3 тысячи тонн пшеницы, 192 тонны продуктов питания и одежды¹⁹.

Исполнение данных обязательств было облегчено, учитывая, что казахстанское экспертное сообщество в основном положительно относилось к сотрудничеству с НАТО – в отличие от широкой общественности, которая была более нерешительной в этом отношении. Позже, начиная с 2009 года, Казахстан, как и другие государства Центральной Азии, также станет активным сторонником Северной распределительной сети (NDN), которой он, как отметил помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии Филип Гордон, оказывал «жизненно важную логистическую поддержку» [12, с. 90–96]. NDN способствовала транспортировке оборудования для военных операций США в Афганистане. Это было сделано для того, чтобы обойти Пакистан – первоначальный маршрут, где поставки все чаще подвергались нападениям талибов. В 2012 году Казахстан (и другие страны Центральной Азии) разрешили использовать NDN для обратного перемещения грузов и войск НАТО из Афганистана, чтобы облегчить вывод войск ISAF. Например, казахстанский порт Актау использовался для перевозок NDN [13, с. 7].

Что касается институционального участия Казахстана в НАТО, то со временем между ними сформировались более тесные отношения. Это началось в 1992 году, с присоединения Казахстана к Совету Североатлантического сотрудничества (позже преобразованному в Совет Евроатлантического партнерства) и «Партнерству ради мира» (ПРМ) в 1995 году. Это включало процесс модернизации Вооруженных сил Казахстана и улучшения взаимодействия с НАТО [12, с. 85–87, 89]. Отношения Североатлантического союза со странами Центральной Азии в целом углубились в таких областях, как военная реформа и логистика [14].

Однако, в отличие от других постсоветских государств, не входящих в НАТО, таких как Грузия, Армения, Азербайджан и Украина, Казахстан не предоставлял персонал для ISAF. В 2009 году Роберт Симмонс, специальный представитель генерального секретаря НАТО по Южному Кавказу и Центральной Азии, официально пригласил Казахстан принять участие в операциях ISAF по поддержанию мира. Президент Нурсултан Назарбаев ответил положительно, и 18 мая 2011 года Мажилис Парламента Республики Казахстан проголосовал за соглашение между НАТО и Казахстаном. В документе предусматривалось направление четырех казахстанских офицеров в штаб-квартиру ISAF в Кабуле. Тем не менее данный вопрос вызвал

¹⁸ Foreign-policy, international organizations: NATO, <https://kazakhembus.com/foreign-policy/international-organizations/nato>.

¹⁹ Brief characteristic of Kazakhstan-Afghanistan diplomatic relations, // <http://e-history.kz/media/upload/2065/2014/06/27/3212f6574003562bc960599c064f94de.pdf>.

споры как в политической элите, так и в обществе. Значительная часть казахстанцев, включая Союз ветеранов войны в Афганистане, встретила ожесточенную оппозицию – на общих основаниях, но также и из-за угроз талибов в отношении участия Казахстана в ISAF. В целом высказывалась обеспокоенность тем, что Казахстан может пойти на компромисс со своим гуманитарным, строго гражданским подходом и превратиться в субъект военных действий – несмотря на довольно символический и невоенный вклад четырех офицеров, как это предусмотрено в соглашении. В конце концов, 9 июня 2011 года Сенат Парламента наложил вето на соглашение [12].

Но Казахстан продолжал оставаться убежденным сторонником материально-технического обеспечения ISAF и в дальнейшем оказывал существенное содействие Афганистану. Начиная с 2006 года Казахстан периодически разрабатывает соответствующие правительственные планы действий по оказанию помощи Афганистану. Во время председательства Казахстана в ОБСЕ в 2010 году Президент Назарбаев подчеркнул важность стабилизации в этой стране в качестве одного из главных приоритетов своей внешней политики. Со временем Казахстан превратился в крупнейшего среди пяти центральноазиатских государств поставщика помощи Афганистану. В 2006 и 2011 годах Казахстан финансировал, в частности, строительство школы в провинции Саманган, больницы в провинции Бамиан и ремонт дороги между Кундузом и Талуканом. Он также выделил ресурсы на проекты по восстановлению поставок семян, доставке зерна и других товаров, а также на водоснабжение и развитие инфраструктуры. Кроме того, он обеспечил подготовку сотрудников правоохранительных органов Афганистана, а также стипендии для ста афганских студентов, чтобы они могли поступить в казахстанские университеты²⁰. Число афганских студентов, получивших казахстанскую стипендию, в конечном итоге возросло до 1000. Расширение прав и возможностей женщин также стояло на повестке дня при оказании помощи Афганистану. В 2018 году Казахстан организовал Конференцию по расширению прав и возможностей афганских женщин²¹. В последующий год Казахстан совместно с Комиссией ЕС и Программой развития ООН (ПРООН) запустил образовательную инициативу по выпуску 50 афганских женщин с учеными степенями в региональных университетах²². Между Торгово-промышленной палатой афганских женщин, Советом деловых женщин Казахстана при Национальной палате

²⁰ Foreign Policy, Regional Stability & Security: Afghanistan <https://kazakhembus.com/foreign-policy/regional-stability-security/afghanistan>.

²¹ Foreign Policy, Regional Stability & Security: Afghanistan, <https://kazakhembus.com/foreign-policy/regional-stability-security/afghanistan>.

²² EU, UNDP and Kazakhstan launch education programme to train Afghan women, 2019, <https://astanatimes.com/2019/10/eu-undp-and-kazakhstan-launch-education-programme-to-train-afghan-women/>.

предпринимателей РК «Атамекен» и Ассоциацией деловых женщин Казахстана были подписаны Меморандумы о взаимопонимании²³. После захвата власти талибами в 2021 году Казахстаном было отправлено в Афганистан 5 тысяч тонн муки, 500 килограммов медикаментов и другая гуманитарная помощь²⁴.

Являясь крупным экспортером сельскохозяйственной продукции, Казахстан играет ключевую роль в региональной продовольственной безопасности в целом, которая будет улучшена за счет трансграничных инициатив, которые поддерживает Казахстан [13, с. 15–16], [6, с. 14–15]. Во внешней политике Казахстана гуманитарные цели и цели обеспечения стабильности тесно переплетаются с материальными интересами. Одним из таких проектов является предполагаемый международный торговый коридор, соединяющий узбекский пограничный город Термез с Афганистаном до пакистанского Пешавара, а оттуда – до портов на Аравийском море (таких как Карачи, Гвадар, Салала). Это упростило бы доставку казахстанских (и других центральноазиатских) товаров в Китай и Европу. Еще одна идея – газопровод из Центральной Азии в Индию через Пакистан²⁵.

Кроме того, в марте 2012 года министр иностранных дел Казахстана Ержан Казыханов предложил создать логистический центр ООН для доставки гуманитарной помощи в Афганистан со штаб-квартирой в Алматы с развитой транспортной инфраструктурой и офисами многочисленных международных доноров. Центр укрепит сотрудничество между государствами Центральной Азии в оказании помощи Афганистану, а также активизирует усилия Казахстана по оказанию помощи этой стране [13, с. 23]. Достаточно сказать, что хаб также создаст рабочие места в Алматы и увеличит казахстанский экспорт в Афганистан в целом. В сентябре 2021 года ООН окончательно одобрила эту идею. Кроме того, ООН рассмотрела вопрос о передислокации Миссии ООН по содействию Афганистану (МООНСА) из Кабула в Алматы²⁶. После прихода к власти талибов некоторые сотрудники МООНСА уже были переведены в Алматы по соображениям безопасности. Кроме того, в своем стремлении позиционировать себя в качестве регионального лидера в сфере оказания помощи и содействия развитию в 2020 году Казахстан учредил Казахстанское агентство международного развития (KazAID). Предполагается, что Агентство будет в основном функционировать в качестве фирмы-посредника, действующей в интересах внешних доноров, с которых будет взиматься плата за услуги KazAID, что

²³ Kazakhstan's assistance to Afghanistan helps strengthen regional and global security, diplomat says, 2018, <https://astanatimes.com/2018/09/kazakhstans-assistance-to-afghanistan-helps-strengthen-regional-and-global-security-diplomat-says/>.

²⁴ Kazakh delegation visits Kabul to discuss trade, cooperation with Taliban, 2021, <https://www.rferl.org/a/kazakh-trade-delegation-visits-kabul/31626074.html>.

²⁵ Kazakhstan has a vested interest in Afghanistan's stability, 2021, <https://www.indepthnews.net/index.php/sustainability-global-partnerships/4786-kazakhstan-has-a-vested-interest-in-afghanistan-s-stability>.

²⁶ Kazakhstan envisions Almaty as regional hub for Afghan aid, 2021, https://central.asia-news.com/en_GB/articles/cnmi_ca/features/2021/10/13/feature-01.

**ХОРОШЕЙ НОВОСТЬЮ
ЯВЛЯЕТСЯ ТО, ЧТО ПРИ-
СУТСТВУЮТ ПРИЗНАКИ
УКРЕПЛЕНИЯ ДВУСТОРОН-
НЕГО И МНОГОСТОРОННЕГО
СОТРУДНИЧЕСТВА, КОТОРОЕ
ТАКЖЕ МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К
БОЛЕЕ ШИРОКОЙ ВНУТРИ-
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРА-
ЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ – В ИДЕАЛЕ ВЫХОДЯ-
ЩЕЙ ЗА НЕПОСРЕДСТВЕННО
АФГАНСКИЕ РАМКИ.**

в конечном итоге принесет выгоду Казахстану как бенефициару. На данный момент предполагается, что объем казахстанского капитала в Агентстве будет довольно низким [2].

Тем не менее лидерские амбиции Казахстана в Афганистане не остались неоспоримыми. Существуют соответствующие инициативы других государств Центральной Азии, такие как Контактная группа Узбекистана «6+3» по Афганистану²⁷ под эгидой ООН [13, с. 24–26]. И Узбекистан, и Кыргызстан также желают провести переговоры по Афганистану, чтобы представить свои рекомендации. Например, в марте 2018 года Правительство Узбекистана провело в своей столице конференцию по Афганистану. Узбекистан, самый густонаселенный и имеющий самую значительную торговлю с Афганистаном среди пяти центральноазиатских государств, в целом настороженно относится к амбициям Казахстана в качестве лидера²⁸.

Хорошой новостью является то, что присутствуют признаки укрепления двустороннего и многостороннего сотрудничества, которое также может привести к более широкой внутрирегиональной интеграции в Центральной Азии – в идеале выходящей за непосредственно афганские рамки. Вышеупомянутый гуманитарный хаб в Алматы является одним из таких примеров. Спустя три месяца после захвата власти талибами в августе 2021 года, с целью подготовки к возможному вторжению, Казахстан и Узбекистан провели совместные военные учения в Узбекистане близ Термеза, который граничит с Афганистаном, с участием 300 военнослужащих, 50 единиц техники, артиллерии, истребителей, вертолетов и беспилотных летательных аппаратов²⁹.

В более позитивном ключе все пять центральноазиатских государств в определенной степени участвуют в координации в отношении транзитного маршрута между Центральной и Южной Азией, проходящего через Афганистан [20]. Это перекликается с амбициями Казахстана и других центральноазиатских государств в отношении «взаимодействия»³⁰, которое стало модным термином во втором (экономическом и экологическом) измерении безопасности ОБСЕ и в других сферах. Учитывая их географическое расположение, в частности отсутствие выхода к морю и общую удаленность от мировых рынков, это неудивительно.

²⁷ Comprising six neighbors China, Iran, Pakistan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan—as well as the three additional actors: NATO, Russia and the U.S.

²⁸ Interview with OSCE official from Central Asia, July 2020.

²⁹ Uzbekistan, Kazakhstan Hold Drills Near Afghan Border, 2021, <https://www.usnews.com/news/world/articles/2021-11-24/uzbekistan-kazakhstan-hold-drills-near-afghan-border>.

³⁰ Connectivity can roughly be understood as the conscious crafting of economic relations among states or regions

УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ, ПОСРЕДНИЧЕСТВО И УКРЕПЛЕНИЕ ДОВЕРИЯ

В данном разделе рассматриваются вклад в урегулирование конфликтов, посредничество и укрепление доверия в Афганистане. Здесь Казахстан в качестве «middle power» с растущим уровнем экономического развития стремится демонстрировать свое лидерство в стабилизации и поддержании региональной и многосторонней дипломатии. С 1990-х годов Казахстан в полной мере продемонстрировал региональное и международное лидерство посредством многочисленных инициатив в области сотрудничества. Среди прочего Первый Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев предложил государствам Центральной Азии следовать модели европейской интеграции и настаивал на интеграции в рамках Евразийского союза [15, с. 4–9]. Предательство Казахстана в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в 2010 году также было признаком лидерства [16, с. 53]. Кроме того, страна в значительной степени подготовила почву для объявления Центральноазиатского региона зоной, свободной от ядерного оружия. С некоторым успехом Казахстан активно позиционировал себя в качестве честного посредника в установлении мира, например в качестве принимающей стороны процесса урегулирования в Сирии [17, с. 986–990].

То же самое относится и к Афганистану. Еще в 1996 году, незадолго до того как талибы установили полный контроль в этой стране и ситуация в Афганистане значительно ухудшилась, Казахстан призвал Совет Безопасности ООН принять меры и проконсультировался со своими соседями по Центральной Азии и Россией. Итоги этих консультаций стали основой для резолюции ООН³¹. Правительство Казахстана также сотрудничает с Афганистаном в рамках нескольких региональных и международных институтов, таких как Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Организация Исламского сотрудничества (ОИС), Организация экономического сотрудничества (ОЭС) и Исламская организация по продовольственной безопасности (ИОПБ)³². Кроме того, в 2013 году Казахстан инициировал Алматинский процесс по защите беженцев и международной миграции, призванный содействовать постоянному диалогу и обмену информацией во всем Центральноазиатском регионе в целом, включая Афганистан. В нем рассматриваются такие темы, как торговля людьми и интеграция мигрантов (МОМ 2013)³³. В апреле 2013 года в Алматы состоя-

³¹ Gani diversificiruet afganskuyu politiku cherez Kazahstan, [Ghani diversifies Afghan policy through Kazakhstan], 2015, //http://afghanistan.ru/doc/91956.html.

³² Kazakhstan's assistance to Afghanistan helps strengthen regional and global security, diplomat says, 2018, https://astanatimes.com/2018/09/kazakhstans-assistance-to-afghanistan-helps-strengthen-regional-and-global-security-diplomat-says/.

³³ Its members are Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Afghanistan, Azerbaijan and Turkey. Iran and Pakistan have an observer status.

лась Третья министерская конференция Стамбульского процесса по Афганистану. По этому случаю Президент Нурсултан Назарбаев подчеркнул необходимость межафганского диалога, на котором должно сосредоточиться международное сообщество [18, с. 258–259]. Казахстан также оказал поддержку Кабульскому процессу – афганской инициативе, стартовавшей в июне 2017 года с участием 27 стран и организаций³⁴. В 2017–2018 годах Казахстан был непостоянным членом Совета Безопасности ООН. За этот период страна приобрела опыт в области превентивной дипломатии и регулирования конфликтов, мер укрепления доверия и региональной безопасности, в основном сосредоточившись на Афганистане. Среди прочего в январе 2018 года Казахстан организовал официальный визит членов Совета Безопасности в эту страну [19]. На неофициальной встрече министров ОБСЕ в Словакии в 2019 году Казахстан упомянул о своей цели провести совещание по урегулированию споров непосредственно в Афганистане³⁵. В июне 2021 года, незадолго до прихода к власти талибов, в ходе визита специального представителя США по примирению в Афганистане Залмая Халилзада в Нур-Султан стороны обсудили идею казахстанско-американского расширенного стратегического партнерства в свете предполагаемого вывода войск НАТО из Афганистана, не раскрывая подробностей по существу. Вопрос координации двусторонних и многосторонних усилий по стабилизации и социально-экономическому восстановлению афганского государства также стоял на повестке дня³⁶.

ВЫВОДЫ

Отношение Казахстана к Афганистану отражает как гуманитарные, так и стратегические и материальные цели, которые тесно переплетены. Не имея общей границы, Казахстан в меньшей степени, чем другие государства Центральной Азии, расположенные южнее, подвержен значительным транснациональным вызовам Афганистана или «мягким рискам безопасности». В то же время Нур-Султан извлекает выгоду из своего значительного богатства, что позволяет ему в качестве «middle power» в некоторой степени формировать свою среду и вносить вклад в укрепление стабильности и безопасности как в Центральной Азии, так и за ее пределами, включая Афганистан. Прекращение деятельности ISAF в 2014 году, всех действий НАТО и большинства других международных организаций в Афганистане в середине 2021 года создало огромный вакуум, который

³⁴ Kazakhstan's assistance to Afghanistan helps strengthen regional and global security, diplomat says, 2018, <https://astanatimes.com/2018/09/kazakhstans-assistance-to-afghanistan-helps-strengthen-regional-and-global-security-diplomat-says/>.

³⁵ Kazakhstan announces initiatives to reinforce OSCE goals, 2019, <https://astanatimes.com/2019/07/kazakhstan-announces-initiatives-to-reinforce-osce-goals/>.

³⁶ Kassym-Jomart Tokayev receives U.S. Special Representative for Afghanistan Reconciliation Zalmay Khalilzad, 2021, <https://www.akorda.kz/en/kassym-jomart-tokayev-receives-us-special-representative-for-afghanistan-reconciliation-zalmay-khalilzad-1453915>.

могут помочь заполнить целенаправленные действия и руководство ими из стран, находящихся в непосредственной близости от региона. Это тем более актуально, так как центральноазиатские республики являются мусульманскими (хотя и строго светскими) и, следовательно, более приемлемыми для талибов, чем западные либерально-демократические доноры. Однако привлечение талибов, которые не получили дипломатического признания, равносильно балансированию. Но изоляция талибов от международного сообщества может привести к дальнейшему обострению и без того сложной ситуации и подстрекательству еще более злобных сил. Фактически полноценная террористическая организация ИГИЛ («Исламское государство Ирака и Леванта») представляет серьезную угрозу для «Талибана». Необходимо понять, насколько прагматичной и конструктив-

Вышеупомянутые инициативы Казахстана и Узбекистана – двух крупнейших центральноазиатских доноров в Афганистане – являются позитивными признаками в этом направлении, несмотря на одновременную двустороннюю конкуренцию и частично расходящиеся взгляды.

ной может быть политика нового правительства, сформированная этим движением.

Привлечение талибов, стимулирование межафганского примирения, действие устойчивому развитию, а также разработка и реализация инфраструктурных проектов, связывающих Афганистан с его северными соседями (какими бы далекими они ни казались сейчас, когда у власти «Талибан»), будут успешными только в том случае, если государства Центральной Азии и другие участники будут работать сообща, особенно в соответствующих международных институтах, таких как ООН, ЦАРЭС и Азиатский банк развития. Вышеупомянутые инициативы Казахстана и Узбекистана – двух крупнейших центральноазиатских доноров в Афганистане – являются позитивными признаками в этом направлении, несмотря на одновременную двустороннюю конкуренцию и частично расходящиеся взгляды. Нынешнее президентство Шавката Мирзиёева в Узбекистане создает значительные предпосылки для укрепления и оптимизации совместных усилий по стабилизации в Афганистане и построения взаимовыгодных и добрососедских отношений. Остальные государства Центральной Азии должны быть включены в этот процесс, насколько это возможно. В конечном счете согласованные усилия в этом направлении и укрепление связей с Афганистаном, вероятно, послужат катализатором процессов сотрудничества внутри Центральной Азии в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schmitz A. *Kasachstan: neue I. Andrea Schmitz, Kasachstan: neue Führungsmacht im postsowjetischen Raum?*, SWP-Studie 30, Stiftung Wissenschaft und Politik, Berlin, 2009.
2. Abilgazina, A. *KazAID Offers a Way for Kazakhstan to Promote Its Foreign Policy Objectives*, 2020, Caspian Policy Center: <https://www.caspianpolicy.org/research/articles/kazaид-offers-a-way-for-kazakhstan-to-promote-its-foreign-policy-objectives> (accessed on March 6, 2022).
3. Satbayev, D. *Central Asia—Afghanistan: infrastructure projects and the prospects for integration*, 2011, <http://iwpr.net/ru/report-news/> (accessed on January 3, 2012).
4. Zonn, I. S., Semenov, A. V., Nikonorova, A. V., & Egorov, V. G. *Afghanistan water resources policy in Central Asia*, In *Water Resources in Central Asia: International Context*, 2018, Springer, Cham., (pp.) 243–261.
5. Lyonnet, Bertille and Nadezhda A. Dubova. *The World of the Oxus Civilization* (Abingdon: Routledge, 18 Nov 2020), Routledge Handbooks Online (accessed on March 3, 2022).
6. Laruelle, Marlene, Sébastien Peyrouse, and Vera Axyonova. *The Afghanistan-Central Asia relationship: What role for the EU?*, Universitäts- und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt, 2013.
7. Kirmse, S.B. *Raumkonzepte von Zentralasien: Ein historischer Überblick*. In: Lempp J., Mayer S., Brand A. (eds) *Die politischen Systeme Zentralasiens*. Springer VS, Wiesbaden, 2020, (pp.) 19–39.
8. Starr, S. Frederick. *In defense of greater Central Asia*, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008.
9. Burnashev R., Chernykh I. *Das politische System Usbekistans*. In: Lempp J., Mayer S., Brand A. (eds) *Die politischen Systeme Zentralasiens*.
- Springer VS, 2020, Wiesbaden, (pp.) 57–74.
10. Ponka, T., Sidorov, D., Walid, S. S., Semanina, A. *Cultural and Humanitarian Cooperation Between Afghanistan and Central Asian Countries*. In 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019) Atlantis Press, 2019, (pp.) 2191–2195.
11. Svanberg, Ingvar. *In search of a Kazakhstani identity*, Journal of Area Studies 2.4, 1994, (pp.) 113–123.
12. McDermott, Roger N. *Vigilant Eagle: Kazakhstan's Assistance to ISAF in Afghanistan. Connections, Partnership for Peace Consortium of Defense Academies and Security Studies Institutes*, 2011, vol. 10, no. 3, (pp.) 81–116.
13. Kassenova, Nargis. *Relations Between Afghanistan and Central Asian States After 2014: Incentives, Constraints and Prospects*. Stockholm International Peace Research Institute, 2014.
14. Uguloy Mukhtorova. *Central Asia and NATO Against a Backdrop of Changing Geopolitical Realities*, Rome: NATO Defense College, 2018.
15. Assylzat Karabayeva. *Leaders, Ideas, and Norm Diffusion in Central Asia and Beyond*, Asian Journal of Comparative Politics, 2019.
16. Pál Dunay, *Kazakhstan's Unique OSCE Chairmanship in 2010*, OSCE Yearbook, 2011.
17. Rachel Vanderhill, Sandra F. Joireman, Roza Tulepbayeva. *Between the Bear and the Dragon: Multivectorism in Kazakhstan as a Model Strategy for Secondary Powers*, International Affairs 4, 2020, (pp.) 986–990.
18. Dmitry Malyshev, Elnara Bainazarova. *Russia and Kazakhstan: Mutually Different Interests for Regional Leadership*, in: Rytövuori-

- Apunen, H., *The regional security puzzle around Afghanistan: bordering practices in Central Asia and beyond*, Verlag Barbara Budrich, 2016, (pp.) 243–271.
19. Cornell, S. E., Starr, S. F. *Kazakhstan's Role in International Mediation under First President Nursultan Nazarbayev*, Silk Road Paper, 2020.
20. Linn, J. *Central Asia Bringing down Barriers: Regional Cooperation for Human Development and Security*, New York: Regional Human Development Report for Europe and the CIS, 2005.

АКТИВИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АФГАНИСТАНЕ ПРИ НОВОЙ ВЛАСТИ ТАЛИБОВ

Еркин Тукумов

Директор Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, кандидат политических наук.

В 1997 году окончил Институт международных отношений Варшавского университета. В 2016 году – школу государственного управления Гарвардского университета. Научную степень защитил в 2004 году в Институте философии и политологии Академии наук Республики Казахстан.

В разные годы работал в аналитических структурах страны, на государственных должностях в Администрации Президента Республики Казахстан и в Министерстве иностранных дел.

Алишер Абдрешев

Научный сотрудник Отдела международных и геоэкономических исследований КИСИ при Президенте РК, магистр гуманитарных знаний.

В 2015 году окончил Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана по специальности «международные отношения», а в 2016 году магистратуру Казахского национального университета им. аль-Фараби.

В 2017–2019 гг. работал в департаменте СНГ Министерства иностранных дел РК. Сфера интересов: политическое развитие постсоветского пространства, роль России в современном мире, а также страны Центральной Азии.

АННОТАЦИЯ

Приход в августе 2021 года к власти в Афганистане движения «Талибан», до сих пор не признанного международным сообществом, за редким исключением, существенно усугубил и без того непростую ситуацию с продовольственной безопасностью и как следствие – в сфере внутренней и внешней миграции населения.

В статье автор проанализировал текущую миграционную ситуацию в стране, привел опыт зарубежных государств по приему афганских беженцев, а также сделал прогноз относительно дальнейшего развития ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Афганистан, продовольственный кризис, миграция, население.

ВВЕДЕНИЕ

За катастрофическими событиями в Украине афганский вопрос быстро переместился из топовых мировых новостей во второстепенные.

Между тем ситуация в Афганистане с каждым месяцем и днем становится все более тяжелой.

Важнейшим фактором складывающейся гуманитарной ситуации в стране является дефицит продовольствия. Эта проблема для Афганистана не является чем-то новым и имеет свои глубокие корни с момента начала гражданской войны в Афганистане в 1979 году. По прошествии многих лет страна продолжает оставаться одним из мировых лидеров по показателям острого недоедания и отставания в развитии у детей в возрасте до пяти лет [1]. ЮНИСЕФ декларирует, что около 10 миллионам детей в Афганистане для выживания требуется гуманитарная помощь; прогнозируется, что в ближайшие годы один миллион детей будет страдать от дефицита питания.

Однако ситуация в сфере обеспечения продовольствием значительно усугубилась с момента прихода к власти талибов в августе 2021 года. Если до этого при режимах правления президентов Х. Карзая (2004–2014 гг.) и Ашрафа Гани (2014–2021 гг.) ситуация с продовольствием в какой-то степени решалась международными программами продовольственной помощи, то с приходом талибов оказание внешней помощи существенно усложнилось с учетом масштабного ущемления прав человека в Афганистане и международного непризнанного статуса движения «Талибан». Так, международное сообщество экстренно заморозило миллиардные активы Афганистана по причине опасения их попадания в руки движения «Талибан» – официально признаваемого многими странами в качестве террористического.

Усложнение оказания гуманитарной помощи со стороны международного сообщества не означает, что она прекратилась. Так, в январе 2022 года ООН обратилась к мировому сообществу с призывом о необходимости сбора гуманитарной помощи Афганистану в размере 4,4 млрд евро для предотвращения гуманитарной катастрофы. США выразили намерение выделить для реализации этой инициативы \$300 млн [2]. Казахстан в минувшем году отправил 5 тысяч тонн пшеничной муки в качестве гуманитарной помощи. Количество стран, оказавших и готовых оказать гуманитарную помощь, можно перечислять и далее.

Однако проблема заключается не только в явно недостаточных масштабах помощи со стороны международного сообщества, но и в самой дистрибуции этой помощи внутри Афганистана. Если распределение гуманитарной помощи и раньше, до талибов, подвергалось значительной критике, обвинениях в коррупции и непрозрачности процесса, то уход практически всех международных сил с территории Афганистана в 2021 году нейтрализовал все системы контроля дистрибуции гумпомощи.

В итоге сложилась парадоксальная ситуация, когда есть четкое понимание со стороны международного сообщества о необходимости оказания

**С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ВОПРОСОВ
НАДО ОТМЕТИТЬ, ЧТО
В НАИБОЛЕЕ ТЯЖЕЛОМ
ПОЛОЖЕНИИ ОКАЗАЛИСЬ
Уязвимые слои населения –
женщины и дети.**

вилизации (образование, медицина, развлечения и т. д.) ведут к тому, что огромное количество афганцев желает покинуть страну. Сколько всего из 39 млн жителей Афганистана готово мигрировать из страны, в каких направлениях и на какой срок – неизвестно из-за невозможности проведения каких-либо исследований в настоящее время. Однако очевидно, что с учетом бедственного положения высокого уровня опасности можно предположить, что количество потенциальных мигрантов исчисляется миллионами. Так, согласно Индексу человеческого развития ООН, Афганистан является на сегодня наименее развитой страной в Азии и занимает 169-е место из 189 стран [4].

С точки зрения гуманитарных вопросов надо отметить, что в наиболее тяжелом положении оказались уязвимые слои населения Афганистана – женщины и дети. Так, в докладе Human Rights Watch отмечается, что менее чем за семь месяцев талибы закрыли средние школы для девочек, создали для них барьеры в получении высшего образования и запретили большинству женщин ходить на работу [5]. Также было упразднено Министерство по делам женщин и введен запрет на покидание страны в одиночку, что усложнило процесс женской эмиграции.

До прихода к власти талибов отсутствие безопасности было основной причиной выезда женщин из Афганистана (42% женщин, что значительно выше, чем среди мужчин). Среди других причин были беззаконие, экономические, личные и семейные причины, отсутствие социальных услуг, в том числе бегство от принудительного брака или домашнего насилия.

Анализируя проблему продовольствия в Афганистане, нельзя не отметить и демографический фактор. Так, несмотря на затяжную – почти полувековую войну – «гражданскую» или с внешним участием, – население Афганистана после 1980 года к 2022-му более чем удвоилось – с 15 до 39 млн человек. Ограниченные войны совсем не мешают демографическому росту в Афганистане. Ожидается, что с 2022-го по 2050 год прирост составит еще 77% [6].

Демографический рост в стране создает колоссальные проблемы для всех секторов разрушенной экономики. К примеру, Афганистану необходимо

продовольственной, медицинской помощи и возможности избежать тем самым хотя бы временно гуманитарной катастрофы и новых волн миграции в западные страны в том числе, а с другой стороны – опасения использования талибами гуманитарной помощи в своих целях и непрозрачности ее распределения.

Как следствие, согласно международным оценкам, Афганистан лидирует в мире по числу людей, испытывающих острую нехватку продовольствия: более 23 млн человек нуждаются в продовольственной помощи, примерно 95% населения недоедают [3].

Продовольственные проблемы вкупе с проблемами безопасности, отсутствия доступа к прежним благам цивилизации (образование, медицина, развлечения и т. д.) ведут к тому, что

димо создавать ежегодно на рынке труда около 400 тысяч рабочих мест для размещения новых работников, что практически невозможно. По статистике, по самым скромным подсчетам, почти каждый четвертый участник на рынке труда в Афганистане, или около 2 млн человек, либо работает менее восьми часов в неделю, либо не имеет работы и активно ее ищет. При этом лишь немногие афганцы имеют доступ к производительной или оплачиваемой работе. Также почти три четверти населения моложе 30 лет, а это приблизительно 8 млн человек, выходит на рынок труда с низким образованием и ограниченными возможностями трудоустройства. Безработица является наиболее серьезным явлением среди молодежи (28%) и женщин (37%). В целом по стране почти половина безработных – это люди моложе 25 лет (45,6%). Среди городской безработной молодежи 54% имеют среднее образование или выше, в сельской местности наоборот – 54% безработной мужской молодежи не имеют формального образования, а 37% неграмотны.

В целом вырисовывается понятная картина крайне сложной ситуации и необходимости крупномасштабной, многоплановой на системной основе гуманитарной помощи Афганистану. Пока же единственным исходом для многих миллионов афганцев видится миграция из страны.

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Уже сегодня афганцы составляют одну из крупнейших групп беженцев в мире: 2,6 млн человек проживают за пределами страны своего происхождения [7]. Наибольшая доля прошений о предоставлении убежища в ЕС подается афганскими гражданами. Кроме того, Пакистан и Иран, два ближайших соседа Афганистана, уже приняли миллионы афганских беженцев. С дальнейшим обострением гуманитарного и политического кризиса, скорее всего, еще большее число афганцев покинут свои дома.

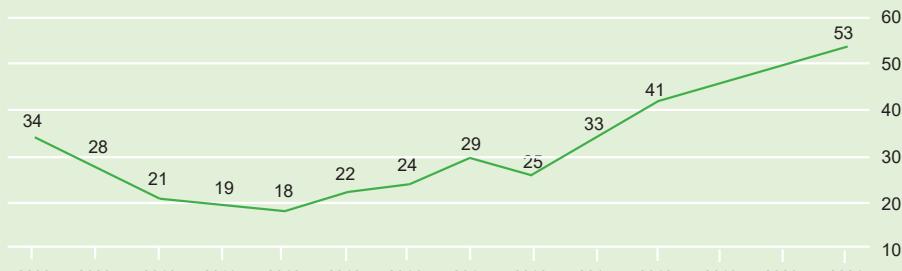
Одним из возможных направлений в качестве транзитной территории могут стать страны Центральной Азии, а для некоторых и постоянным местом проживания. Такой исход может привести к большим проблемам для стран региона с учетом не только вопросов логистического характера, готовности принять тысячи мигрантов, оперативно развернуть палаточные лагеря, но и вопросов безопасности, связанной с потенциальной возможностью инфильтрации радикальных элементов.

Процент афганцев, заявивших о желании навсегда покинуть родину, вырос до рекордно высокого уровня в 53% в августе и сентябре прошлого года. Этот процент – один из самых высоких в мире в 2021 году. Более того, данная цифра будет потенциально увеличиваться по мере ухудшения социальных условий после прихода к власти талибов.

Рекордно высокие 53% афганцев хотят уехать навсегда

В идеале, если бы у вас была такая возможность, хотели бы вы переехать на ПОСТОЯННОЕ жительство в другую страну или предпочли бы продолжать жить в этой стране?

— % Хотели бы мигрировать

ИНСТИТУТ ГЭЛЛАПА

КТО ХОЧЕТ ПОКИНУТЬ АФГАНИСТАН?

Всплеск желания афганцев покинуть свою страну очевиден почти во всех демографических группах, но особенно сильно он проявляется среди афганских мужчин и тех, кто имеет как минимум среднее образование. В период с 2018-го по 2021 год процент мужчин, заявивших, что они хотели бы уехать, вырос на 21 пункт – с 35 до 56%. И за тот же период процент афганцев с образованием выше среднего, которые хотели бы уехать, увеличился на 22 пункта – с 40 до 62% [8].

Желание мигрировать возросло почти среди всех демографических групп в Афганистане
% афганцев, которые хотели бы навсегда уехать из своей страны

	2018 %	2021 %	Изменение Процентный пункт
Мужчины	35	56	+21
Женщины	47	50	+3
В возрасте от 15 до 29 лет	44	58	+14
В возрасте от 30 до 49 лет	42	48	+6
В возрасте 50+	29	46	+17
До восьми лет обучения в школе	42	50	+8
От девяти до 15 лет обучения в школе	40	62	+22
Городская местность	41	44	+3
Сельская местность	41	56	+15

ИНСТИТУТ ГЭЛЛАПА

Желание эмигрировать среди женщин выросло незначительно, однако высокий процент наблюдался уже в 2018 году. 50% женщин, заявивших, что хотят уехать в 2021 году, не намного выше, чем 47%, которые заявили об этом в 2018 году, что также являлось рекордно высоким показателем на тот момент.

КУДА ХОТЯТ ПОЕХАТЬ АФГАНЦЫ?

Предпочтения афганцев относительно того, куда они хотели бы отправиться, если бы могли уехать, несколько изменились с 2018 года. Тем не менее такие страны, как Турция, Германия, Канада и США, по-прежнему возглавляют список наиболее желаемых направлений.

Согласно проведенным опросам, Турция является наиболее популярным местом для потенциальных мигрантов из Афганистана – 25% заявили, что хотели бы переехать туда. 15% упомянули Германию и 12% – Канаду по сравнению с 7% в 2018 году.

ПОЛИТИКА ПРИЕМА АФГАНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ

Страны Центральной Азии. Афганистан граничит с Туркменистаном, Узбекистаном и Таджикистаном. Все эти государства подписали Конвенцию о беженцах 1951 года и Протокол от 1967 года. Тем не менее Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), состоящая из постсоветских государств, выработала единую позицию о неприеме афганских беженцев и провела боевые учения на своих границах по противодействию движению афганских беженцев.

Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев заявил о своей поддержке запрета ОДКБ, а президент Кыргызстана Садыр Жапаров предложил создать Пояс безопасности в регионе для предотвращения возможных посягательств извне [9]. Президент России Владимир Путин, в свою очередь, высказался против даже временного размещения афганских граждан в Центральной Азии, которые могли бы оформить визы в США и Европу. Отчасти поэтому даже Таджикистан, который предложил временно принять до 100 000 афганских беженцев, позже в итоге принял меньшее число афганцев.

В результате большинство афганцев, ищущих переселения, скорее всего, нацеляются на соседние Иран и Пакистан, которые до 2021 года уже совместно приняли более 2,2 млн беженцев. На текущий момент только в одном Пакистане находится около 1,5 млн беженцев.

Пакистан принимал афганских беженцев со времен советского вторжения в Афганистан в 1979 году, несмотря на то, что он не подписал ни Конвенцию о беженцах 1951 года, ни Протокол 1967 года. Однако ранее открытая политика 1980-х годов (которая позволила более чем 3 млн афганцев найти убежище в Пакистане) была заменена жесткими ограничениями.

В 2018 году Правительство Пакистана оказалось давление на афганцев, чтобы те вернулись в Афганистан. За месяц до падения Кабула министр внутренних дел Пакистана объявил, что афганцы будут заключены в лагеря, а всем афганцам, которые повторно пересекут границу, будет запрещен въезд в города. Незадолго до окончательного свержения афганского правительства в августе 2021 года Пакистан закрыл границу с Афганистаном. С тех пор он вновь открыл некоторые пограничные контрольно-пропускные пункты, но пересечение границы остается строго ограниченным. Тем афганцам, которым удалось незаконно пересечь границу Пакистана, грозят задержание и депортация. Отчасти по этой причине афганцам редко удается зарегистрироваться в качестве беженцев в УВКБ ООН.

Для авиаперелетов в Пакистан для афганцев в настоящее время требуется паспорт и действующая пакистанская виза. Однако визы действительны только в течение двух месяцев. Рейс, который недавно был приостановлен, может перевозить только триста афганцев в день, и билет стоит \$1500. Автомобильное же путешествие требует преодоления сотен миль от столицы через опасные районы Афганистана.

Иран подписал Конвенцию о беженцах 1951 года и Протокол от 1967 года. Ранее афганцы свободно пересекали границу, чтобы работать в Иране. Граница с Ираном протяженностью 600 миль, состоящая в основном из пустыни, в настоящее время патрулируется талибами в меньшей степени, чем другие приграничные районы. Иран также создал несколько лагерей беженцев.

Примечательно, что Иран продолжает проводить политику насильственной депатриации афганцев без документов, несмотря на риск репрессий со стороны талибов или голодной смерти в Афганистане. По оценкам

New Humanitarian, общее число афганцев, депатрированных в Афганистан из Ирана только в 2020 году, составило 860 тысяч человек, большинство из которых не имели документов. По оценкам Международной организации по миграции, Иран каждую неделю депортирует от 20 тысяч до 30 тысяч афганцев. Иран также настаивает на том, что зарегистрированные афганские беженцы могут быть депатрированы, как только Иран почувствует, что ситуация улучшилась, не уточняя при этом, какие критерии будут использоваться для оценки ситуации [10].

Индия, как и Пакистан, не подписала Конвенцию о беженцах 1951 года или Протокол о беженцах 1967 года. По состоянию на 2019 год Индия приняла более 10 тысяч афганских беженцев, хотя были опасения, что она дискриминирует мусульман, предлагая убежище в своей стране.

Турция долгое время была пунктом назначения или транзитом для афганских беженцев, направляющихся на Запад. При этом Анкара, которая уже приняла не менее 4 млн сирийских беженцев, не изъявляет желания принимать больше. Президент Турции Эрдоган прямо заявил, что Турция не станет «складом беженцев» Европы. Поэтому в ответ на увеличение потока афганских беженцев Турция усилила безопасность своей границы с Ираном, в том числе построила новые стены и заборы из колючей проволоки, а также усилила пограничное патрулирование.

Западные демократии. В странах ЕС политика в отношении беженцев вырабатывается в значительной степени обособленно, так как государства-члены по-разному относятся к беженцам и мигрантам в целом: например, правительства Швеции и Германии обычно были более открыты для беженцев, а Правительство Венгрии традиционно выступало против. Однако в настоящее время в ЕС действует временный мораторий на депортацию афганских лиц, ищущих убежища, который был введен незадолго до падения Кабула. За последние две недели августа, когда власть взяли талибы, Германия эвакуировала 5347 человек (в том числе 4100 афганцев), Италия – 5011 человек (в том числе 4890 граждан Афганистана), Франция – более 3000 (в том числе 2600 афганцев), Нидерланды – 2500 и Испания – 1898 афганцев. Швеция, Бельгия, Польша и Дания эвакуировали от 900 до 1400 человек каждая. Основываясь на этих подсчетах и меньшем количестве людей, эвакуированных другими государствами – членами ЕС, получается, что около 22 тысяч афганцев были эвакуированы в Европейский союз.

С тех пор политика ЕС была сосредоточена на «поддержке лагерей беженцев в соседних с Афганистаном государствах», хотя очень немногие афганцы смогли пересечь границу с соседними странами после того, как талибы захватили власть, не говоря уже о получении безопасного убежища в этих странах. Плохие условия в лагерях и угроза депатриации среди соседей по-прежнему побуждают афганцев пробираться в Европу, несмотря на опасные условия и угрозы насилия, с которыми они сталкиваются при пересечении границы. В декабре 2021 года 15 государств – членов ЕС

согласились принять для переселения 40 тысяч афганцев, где Германия приняла 25 тысяч человек, Нидерланды – 3159, а Испания и Франция взяли на себя обязательство принять по 2500 человек.

Соединенные Штаты. С августа 2021 года США переселили больше афганских беженцев, чем любое другое государство. Однако важно различать афганских эвакуированных, которые оформляются в соответствии со специальными визовыми режимами, от ранее действующих программ переселения беженцев в Соединенных Штатах.

Во время падения Кабула у афганцев, желающих въехать в Соединенные Штаты, было два официальных визовых маршрута. Специальные иммиграционные визы (SIV) могли получить афганцы (для себя и своих семей), работавшие с американскими вооруженными силами. Это касалось примерно 50 тысяч человек. Другие оцениваются в соответствии с тремя уровнями приоритета для переселения беженцев: первый уровень приоритета (P1) предназначен для отдельных случаев, в которых переселение было срочно необходимо, P2 – для групп, вызывающих особую гуманитарную озабоченность и P3 – для членов семей уже переселенных беженцев.

В начале августа право P2 было предложено афганцам, которые работали непосредственно на Правительство США или в качестве прямых подрядчиков по программам, финансируемым Правительством США. Это расширило право примерно на 200 тысяч афганцев. Однако кандидатам P2 сообщили, что они могут подать заявку только после отъезда из Афганистана, что требовало возможности въехать в третью страну, и предполагалось, что этот процесс займет от одного до двух лет без каких-либо гарантий приема.

Большая часть этой системы получила практическую реализацию в результате эвакуации из аэропорта Кабула в период захвата Афганистана талибами 15 августа 2021 года. В течение августа Соединенные Штаты эвакуировали около 82 015 афганцев. В эту группу входили граждане США и афганцы, имеющие право претендовать на SIV. Также были включены многие, кто сумел пробиться в аэропорт и был эвакуирован без какой-либо четкой процедуры для определения их правового статуса. По оценкам, около 250 тысяч афганцев, имеющих право на получение американской визы, остаются в ловушке внутри Афганистана.

К началу сентября не менее 24 тысяч эвакуированных уже прибыли в сами Соединенные Штаты, еще 23 тысячи находились на зарубежных военных базах США, а остальные 20 тысяч ждали в других странах. К середине сентября число афганских беженцев в США увеличилось до 37 тысяч человек. Из общего числа 82 015 эвакуированных только 36 821 человек были заявителями SIV. Судя по всему, Правительство США продолжает помогать большинству этих лиц въезжать в Соединенные Штаты в рамках процедуры условно-досрочного освобождения по гуманитарным соображениям, которая проходит быстрее, чем обычный процесс переселения беженцев.

Все штаты США, за исключением Гавайев, Южной Дакоты, Западной Вирджинии и Вайоминга, взяли на себя обязательство переселить этих бе-

женцев, при этом Калифорния и Техас приняли наибольшее количество беженцев. (Калифорния и Техас всегда были ведущими штатами по приему афганских беженцев, за ними следуют Вирджиния, Вашингтон и Мэриленд. Хотя существует политическая поддержка принятия беженцев на Гавайях, инфраструктура штата не в состоянии их расселить.)

Великобритания. Как и программа SIV в США, британская политика переселения и помощи афганцам (ARAP) предоставляла помочь в переселении афганцам, которые работали с британскими военными и правительственные чиновниками и подвергались риску репрессий со стороны талибов. В рамках операции «Питтинг» британскими военными во второй половине августа эвакуировано 15 тысяч человек (через Дубай на базу Королевских ВВС Брайз-Нортон в Великобритании) [11]. В рамках этой эвакуации была вызвана тысяча человек, описанных как лица, подвергающиеся особому риску, в том числе женщины-политики, члены ЛГБТ-сообщества, активисты и судьи.

Премьер-министр Борис Джонсон объявил о дополнительной схеме переселения афганских граждан (ACRS) 18 августа 2021 года. В соответствии с этой схемой Великобритания обязалась принять 5 тысяч человек в течение года после падения Кабула и 20 тысяч человек в течение неопределенного периода времени. Схема была предназначена для того, чтобы отдать приоритет тем, кто работал с Великобританией в Афганистане и продвигал демократию, права женщин, свободу слова и верховенство закона.

Канада первоначально обязалась принять 20 тысяч афганских беженцев, увеличив их число до 40 тысяч после парламентских выборов в стране в сентябре 2021 года. Эта цифра сравнима с сирийской программой переселения, ознаменовавшей первый год пребывания Трюдо у власти, в рамках которой с ноября 2015-го до конца 2016 года было принято 39 636 беженцев.

Во время парламентской кампании 2021 года Либеральная партия Трюдо также пообещала выделить 350 млн канадских долларов на переселение беженцев. Канадская программа переселения спонсируется как государством, так и частными лицами.

Австралия после августа 2021 года эвакуировала более 3200 граждан Австралии и афганцев с австралийскими визами. Страна привержена принятию еще до 3 тысяч афганских беженцев. Министр иммиграции заявил, что тем, кто приехал в Австралию по временным визам, будет разрешено пребывать в стране, «пока ситуация с безопасностью остается ужасной». Позднее премьер-министр Австралии Скотт Моррисон обязался не ограничивать прием афганских беженцев, отменив первоначальную цифру в 3 тысячи и существующий лимит в 13 750 беженцев для переселения.

При этом Министерство внутренних дел Австралии предостерегает от любых попыток прибыть в страну на морском транспорте, подтвердив политику против приема просителей убежища, прибывающих по морю. Многие афганские беженцы, бежавшие в Юго-Восточную Азию, не смогли добраться до Австралии из-за этих ограничений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Двадцатилетняя война в Афганистане породила для этой страны множество социально-экономических проблем, одной из которых является большая зависимость бюджета страны от средств западных доноров.

Экономическая изоляция Афганистана посредством лишения доступа страны к своим международным резервам, ресурсам западных финансовых институтов и блокирования нормальной работы банковской системы в системе международных платежей только усугубляет существующий гуманитарный кризис.

При этом ситуацию отягощает текущая демографическая нестабильность. В связи с приходом к власти талибов курс на эмиграцию среди населения лишь усилился. Отсутствие необходимых человеческих ресурсов, грамотных специалистов в сфере государственного управления и технологического развития будет лишь порождать новые проблемы и тормозить модернизацию страны.

Вопрос оказания гуманитарной помощи не должен оставаться в тени, политизироваться и использоваться в качестве инструмента давления на Афганистан.

Экономические трудности, стоящие перед Афганистаном, – это «окно возможностей» для талибов, которые они смогут преодолеть при помощи международного сообщества при условии их приверженности целям социально-экономического процветания страны.

Тема поддержки афганского народа, очевидно, будет актуальной в ближайшее десятилетие: мировому сообществу необходимо быть реалистами и понимать, что для стабилизации гуманитарной ситуации, возобновления экономического роста потребуется время.

В этой связи уповать исключительно на помощь ООН было бы недальновидно. В нынешних условиях страны Центральной Азии имеют все возможности подхватить эстафетную палочку и постараться внести свой посильный вклад для спасения жизней и здоровья жителей многострадального Афганистана.

Казахстан как государство с проактивной внешней политикой и уже солидным бэкграундом помощи как в продовольственной сфере, так и в обучении граждан Афганистана, скорее всего, продолжит посильное участие в судьбе этой страны. Очень важно, чтобы усилия Казахстана были сопряжены с усилиями всего региона Центральной Азии, так как вопросы потенциальной миграции населения Афганистана – это вопросы региональной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Marie McAuliffe *Struggling to Survive: Gender, Displacement, and Migration in Taliban-Controlled Afghanistan*, Center for Strategic and International Studies // URL: <https://www.csis.org/analysis/struggling-survive-gender-displacement-and-migration-taliban-controlled-afghanistan>.
2. ООН призвала мир собрать 4,4 млрд евро на помочь Афганистану // URL: <https://www.dw.com/ru/oon-prizvala-mir-sobrat-44-mlrd-evro-na-pomoshh-afganistanu/a-60394355>.
3. Афганистан во власти талибов, 26 апреля 2022 // URL: <https://www.interfax.ru/world/837873>.
4. UNDP, *Economic Instability and Uncertainty in Afghanistan after August 15* // URL: <https://www.undp.org/library/economic-instability-and-uncertainty-afghanistan-after-august-15>.
5. Human Rights Watch, *Afghan girls' education: "I don't think I have a future"* // URL: <https://www.hrw.org/news/2021/10/31/afghan-girls-education-i-dont-think-i-have-future>.
6. UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA), *Humanitarian needs overview* // URL: https://afghanistan.un.org/sites/default/files/2022-01/afghanistan-humanitarian-needs-overview-2022_0.pdf.
7. Viola Fee Dreikhausen, Florence Gaub "Taliban in or out? Afghanistan in 2025", European Union Institute for Security Studies // URL: <https://iss.europa.eu/content/taliban-or-out>.
8. Julie Ray "Taliban returns, majority of afghans seek an exit" // URL: <https://news.gallup.com/poll/391499/taliban-returns-majority-afghans-seek-exit.aspx>.
9. Жапаров призвал создать Пояс безопасности в ЦА // URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210917/bezopasnost-central-asia-1042328973.html>.
10. "We don't have a choice": thousands of afghans fleeing abroad daily as Taliban violence soars // URL: <https://gandhara.rferl.org/a/afghan-refugees-taliban-violence/31378092.html>.
11. Military operation established to support the drawdown of British nationals from Afghanistan // URL: <https://www.gov.uk/government/news/military-operation-established-to-support-the-drawdown-of-british-nationals-from-afghanistan>.

АФГАНИСТАН И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ РЕГИОН

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

Владимир Пластун

Доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

В 1967 году окончил Иранское отделение Института восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки) при МГУ им. М. В. Ломоносова. Опубликовано около 300 научных и научно-публицистических работ и шесть монографий по тематике Афганистана.

Email: vladimir_plastun@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Международное сообщество едино в осуждении транснационального терроризма, игнорирования движением «Талибан» прав национальных меньшинств Афганистана и угрозы наркобизнеса. Тем не менее нельзя не принимать во внимание причины, которые способствовали появлению этого движения в его радикальных формах и расширению конфликта, принявшего, в конце концов, международный масштаб. В частности, речь идет о вооруженной интервенции со стороны иностранных государств, неоднократно пытавшихся оккупировать эту страну и навязать афганскому народу чуждую ему идеологию и образ жизни. После долгих лет безуспешных боевых действий иностранные войска были вынуждены покинуть территорию Афганистана, оставив страну в состоянии гуманитарного и экономического кризиса. Новое правительство обращается ко всему мировому сообществу в лице ООН и к отдельным странам с просьбами о признании и об оказании населению помощи в гуманитарной и экономической сферах. Проблема сложная и требует тщательного обсуждения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Афганистан, движение «Талибан», Центральная Азия, Россия, Китай, исламизм и джихадизм, американские войска, Исламский Эмират Афганистан, террористические группировки.

ВВЕДЕНИЕ

Разобраться в причинах нестабильности и сегодняшней критической ситуации в Афганистане и вокруг нее без краткого описания предшествующих событий довольно сложно. Государство Афганистан, известное в исторической литературе под названием «Империя Дуррани», появилось в 1747 году. Сведения о нем редко попадали на страницы мировой прессы, хотя оно периодически становилась объектом посягательств со стороны иностранных держав. На geopolитическом уровне особое внимание Афганистан стал привлекать только во второй половине XX века – после ввода в Афганистан советских войск в конце декабря 1979 года. С тех пор информация о ситуации в этой стране и регионе не сходит с первых страниц публикаций в средствах массовой информации всего мира.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

В предлагаемой работе автор использовал историко-системный метод исследования, который характеризуется изучением объектов и событий прошлого как целостных исторических систем. Проводится анализ изменений структуры и функций внутренних и внешних связей, происходящих в ходе исторического процесса.

Главная обсуждаемая проблема – возвращение к власти представителей движения «Талибан» (ДТ)¹, повторно назвавших государственное образование «Исламский Эмират Афганистан» (ИЭА). Этому предшествовали следующие события:

- июнь 1973 года – антимонархический переворот; Президентом республики объявлен Мохаммад Дауд (кузен свергнутого короля Захир Шаха);
- апрель 1978 года – военный переворот («Саурская революция»), к власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА); объявлено о создании Демократической Республики Афганистан (ДРА);
- декабрь 1979 года – по просьбе Правительства ДРА в страну введены советские войска;
- февраль 1989 года – вывод советских войск;
- 1989–1996 годы – гражданская война, борьба за власть между военизованными группировками моджахедов;
- 1996–2001 годы – захват власти движением «Талибан», объявлено о создании ИЭА;
- 2001–2021 годы – страна оккупирована войсками США и НАТО, которые ведут боевые действия против ДТ под лозунгом борьбы с терроризмом; объявлено о новом названии страны – «Исламская Республика Афганистан» (ИРА);
- 15 августа 2021 года – отряды ДТ практически беспрепятственно входят в Кабул; 31 августа военнослужащие США покидают Афганистан;

¹ Деятельность организации запрещена законом Российской Федерации.

– лидеры ДТ заявляют о новом названии страны – «Исламский Эмират Афганистан».

В 1996 году в ситуацию вмешались талибы («талиб» в переводе с арабского – учащийся религиозной школы – мадраса). Их отряды были сформированы на территории Пакистана из афганских беженцев, получивших военную подготовку под руководством пакистанских инструкторов из Управления межведомственной разведки (ISI). Талибы довольно быстро захватили почти всю территорию Афганистана, установив поначалу жесткий режим радикального ислама.

11 сентября 2001 года террористы группировки «Аль-Каида»², возглавляемой Усамой бен Ладеном, совершили воздушный налет на Нью-Йорк, взорвав здания Всемирного торгового центра. Правительство США объявило войну терроризму и, сославшись на факт нахождения Усамы бен Ладена на территории Афганистана, в октябре того же года перебросило в эту страну боевые части американской армии. Им удалось вытеснить талибов на территорию Пакистана. Началась 20-летняя война между армией США и ее союзниками по НАТО и движением «Талибан».

Осознав бесперспективность войны, Вашингтон начал переговоры с талибами и 29 февраля 2020 года в Дохе (Катар) подписал Соглашение, обязывавшее стороны не атаковать противника. Однако это не касалось боевых действий талибов сил Правительства ИРА, которое к переговорам не было допущено.

Западные исследователи пишут, что, когда в апреле 2021 года Президент США Джо Байден объявил о «быстрым и безоговорочном» выводе американских войск, то у «него не было даже плана выполнения различных ключевых задач» по осуществлению вывода. Афганские силы национальной безопасности (АСНБ) напрасно рассчитывали на поддержку США в противостоянии отрядам ДТ». Американцы, «по-видимому, больше координировали свои действия со своими врагами [талибами], чем со своими союзниками»³. «Моральный дух военнослужащих АСНБ был подорван, а талибы убедились в том, что они идут к победе»⁴.

Оценивая итоги вторжений интервентов, неоднократно пытавшихся покорить Афганистан, вспоминаются слова из стихотворения русского писателя Л. Н. Толстого, которое он написал во время Крымской войны (август 1855 г.): «Гладко вписано в бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить»⁵. Фразу часто применяют в отношении политиков и военных, которые разрабатывают планы, игнорируя реалии (вековые традиции и обычай)

² Деятельность организации запрещена законом Российской Федерации.

³ Clark, Kate. Afghanistan's conflict in 2021 (2): Republic collapse and Taliban victory in the long-view of history // Afghanistan Analysts Networks (AAN), 30 Dec 2021. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/afghanistans-conflict-in-2021-2-republic-collapse-and-taliban-victory-in-the-long-view-of-history/> (дата обращения: 3.01.2022).

⁴ Там же.

⁵ В общеде она звучит так: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги».

жизни народов, оказавших сопротивление интервентам. Так произошло и в Афганистане.

Итак, 15 августа 2021 года отряды ДТ вторично вошли в Кабул, не встретив сопротивления. Бывший Президент ИРА Ашраф Гани бежал. Талибы практически без боя получили контроль над территорией страны и объявили о намерении впредь называть страну «Исламский Эмирят Афганистан» (ИЭА). Не подчинилась талибам только провинция Панджшир, где Фронт сопротивления под руководством Ахмад Шаха Масуда-младшего пытался продолжить сопротивление. Тогда о поддержке усилий Фронта (в него входят в основном афганские таджики) заявило руководство Республики Таджикистан.

О сложившейся ситуации в Афганистане и вокруг него пишут очень много, часто не вдаваясь, к сожалению, в изучение глубинных причин противостояния различных сил как в самом Афганистане, так и в регионе. Афганистан – многогранное государство, которое было создано пуштунами, представителями коренного населения страны.

Исключительно важное значение в жизни афганского общества имели и имеют межэтнические отношения. Об этом упоминает большинство экспертов [1]. Руководство страны, как при монархии, так и при республиканском строе, проводило «политику обеспечения доминирующей роли пуштунов во всех областях экономической и политической жизни страны... Пуштуны имели многочисленные официально и неофициально закрепленные привилегии: из них и частично из таджиков комплектовались госаппарат и офицерский корпус, пуштунские племена освобождались от налогов, от призыва в армию, им выделялись лучшие земли, в том числе в районах расселения нацменьшинств...» [2, с. 109–110].

Сегодня они, изгнав иностранных завоевателей, вернулись на свою родину, а не захватили чужую территорию. Надо помнить о том, что пуштуны составляют почти половину населения Афганистана и в то же время их большая часть проживает в Пакистане. (Это – результат политики Великобритании, разделившей когда-то единый народ.) В самом Афганистане они считают себя титульной нацией, к национальным меньшинствам в основном относятся высокомерно, редко допуская на ключевые должности, но пользуясь их знаниями и трудом. Такая ситуация в обществе извечно негативно отражалась на межэтнических отношениях в стране.

Движение «Талибан» представляет исключительно пуштунов, как афганских, так и пакистанских. Конечно, в ходе конфликта к талибам примыкали самые различные группировки, представлявшие другие этносы, но это были временные «попутчики», преследовавшие собственные политические цели. Иногда к ним присоединялись и криминальные группировки, занимавшиеся рэкетом, контрабандой наркотиков и примитивным грабежом.

КОНЕЧНО, В ХОДЕ КОНФЛИКТА К ТАЛИБАМ ПРИМЫКАЛИ САМЫЕ РАЗЛИЧНЫЕ ГРУППИРОВКИ, ПРЕДСТАВЛЯВШИЕ ДРУГИЕ ЭТНОСЫ, НО ЭТО БЫЛИ ВРЕМЕННЫЕ «ПОПУТЧИКИ», ПРЕСЛЕДОВАВШИЕ СОБСТВЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ.

По информации начальника отдела Антитеррористического центра государств – участников СНГ, численность группировок, примкнувших к ДТ, «достигает 4–5 тысяч человек, включая граждан иностранных государств: Казахстана, Кыргызстана, Китая (уйгуры), России (чеченцы), Таджикистана, Узбекистана. Эти иностранные боевики растворились среди боевиков «Талибана», присягнув им на верность, и теперь вместе с ними составляют единое целое»⁶.

Вооруженное вмешательство во внутренние дела Афганистана довело ситуацию в стране до критической во всех аспектах. Сейчас местные и зарубежные СМИ констатируют, что «афганское государство балансирует на грани полного краха»⁷. По мнению западных аналитиков, «экономические

Западные аналитики, указывая на недостатки бывшего Правительства ИРА, обращали внимание на «системные слабости афганской политической системы и истеблишмента безопасности».

потрясения являются следствием того, что доноры начиная с 2001 года [года вторжения США и их союзников] построили афганское государство, в значительной степени зависящее от их помощи, а после захвата власти талибами 15 августа резко сократили эту помощь... С уходом [американских] войск... доноры сразу же отказались от прямого сотрудничества с новым режимом. Они также заморозили госактивы Афганистана, и ранее существовавшие санкции в отношении ДТ стали де-факто санкциями в отношении Правительства ИЭА»⁸.

С такими выводами можно согласиться, если речь идет только об «экономическом потрясении». Напомним такие исторические факты: интервенция английского экспедиционного корпуса в XIX веке (дважды) и в первой половине XX века; спецоперация Красной армии в 1929 году с целью поддержки короля Амануллы-хана; ввод и пребывание на территории этой страны советских войск (1979–1989); фактическая оккупация Афганистана силами США и НАТО (2001–2021). Так что, видимо, отсчет возникновения нестабильной ситуации надо вести раньше и с учетом явного вмешательства извне.

⁶ Зарудный Б. Обстановка в Афганистане и риски террористической активности в регионе // Международная жизнь, 2021, № 12; URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2602> (дата обращения: 31.01.2022). Выражение «единое целое» в данном случае нам представляется ошибочным.

⁷ Beyond Emergency Relief: Averting Afghanistan's Humanitarian Catastrophe // Crisis group, RE-PORT 317 / ASIA, 6 Dec. 2021. URL: <https://www.org/asia/south-asia/afghanistan/317-beyond-emergency-relief-averting-afghanistans-humanitarian-catastrophe> (дата обращения: 21.12.2021).

⁸ Там же.

Западные аналитики, указывая на недостатки бывшего Правительства ИРА, обращали внимание на «системные слабости афганской политической системы и истеблишмента безопасности». Устройство на должности в правительстве, МВД и полиции «часто выглядело как организация «двойного назначения», сосредоточенная на безопасности и причастная к преступности». Полиция описывалась как «коррумпированные пирамидальные сети, которые занимаются рэкетом и вымогательством вместо того, чтобы защищать граждан и обеспечивать верховенство закона». Взятки требовали «за назначения, заключение ненадежных контрактов» и т. п. Это было характерно в первую очередь в полиции и МВД, в меньшей степени – в Афганской национальной армии (АНА) и Министерстве обороны. Военнослужащие частей АСНБ «часто называли нехватку боеприпасов или продовольствия причиной их неспособности защищать посты и базы в 2021 году»⁹.

Относить на счет ДТ разного рода преступления и теракты выгодно для политического эффекта, но ошибочно. Важно учитывать, что ДТ – это не единая, консолидированная военно-политическая организация. В ходе вышеупомянутых конфликтов афганцы призывали на помощь своих со-племенников из Пакистана, а также единоверцев-неафганцев из других стран. В 20-летней борьбе против американских и натовских интервентов также принимали участие отряды выходцев из стран Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии. Часть из них воевали в Сирии и Ираке на стороне «Исламского государства Сирии и Леванта» (ИГИЛ, ИГ, «Аль-Каида»), а затем переместились в Афганистан. Талибы принимали их помощь, но теперь, после ухода интервентов, став хозяевами положения, намерены расстаться с иностранными соратниками, оплатив, соответственно, их услуги. Процесс расчетов задерживается из-за нехватки средств, поскольку, как упоминалось выше, авуары бывшего афганского правительства заморожены. Часть иностранных «добровольцев» остается на территории Афганистана. Отделаться от них талибы смогут лишь после того, как они расплатятся за ту самую помощь. Вернувшись во власть, талибы-пуштуны не испытывают особого желания продолжать контакты с «приглашенными соратниками».

Во-первых, ДТ не разделяет главную цель «Аль-Каиды» – сделать весь мир исламским. Во-вторых, между талибами и группами джихадистов имеются разногласия в толковании постулатов ислама. В-третьих, ДТ не желает делиться с пришельцами властью в суверенном Афганистане. Вообще, на данный момент судить о балансе сил в руководстве ИЭА затруднительно, так как борьба за овладение ключевыми должностями продолжается.

⁹ Clark, Kate. Afghanistan's conflict in 2021 (2): Republic collapse and Taliban victory in the long-view of history // AAN, 30 Dec 2021. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/reports/war-and-peace/afghanistans-conflict-in-2021-2-republic-collapse-and-taliban-victory-in-the-long-view-of-history/> (дата обращения: 03.01.2022).

КЛЮЧЕВУЮ РОЛЬ В ВОССТАНОВЛЕНИИ БОЕВОГО ПОТЕНЦИАЛА ДТ ПОСЛЕ 2001 ГОДА СЫГРАЛ ПАКИСТАН, ОБЕСПЕЧИВ РУКОВОДСТВУ ДТ И ЕГО БОЕВИКАМ БЕЗОПАСНОЕ УБЕЖИЩЕ, ГДЕ ОНИ СМОГЛИ ОРГАНИЗОВАТЬСЯ, ОБУЧАТЬ НОВОБРАНЦЕВ И ВОССТАНАВЛИВАТЬ СИЛЫ.

ДТ. Как отмечают эксперты, отличительная черта идеологии «Сети Хаккани» – «превалирование общерелигиозных ценностей над «Пуштунвали», представляющим собой неписаный свод законов и кодекс чести пуштунских племен, которые в некоторых вопросах сильно расходятся с законами шариата»¹¹.

В составе группировки действуют высококвалифицированные специалисты, обладающие техническими навыками в области изготовления самодельных взрывных устройств (СВУ) и реактивных снарядов. СХ пользуется репутацией самой непримиримой и опасной террористической группы. В свое время ФБР предлагало \$10 млн за информацию о местонахождении С. Хаккани. Постоянные перестановки в составе правительства талибов, скорее всего, связаны именно с позицией С. Хаккани, который стремится продвинуть на ключевые посты своих людей¹².

¹⁰ Деятельность группировки запрещена законом Российской Федерации.

¹¹ Террористическая группировка «Сеть Хаккани» // РИА Новости, 3.09.2021. URL: <https://ria.ru/20210903/terrorism-1748579704.html> (дата обращения: 3.01.2022).

¹² Там же.

Другой противник ДТ – группировка «Исламское государство – провинция Хорасан» (ИГПХ), действующая в некоторых районах Афганистана. Она представляет собой филиал «Исламского государства» и известна как крайне радикальная группировка (джихадисты), практикующая террористические акты в Кабуле и других крупных городах Афганистана. 22 декабря 2021 года Комитет СБ ООН по санкциям внес в санкционный список лидера ИГПХ Саннуллу Гафари (также известного как Шахаб аль-Мухаджир)¹³. Эту группировку наряду с ИДУ, «Сетью Хаккани» и некоторыми другими обычно, в отличие от исламистских экстремистских организаций, причисляют к джихадистам. Как пишет автор книги «Ислам после коммунизма» А. Халид, «у джихадистов есть только идея завоевания власти и последующего повсеместного установления законов шариата». Они понимают джихад «исключительно в военном смысле» [4, с. 31]. Афганские талибы не разделяют идеи «повсеместного» установления законов ислама. Они выступают только за сохранение «истинных» норм шариата в пределах границ своего государства и прибегают к военной силе лишь для отражения интервенций извне. В то же время в случае военной необходимости талибы не гнушаются получать военную, финансовую и политическую поддержку от джихадистов, не допуская их, однако (после победы), к власти в своей стране.

Ключевую роль в восстановлении боевого потенциала ДТ после 2001 года сыграл Пакистан, обеспечив руководству ДТ и его боевикам безопасное убежище, где они смогли организоваться, обучать новобранцев и восстанавливать силы. Исламабад был одним из трех государств, официально признавших режим ИЭА в период 1996–2001 годов. Таким образом, важная роль Пакистана в победе талибов в 2021 году не подлежит сомнению.

Сегодня Пакистан уговаривает лидеров ДТ высказаться в пользу инклюзивного правительства и разорвать связи с джихадистскими группировками. Исламабад находится в сложном положении и вынужден балансировать. Исламабад обеспокоен тем, что «даже такие страны, как Иран, Китай и Россия, которые сделали выбор в пользу более тесного взаимодействия с правительством талибов, вряд ли официально признают его в ближайшее время»¹⁴. Тем более не стоит ожидать такого шага со стороны США и их западных союзников.

Некоторые бывшие высокопоставленные лица ИРА нашли убежище в Таджикистане, Иране или Турции. В нашем распоряжении нет достоверной информации о том, что они пытаются агитировать и/или создавать в эмиграции какие-либо организации для открытого противостояния ре-

¹³ Совбез ООН внес лидера афганского крыла ИГ в санкционный список // Афганистан сегодня, 22.12.2021. URL: <https://afghanistan.ru/doc/147529.html> (дата обращения: 5.01.2022).

¹⁴ Pakistan's Hard Policy Choices in Afghanistan // The Crisis Group, Report 320/Asia, 04.02.2022. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/pakistan/320-pakistans-hard-policy-choices-afghanistan> (дата обращения: 4.02.2022). При этом не стоит забывать о том, что как Пакистан, так и Китай официально именуют друг друга «всепогодными союзниками».

жиму талибов. В любом случае, если бы такие группы появились, используя фактор межэтнической вражды, то их поддержка со стороны соседей была бы опрометчивым шагом и спровоцировала бы очередной межгосударственный конфликт.

Нынешняя администрация ДТ понимает, что стабильные отношения с ближайшими соседями Афганистана на севере (и не только) могут оказаться для них весьма полезными. Правда, с одной оговоркой: ни одно из государств региона не испытывает желания повторить роль Пакистана во возвращении вооруженной оппозиции, подобной ДТ или (что гораздо опаснее) группировкам боевиков – уроженцев Центральной Азии, воевавших в составе ИГИЛ.

На первый взгляд, военный аспект в жизни страны постепенно уходит на второй план. На повестке дня – восстановление экономики, но даже если руководство талибов решит заняться этим вплотную, то ему придется пересмотреть свою кадровую политику. Религиозные авторитеты и полевые командиры, назначаемые вместо профессионалов-экономистов и технократов, вряд ли могут справиться с задачей. Положение таково, что центробежные силы угрожают шаткому единству в руководстве ИЭА, учитывая, что ранее полевые командиры могли практически бесконтрольно распоряжаться доходами от таможни, наркотрафика и контрабанды.

Потенциальные международные доноры заинтересованы именно в разумных экономических реформах. Потоки денег, поступавшие в страну, иссякли, валютные резервы страны заморожены, а санкции ООН и США против бывшего Правительства ИРА теперь применяются в отношении непризнанного правительства талибов.

В поисках инвесторов талибы обратились (в том числе) и к Москве, откуда в Кабул прибыли российские представители. По сообщению российской стороны, на встрече обсуждались вопросы добычи полезных ископаемых, строительства нефтегазоперерабатывающих заводов, заводов по производству сплавов и создания компаний по производству цемента. Представители ИЭА отметили, что «в Афганистане благоприятные условия для инвестирования»¹⁵.

Среди потенциальных инвесторов самым выгодным для Афганистана и одним из самых заинтересованных, несомненно, можно считать Китай. Буквально через две недели после прихода к власти представитель ДТ З. Муджахид в интервью итальянской газете *La Repubblica* заявил: «Китай является нашим главным партнером, он представляет для нас фундаментальную и исключительную возможность, потому что готов инвестировать в нашу страну и реконструировать ее»¹⁶. Как следует из интервью

¹⁵ Талибы встретились в Кабуле с инвесторами из России // РИА Новости, 3.01.2022. URL: <https://ria.ru/20220103/biznes-1766469222.html> (дата обращения: 5.01.2022).

¹⁶ «Талибан» назвал Китай основным партнером Афганистана // Интерфакс, 3.09.2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/788319> (дата обращения: 6.01.2022).

Муджахида, талибы возлагают надежды на реализацию программы «Один пояс – один путь», на содействие КНР в восстановлении горнодобывающей промышленности Афганистана.

В том же сообщении цитировались слова заместителя директора Политического офиса ДТ в Катаре А. Ханафи: «Афганское движение «Талибан» готово сохранять приверженность развитию дружественных отношений между Афганистаном и Китаем и никогда не позволит какой-либо силе использовать афганскую территорию для угрозы интересам Китая, а также примет эффективные меры для обеспечения безопасности китайских учреждений и персонала в Афганистане»¹⁷.

Министры иностранных дел Китая и Ирана высказались о необходимости тесной координации усилий по мирному восстановлению Афганистана. В ходе этой беседы глава МИД КНР Ван И выразил надежду, что новое Правительство Афганистана «проявит открытость и терпимость, полностью дистанцируется от террористических организаций, а также установит и будет развивать хорошие отношения со всеми странами, особенно с соседними»¹⁸.

Позиция США и их европейских союзников постепенно меняется в сторону смягчения.

Особо следует отметить следующие слова Ван И, произнесенные им в ходе этой беседы: «Хотя Соединенные Штаты вышли из Афганистана, они обязаны нести ответственность за мирное восстановление Афганистана. Они не должны пытаться использовать различные средства для создания там новых проблем, не говоря уже о том, чтобы вызвать новые беспорядки и наносить ущерб законным правам и интересам соседних стран». Далее он опроверг утверждения США о том, что вывод американских войск из Афганистана был нацелен на концентрацию сил против Китая и России: это «попытка найти оправдание собственным неудачам». Министр подчеркнул, что «если США не извлекут должных уроков [...], они после ошибок в Афганистане неизбежно совершают еще более серьезные ошибки»¹⁹.

Позиция США и их европейских союзников постепенно меняется в сторону смягчения. Но пока только на словах, поскольку им крайне затруднительно признать тот факт, что они, находясь за тысячи километров от

¹⁷ Там же.

¹⁸ КНР и Иран будут сотрудничать в деле мирного восстановления Афганистана // Интерфакс, 4.09.2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/788563> (дата обращения: 6.01.2022).

¹⁹ Там же.

Афганистана, в течение 20 лет вели войну не против террористов, а против населения этой страны. Ведь США вторглись в Афганистан под предлогом поимки и уничтожения Усамы бен Ладена. Спецназ ЦРУ обнаружил его в Пакистане и уничтожил 1 мая 2011 года [3, с. 13–16]. Однако американские и натовские войска воевали в Афганистане еще десять лет, теперь уже поставив другую задачу – навязать афганцам образ жизни, который они (американцы и европейцы) считают демократическим.

Из недавнего интервью спецпредставителя России по Афганистану З. Кабулова следует, что, по его оценке, ДТ «прочно удерживает все бразды правления», и «тревожных оценок и прогнозов [по поводу гуманитарной катастрофы в Афганистане] становится все меньше». Он добавил, что международное сообщество проводит гуманитарные акции в плане оказания помощи афганскому народу, и этот факт «свидетельствует об определенном росте доверия к правящему режиму». З. Кабулов заявил, что члены СБ ООН, включая Российскую Федерацию, «демонстрируют определенную гибкость в вопросе снятия санкций» и стремятся оказать содействие правительству талибов «по завершении межафганского мирного процесса и формированию этнополитически сбалансированной структуры власти, а также неослабевающие усилия в сфере борьбы с терроризмом и наркотрафиком»²⁰. Из этих высказываний можно понять, чего же конкретно Москва ожидает от лидеров ДТ для устранения препятствий на пути признания нового режима в Афганистане.

В отношениях МИД РФ с посольством ИРА сложилась необычная ситуация. Представители талибов намерены направить в Москву своих дипломатов, несмотря на то что их правительство, как упоминалось выше, не признано ни одним государством. В связи с этим посольство ИРА в РФ заявило, что оно «работает в обычном режиме... Необходимости в сотрудниках от «Талибана» в посольстве нет, тем более что у «Талибана» нет профессиональных дипломатов». Между тем в пресс-службе посольства заявили о готовности «закрыться и прекратить деятельность в любое время, когда наши услуги не будут востребованы Правительством РФ»²¹.

По всей вероятности, это реакция на сообщение о том, что в Москву прибудет «эмиссар «Талибана» [...], который планирует занять пост посла Афганистана в России». По некоторым данным, этот человек – Джамаль Гарвал – земляк упомянутого выше Сираджуддина Хаккани, лидера запрещенной в РФ террористической организации «Сеть Хаккани»²².

Борьба в Афганистане и вокруг него продолжается. На этом фоне можно отметить положительный факт: международное сообщество не остав-

²⁰ Полный текст интервью см.: Замир Кабулов: ОДКБ в ситуации с Афганистаном нужно держать порох сухим // *tass.ru*, 31.01.2022. URL: <https://tass.ru/interviews/13572757> (дата обращения: 1.02.2022).

²¹ Посольство Афганистана в РФ не видит необходимости в новых сотрудниках из числа талибов // *tass.ru*, 1.02.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13585035> (дата обращения: 2.02.2022).

²² Серенко А. В России ждут посланника запрещенной «Сети Хаккани» // Сайт «Независимой газеты», 27.01.2022. URL: https://www.ng.ru/world/2022-01-27/6_8357_afghanistan.html (дата обращения: 30.01.2022).

ляет попыток содействовать стабилизации обстановки в Афганистане. Существенную роль в этом направлении может сыграть Миссия ООН по содействию Афганистану (МООНСА), созданная в 2002 году «после того, как США свергли первое правительство талибов». Как говорится в комментариях Crisis Group, МООНСА сейчас выступает «в качестве точки контакта для взаимодействия с новыми властями талибов»²³.

Миссия также может служить «глазами и ушами» на местах для внешних сил и доноров, наблюдая за ситуацией с правами человека и координируя работу агентств ООН по реагированию на экономический и гуманитарный кризис в стране. Правда, в Совете Безопасности ООН ощущаются разногласия в отношении приоритетов миссии – должна ли она сосредоточиться на вопросах прав человека, на политическом аспекте отношений или на преимущественно гуманитарном.

Многие западные посольства были эвакуированы. Большое количество афганских сотрудников, занимавших важные должности, оставались дома или бежали из страны. Впоследствии многие из них вернулись на работу, когда опасения по поводу безопасности уменьшились. Талибы заявляют, что они разрешают действовать гуманитарным работникам, в том числе женщинам.

Считается, что для предотвращения голода в Афганистане требуется \$4,4 млрд на 2022 год²⁴. В администрации талибов утверждают, что собирают таможенные и другие доходы более эффективно, чем бывшие чиновники ИРА. Эти утверждения, конечно, требуют проверки. У правительств стран-доноров в подобных случаях возникают «риски того, что помощь будет украдена, перенаправлена, использована не по назначению» и т. п. Будет большой скандал, если обнаружится, что помощь направляется из стран, чьи солдаты когда-то сражались с талибами.

Эксперты МООНСА не скрывают, что между членами СБ ООН «сохраняются серьезные разногласия по поводу международного участия в Афганистане». Некоторые европейские члены, опасаясь нового миграционного кризиса, выступают в поддержку «хрупкого афганского государства». Однако эту точку зрения разделяют не все. Франция, например, «выступает против любой помощи или участия, которые могут быть истолкованы как легитимация талибов». Официальные лица США признают, что санкции подрывают гуманитарные усилия, однако настороженно относятся к снятию ограничений на экономическую деятельность в Афганистане²⁵.

Продолжаются споры также по вопросу о роли ООН в области прав человека в Афганистане. Представители МООНСА пишут, что «Китай и Россия уже давно возражают против миссий ООН в других зонах конфлик-

²³ Подробности см.: *Toward a New Mandate for the UN Mission in Afghanistan // The Crisis group*, 28 Jan 2022. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/toward-new-mandate-un-mission-afghanistan> (дата обращения: 28.01.2022).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

та, наблюдающих за соблюдением прав человека». Другие (Европа, США и Индия) «предполагают миссию, которая будет внимательно следить за поведением талибов». Во всяком случае, МООНСА должна служить каналом взаимодействия с талибами. Ее задача заключается в сплочении заинтересованных внешних сил для эффективного взаимодействия с талибами. Попытки глобальных игроков проводить собственную политику в Афганистане только ухудшат ситуацию и позволят экстремистским элементам в ДТ использовать расхождения в подходах к решению проблем.

ВЫВОДЫ

Судя по ситуации, сложившейся на сегодня, руководство ДТ стремится получить признание со стороны ключевых игроков на «афганском поле». И не исключено, что, давая обещания и завуалированно отступая от своих наиболее одиозных постулатов, выдвигаемых со ссылками на шариат, талибы со временем его получат.

Категорические требования некоторых американских и европейских политиков к афганскому обществу – адаптироваться к модели развития «цивилизованных» стран – вряд ли приведут к положительным результатам в деле стабилизации обстановки в Афганистане. США и Запад на международных площадках постоянно муссируют проблему прав человека, связывая ее и с политикой, и с оказанием гуманитарной помощи. Их представители не упускают возможности напомнить о нарушениях прав человека во всех странах Центральной Азии, в Китае, России, Иране и т. д. В этой связи полезно вспомнить о провале в реализации идеи «плавильного котла», которую продвигала бывший госсекретарь США Кондолиза Райс (тому пример – недавние жесткие столкновения в американских городах). Неудачей закончилась и политика мультикультурализма, выдвигавшаяся экс-канцлером ФРГ Ангелой Меркель (и она это открыто признала). Западная модель прав человека предполагает ускоренный отказ от многовековых традиций и образа жизни народов «отсталых» стран. Если это не сработало там, то предъявление подобных требований (похожих, скорее, на ультимatum), которые звучат как «здесь и сейчас», по крайней мере – абсурдно.

Правительства центральноазиатских государств четко оценивают опасность тлеющего конфликта на их границах и готовы всячески способствовать стабилизации обстановки в Афганистане и регионе. Тем более что ДТ и ранее неоднократно заявляло об отсутствии у его лидеров намерения переносить конфликт на соседние страны.

Вынужденный беспорядочный уход (скорее, напоминающий бегство) иностранных вооруженных сил из Афганистана подтверждает, как это ни покажется странным, правоту талибов, которые не захватывали территорию страны, а возвращались на свою родину, изгнав чужеземных захватчиков.

В настоящее время США и Запад, видимо, также проявляют склонность содействовать стабилизации обстановки и готовятся – постепенно, опосре-

дованно, через международные структуры – приступить к налаживанию отношений с новым режимом в Афганистане. Это будет трудный процесс, сопровождающийся взаимными обвинениями, угрозами и прежними журными упреками в адрес ДТ о нарушении прав человека и пособничестве терроризму.

Международное сообщество, представленное в ООН, несомненно, должно сыграть важную роль в погашении афганского конфликта, ликвидации его негативных последствий и оказании всесторонней помощи народу Афганистана.

При этом необходимо обратить внимание на еще одно чрезвычайно тревожное обстоятельство, которое может стать камнем преткновения в процессе стабилизации обстановки в стране и регионе. Дело в том, что за 20 лет пребывания на афганской территории армия США успела создать сеть частных военных компаний (ЧВК), личный состав которых набирался в основном из афганцев. Вполне естественно, что большое количество командиров этих ЧВК находятся под контролем разных американских структур²⁶.

Движение к стабилизации обстановки в стране и регионе не может быть односторонним. Временное Правительство Афганистана, представленное талибами, должно взять на себя (и выполнить) упомянутые выше основные обязательства: а) формирование инклюзивного правительства; б) отказ от дискриминации «нетитульных» народностей страны; в) решительный и окончательный разрыв отношений с террористическими группировками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы афганской революции. М.: Наука (ДСП), 1984; В. В. Басов. Национальное и племенное в Афганистане. К пониманию невоенных истоков афганского кризиса / В. В. Басов, под редакцией В. Б. Кравцова. М.: НИЦ ФСКН России, 2001; Босин Ю. В. Афганистан: политическое общество и государственная власть в историческом контексте. М.: Изд-во «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2002; Стурейко С. А., Медянник В. И. Афганистан: этнополитический конфликт и проблема перемещенных лиц. Минск: Тесей, 2009.
2. Жаккар Р., Тазагар А. Тайны завещания Бен Ладена. М.: Городец-Флюид. 2020.
3. Спольников В. Н. Афганистан: исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987.
4. Халид А. Ислам после коммунизма. Религия и политика в Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

²⁶ Князев А. Долговременная неопределенность и перспективы эскалации военно-политического конфликта в Афганистане. Часть II // Центр социально-экономических и геополитических исследований (ЦСЭГИ), март 2022. URL: <https://cseg.ru/afghan-crisis-part-2/> (дата обращения: 14.03.2022).

ПРОБЛЕМЫ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ В АФГАНИСТАНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ДИЛЕММЫ

Косимшо Искандаров

Главный ученый секретарь Национальной академии наук Таджикистана, доктор исторических наук.

Окончил исторический факультет Таджикского государственного университета (ныне Таджикский национальный университет). С 1985 года работает в системе Академии наук Таджикистана. Специализируется на изучении современных проблем Афганистана, имеет многолетний опыт исследовательской работы в этом направлении, является автором более 200 монографий и научных статей.

Email: ikosimsho@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос об усилиях различных этнополитических сил Афганистана по децентрализации государственной власти. Автор акцентирует внимание на условиях и предпосылках возникновения идеи и различных проектов децентрализации. При этом анализируется история возникновения идеи федерализма в Афганистане, число сторонников которой растет после прихода движения «Талибан» к власти в августе 2021 года.

В статье также отмечается факт отсутствия единого мнения относительно как видов федерации, так и территории ее субъектов. Подчеркивается, что, несмотря на тенденции роста сторонников децентрализации, практически среди всей пуштунской элиты (независимо от идеологических ориентаций) и части непуштунских этнических групп, децентрализация, особенно федерализация Афганистана, ассоциируется с распадом страны на разные государства, что делает невозможной реализацию этой идеи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Афганистан, централизация, децентрализация, федерализм, федерация, межэтнические отношения, пуштуны, непуштунские этнические группы, политическая система, форма управления.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема децентрализации власти в Афганистане сохраняет свою актуальность в связи с длившимся вот уже более четырех десятилетий вооруженным конфликтом, приобретающим отчетливые контуры межэтнического. Возвращение движения «Талибан»¹ к власти в августе 2021 года и формирование преимущественно моноэтнического (пуштунского) правительства в многонациональном Афганистане привели к активизации сторонников идеи децентрализации власти в Афганистане.

Проблемы межэтнических отношений и представительства этнических групп в управлении государством, возникновение идеи децентрализации и ее эволюции стали предметом исследований политологов, историков, юристов и других специалистов. И в аналитических кругах, в том числе академических, и в социальных сетях разворачивается широкая дискуссия о будущем афганском политическом устройстве и различных моделях децентрализации власти.

Российский ученый В. Я. Белокреницкий, исследующий вопросы особых приверженности пуштунов племенным традициям, кодифицированным в знаменитом своде правил и обычаев «Пуштунвали» [1], их численность и расселение [2], отмечает, что в Афганистане каждая этническая группа имеет своих соплеменников в соседних странах и идентифицирует себя с названием этих стран. Этот вопрос затрагивается в статье Карла Брайена и Дэвида Андерсона [3]. Непосредственно вопроса децентрализации и централизации в Афганистане касается статья И. Бобокулова [4]. Интересной представляется работа Гуфрана Бадахшани о программе одного из основателей Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) М. Т. Бадахши по федеративному устройству Афганистана [5]. Проект децентрализации Афганистана, разработанный фракцией «Парчам» НДПА в 70-е годы прошлого века, рассматривается в коллективном труде советских авторов [6], а также в воспоминаниях одного из лидеров НДПА С. А. Кештманда [7].

Уже в 80-е годы советское руководство предложило легендарному полевому командиру Ахмад Шаху Масуду обсудить вопрос о создании Таджикской автономии в рамках Республики Афганистан. Об этом речь идет в работе А. Ляховского [8]. Возникновению идеи федерализма посвящена статья К. Искандарова и А. Шехова [9].

Еще в начале 90-х годов некоторые политические партии, представляющие непуштунские этнические группы, в качестве программных целей выдвигали вопрос децентрализации страны. Это отражено, в частности, во вступительном слове руководителя Национального исламского движения Афганистана (НИДА) Абдул-Рашида Дустума на Первом учредительном съезде Национального исламского движения Афганистана [10]. После

¹ Террористическая организация, запрещенная в Таджикистане.

свержения режима «Талибана» в ходе обсуждения проекта новой конституции Афганистана сторонники Исламской Республики Афганистан широко обсуждали и предложили парламентаризм в качестве оптимального варианта будущей политической системы Афганистана [11]. И, конечно, для анализа широкого спектра мнений и идей, предлагаемых сегодня афганскими экспертами, важны высказывания Ахмад Масуда-младшего [12], который возглавляет Фронт национального сопротивления, а также аналитические статьи Али Майсам Назари [13], Зия Сарвари [14], Абдул Лалзад [15], Забехулла Сайи [16] и других экспертов.

ЦЕЛИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целями исследования являются анализ исторических предпосылок возникновения и развития идеи децентрализации политической власти в Афганистане, выявление факторов активизации сторонников децентрализации.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе использованы исторический метод исследования, метод сравнительного анализа и другие методы исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Афганистан является многонациональной страной. Эксперты перечисляют 50 этнических групп, говорящих на 33 языках. Из этого числа к основным, или наиболее многочисленным, этническим группам относятся пуштуны, хазарейцы, узбеки, белуджи, туркмены, составляющие более 90% населения страны. В той или иной степени всем основным этническим группам этой страны (за исключением таджиков) свойственна племенная структура, однако, как пишет В. Я. Белокреницкий, «пуштуны выделяются своей особой приверженностью племенным традициям, кодифицированным в знаменитом своде правил и обычаев «Пуштунвали»» [1]. Племена, в свою очередь, делятся на кланы, хейли, роды и другие мелкие подразделения. Например, по мнению того же В. Я. Белокреницкого, «пуштунский ареал Афганистана включает зону традиционного расселения большого числа племен, их подразделений и кланов. Согласно традиции, племен исторически было 405, но в связи с их дроблением к 1980-м годам насчитывалось около 1,7 тысячи племен и самостоятельных подразделений [хейлей]» [2].

Каждая из этих этнических групп больше известна под названиями других стран, чем под названием страны проживания – Афганистан. Пуштуны, например, больше известны своими пуштунскими соплеменниками в Пакистане. По словам Карла Брайена и Дэвида Андерсона, «этая индивидуальная самоидентичность привела к тому, что афганцы предпочитают считать себя членами определенной этнической группы и думать о собственной этнической группе, нежели о стране, как граждане Афганистана» [3].

В истории Афганистана нередко наблюдались межплеменные и межэтнические противоречия и конфликты. Каждый из этих конфликтов спо-

составлял расколу и раздорам в стране, и это привело к тому, что каждая этническая группа ищет общенационального лидера только среди своего народа. Безусловно, география Афганистана также играет заметную роль в разделении этнических групп.

В этом сложном этническом конгломерате, сложившемся со дня образования в 1747 году афганского государства (за исключением короткого периода в 1929 году и с 1992 по 1996 год), вся власть в стране принадлежит пуштунам, и пуштуны считают себя государствообразующей нацией, имеющей исключительное право на верховную власть. Двадцатилетний период демократического развития Афганистана (2001–2021) показал, что пуштунская элита готова идти на любые меры, в том числе на фальсификацию результатов выборов, чтобы сохранить политическую власть исключительно за пуштунами.

Вместе с тем в последние десятилетия, особенно в период пребывания так называемого Ограниченнего контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистане и гражданской войны в этой стране, значительно выросла степень национального самосознания, военно-политический потенциал непуштунских народов и их решимость обеспечить свои права на управление государством.

Один из путей достижения прав на управление страной непуштунская элита видит в децентрализации власти. Однако пуштуны, независимо от различий в политической и идеологической ориентации, выступают против децентрализации власти в любой форме и считают это прелюдией раздела страны на независимые государства. Вместе с тем именно политическая элита пуштунов своей политикой и стремлением монополизировать власть способствовала тому, что среди непуштунских политиков сложился определенный консенсус по проблеме децентрализации политической власти. Вся история Афганистана, особенно вооруженное противостояние последних десятилетий и политическая нестабильность в этом государстве, вызывали постоянные колебания между политикой централизации и децентрализации. Как пишет И. Бобокулов, «Становление и развитие многонациональной государственности (Афганистана. – К. И.) можно рассматривать как историю борьбы между децентрализацией и централизацией» [4, с. 120].

В 60-е годы XX века один из основателей Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) М. Т. Бадахши считал, что основным противоречием афганского общества наряду с классовым является существующий национальный гнет (сетаме мелле). По его мнению, обеспечение социальной справедливости и равноправия в обществе невозможно без решения национального вопроса, или, по словам автора, «искоренения национального гнета». Именно поэтому отпочковавшееся от НДПА крыло «Кружок ожидания» и сформировавшуюся на его основе организацию

**ВМЕСТЕ С ТЕМ ИМЕННО
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА
ПУШТУНОВ СВОЕЙ ПОЛИ-
ТИКОЙ И СТРЕМЛЕНИЕМ
МОНОПОЛИЗИРОВАТЬ
ВЛАСТЬ СПОСОБСТВО-
ВАЛА ТОМУ, ЧТО СРЕДИ
НЕПУШТУНСКИХ ПОЛИТИ-
КОВ СЛОЖИЛСЯ ОПРЕДЕ-
ЛЕННЫЙ КОНСЕНСУС ПО
ПРОБЛЕМЕ ДЕЦЕНТРАЛИ-
ЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ВЛАСТИ.**

«Революционная организация трудящихся Афганистана» (РОТА) неформально называли «Национальный гнет», а членов этой организации – «сектаме» («угнетенные»).

М. Т. Бадахши одним из первых предложил идею федерального устройства Афганистана. В 1973 году в проекте программы своей организации он подробно изложил содержание идеи федерализма. В статье 6 проекта написано: «Народы страны, которые имеют свою историю, территорию, язык, устойчивые экономические и культурные связи, с политической, экономической и культурной точек зрения имеют право на самоопределение.

В 1992 году было создано Национальное исламское движение Афганистана (НИДА) под руководством этнического узбека Абдул-Рашида Дустума.

ние. Это их естественное право, они имеют право бороться за это вплоть до отделения». Статья 15 гласит: «В части решения национального вопроса с целью добровольного и реального союза народов и расширения борьбы народных масс за социально-экономическое развитие страны мы выступаем за создание демократического государства по типу федеративной республики, в которой все национальности страны, такие как таджики, пуштуны, хазарейцы, туркмены, нуристанцы, белуджи и другие, на своих исторических территориях, используя право на самоопределение, создадут свои республики по названию своего народа». Однако в статье 17 проекта программы речь шла о названии объединенного или федеративного государства, которое «не имеет прямого отношения к какой-либо из национальностей» [5].

Фракция «Парчам» НДПА под руководством Мухаммада Дауда в связи с разработкой проекта Основного закона Республики Афганистан в 1976 году подготовила свой проект, в котором содержалось положение об оптимизации национальных отношений. По словам автора этого проекта С. А. Кештманда, «проект, предложенный «Парчамом», был основан на системе парламентаризма с элементами федерализма» [6]. В коллективной монографии «Актуальные вопросы Апрельской революции» советские ученые утверждают, что в представленных рекомендациях парчамовцы выдвинули идею создания в зоне расселения пуштунов (от Кунара до Гильменда) самостоятельной административно-территориальной области с включением в нее Нуристана как автономного района. Другие административно-территориальные единицы предлагалось создать следующим образом:

- зона расселения узбеков (области Джузджан, Балх, Самангон);
- районы расселения таджиков (Тахар, Бадахшан, Кундуз, Баглан);

– центральные районы от Кабула до Герата с автономным округом хазарейцев;

– юго-западные районы (провинции Фарах, Нимруд с автономным округом белуджей) [7].

По словам того же С. А. Кештманда, после Апрельской революции 1978 года Совет министров Демократической Республики Афганистан (ДРА) «выдвинул конкретные предложения для принятия принципа национальной автономии для тех народов, которые больше всех нуждались в этом» [6, с. 283].

В рамках программы национального примирения (возможно, чтобы привлечь Ахмад Шаха Масуда на сторону правительства) появились предложения обсудить вопрос о предоставлении права автономии таджикам северо-востока Афганистана. А. А. Ляховский пишет, что военное командование, используя имевшуюся у него с Масудом конспиративную связь, направило Ахмад Шаху вопросы для обсуждения, которые были заверены соответствующими подписями и скреплены печатью советского посольства в Афганистане. В числе вопросов для обсуждения с Ахмад Шахом, в частности, были: «О создании в рамках единого Афганистана таджикской автономии на базе районов проживания таджиков с включением в нее территории провинции Бадахшан, Тахар, Кундуз, Баглан и части Парвана и Каписа, о формах самоуправления этого района, а также о представительстве таджиков и конкретных постах в аппарате президента, в Национальном совете и кабинете министров Афганистана» [8, с. 664]. Генеральный секретарь ЦК правящей партии НДПА Мохаммад Наджибулла, возможно, не мог отказать советскому послу в проведении переговоров по этой теме, но маловероятно, что он мог пойти на такие уступки Ахмад Шаху Масуду.

«Поэтому каждый раз, когда договаривались с Масудом о встрече, по указанию Наджибуллы ее срывали, нанося по этому месту бомбово-штурмовые удары» [8, с. 664–665, 9]. Таким образом, тогда не было полной ясности о реакции Ахмад Шаха Масуда на предложения о предоставлении права автономии только таджикам. Однако в 2001 году в ходе своей поездки в Европу Ахмад Шах Масуд заявил следующее: «Выбор системы – право народа, но федерализм не в интересах афганского народа и приведет к распаду [страны]» [15]. С приближением падения режима доктора Наджибуллы вопрос об образовании федеративного государства вновь был поднят со стороны некоторых политических сил страны, представляющих непуштунские этнические группы.

В 1992 году было создано Национальное исламское движение Афганистана (НИДА) под руководством этнического узбека Абдул-Рашида Дустума. В своем докладе на Учредительном съезде НИДА в Мазари-Шарифе он заявил: «Мы хотим решить национальный вопрос путем создания федеративного государства» [10, с. 44]. Пункт «Создание федеративного государства на основе ислама» был включен и в программу НИДА.

Идея федерализма была популярна и среди хазарейцев, которые, в отличие от других этнических групп, расселены в Центральном Афганиста-

СТОРОННИКОВ СОЗДАНИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В АФГАНИСТАНЕ ПРЕДСТАВЛЯЛА ЭЛИТА НЕПУШТУНСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП, КОТОРАЯ БЫЛА УВЕРЕНА, ЧТО В СЛУЧАЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ФОРМЫ У ВЛАСТИ ВСЕГДА БУДУТ ПУШТУНЫ, УЧИТЫВАЯ ШИРОКИЕ ПОЛНОМОЧИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ КОНСТИТУЦИЕЙ ЗА ПРЕЗИДЕНТОМ.

не, или Хазараджате, относительно компактно. Программа Партии исламского единства Афганистана (ПИЕА) под руководством Али Мазари также содержала принцип создания федеративного государства в Афганистане.

После прихода к власти моджахедов усилились противоречия между этнополитическими группировками, которые привели к началу военных столкновений между ними. В результате Афганистан неофициально был разделен на несколько отдельных административных регионов, которые не подчинялись центральной власти, пока не перешли под контроль «Талибана».

После свержения режима движения «Талибан» в 2001 году, когда вопрос создания будущей политической системы Афганистана обсуждался в интернете и на страницах печати, идея децентрализации, в том числе модель федерализма, вновь была поднята некоторыми политическими силами.

Вместе с тем следует отметить, что за эти годы во взглядах сторонников идеи федерализма произошли серьезные изменения. Политические организации, которые раньше работали за федеративное устройство Афганистана, заявили о своей приверженности парламентской форме правления.

Это наложило отпечаток на кампанию обсуждения и принятия новой Конституции Афганистана. Форма политической системы и полномочий Президента Афганистана была одним из наиболее спорных вопросов, возникших при обсуждении проекта Конституции. Еще до созыва Лояя джириги в основном обсуждался вопрос, какая форма правления, президентская или парламентская, является наиболее оптимальной для Афганистана. Сторонники президентской формы правления во главе с Х. Карзаем, его министры и приближенные к нему представители в Лояя джирге боролись за наличие сильного, имевшего широкие полномочия президента. Глава переходного правительства Х. Карзай даже поставил ультиматум, заявив, что будет баллотироваться на следующих президентских выборах в Афганистане только в том случае, если президентская форма правления будет закреплена в Конституции.

Сторонники президентской формы правления утверждали, что парламентская система разделяет единое, централизованное государство, создает различные центры власти. Сторонников создания парламентской республики в Афганистане представляла элита непуштунских этнических групп, которая была уверена, что в случае установления президентской формы у власти всегда будут пуштуны, учитывая широкие полномочия, предусмотренные Конституцией за президентом. Еженедельник «Моджахед», печатный орган партии «Исламское общество Афганистана», в своей редакционной статье писал, что «при президентской системе все вет-

ви власти находятся под контролем президента, который не подотчетен парламенту. Народные представители получили места в парламенте путем свободного волеизъявления народа, однако президент при желании может распустить парламент и отправить в отставку премьер-министра и все правительство» [11]. Поэтому представители непуштунских этнических групп, причем как исламисты, так и сторонники светского государства, выступали за парламентскую систему правления. Партия «Исламское общество Афганистана» официально предложила парламентскую систему в качестве будущей политической системы страны.

Несомненно, представители США и в целом международное сообщество отдавали предпочтение президентской форме правления, и эта поддержка привела к закреплению президентской системы в афганской Конституции.

Таким образом, в период разработки и обсуждения проекта Конституции Афганистана в 2003–2004 годах выбор шел в основном между парламентской и президентской формами правления. Федерализация Афганистана не была тогда актуальной задачей. Уже после свержения правительства Исламской Республики Афганистан в одном из своих интервью З. Халилзад утверждал, что в 2003 году никто из лидеров политических партий не поставил этот вопрос, хотя он как представитель федеративного государства не был против этого и настаивал только на президентской форме правления. Тогда единственной партией, которая официально призывала к созданию федеративного государства и приняла это положение в качестве стратегии своей деятельности, являлась партия Национального конгресса Афганистана (ПНКА) под председательством Л. Педрома. Пункт о создании федеративного государства был включен в программу кандидата в президенты, председателя этой партии А. Педрама на первых президентских выборах в 2004 году.

За два десятилетия президентского правления основные политические партии, защищавшие интересы непуштунских этнических групп, серьезно не ставили вопрос о децентрализации политической власти в Афганистане. Только на последних президентских выборах команда Абдуллы Абдуллы включила в предвыборную программу вопрос о введении поста премьер-министра в будущем правительстве.

Между тем с избранием Б. Обамы Президентом США и его заявлении о возможном выводе американских войск из Афганистана будущая политическая система Афганистана стала предметом многочисленных дискуссий на Западе. Весьма активно обсуждались вопросы федерализации и даже раздела Афганистана на Север и Юг. Идея раздела Афганистана была предложена бывшим послом США в Индии Блэквиллом как единственный путь выхода из ситуации войны и насилия в Афганистане. Этот план был впервые предложен Ником Клеггом, лидером либерал-демократов, и Пэдди Эшдауном, бывшим британским политиком и членом либерал-демократов. Впервые он был опубликован в газете *Guardian* в сентябре 2009

года как «План „Б“». Но в Афганистане или не были знакомы с этим планом, или не восприняли его всерьез. Тем не менее среди широкого спектра мнений, идей и проектов относительно децентрализации власти встречаются и предложения о разделе страны. Сторонники этой идеи уверены, что пуштунская элита никогда не согласится на установление федерализма. Поэтому, по их мнению, оптимальным вариантом является раздел этой страны.

Активному развитию идеи децентрализации власти среди основных непуштунских этнических групп способствовали растущая тенденция дискриминации по отношению к непуштунской элите, проводимая президентом А. Гани, явная фальсификация результатов выборов в пользу представителей титульной нации и т. д. Примером служили отношения президента А. Гани с первым вице-президентом А. Р. Дустумом, который целый год провел в «политической ссылке» в Турции, или отправка в отставку губернатора провинции Балх А. М. Нура. Значительная часть таджикской элиты в Афганистане, особенно представители интеллигенции, выступили против того, чтобы в электронных паспортах в графе «национальность» всех жителей Афганистана записали афганцами.

Кроме того, управление статистики Афганистана в формах для получения паспорта в графе «знание иностранных языков» отнесло персидское наречие и таджикский язык к иностранным, что стало причиной широких протестов таджиков Афганистана, в результате которых это нововведение все же было исключено.

Другим шагом А. Гани было искусственное и ненаучное разделение непуштунских народов на субэтносы и их отделение от основного этноса – таджикского, узбекского и т. д. Например, таджики были разделены на содот, памири, мунджани, санглечи, ишкашими, рушани, вахани, шугнани, сакаи, яфтали и других. Примечательно, что этот принцип не был применен в отношении многочисленных пуштунских племен. Часть представителей непуштунских народов восприняла это как попытку создания статуса «этнического большинства» для пуштунов.

По мере приближения срока вывода войск НАТО из Афганистана после подписания Дохинского соглашения среди некоторых непуштунских народов, особенно узбеков и хазарейцев, усилилось стремление по мобилизации народных ополченцев для защиты своих территорий. Некоторые их представители заговорили о создании автономных образований на своих территориях. Например, в Маймане, центре провинции Фарьяба, в ходе демонстрации протеста против назначения этнического пуштуна с юга на пост губернатора провинции прозвучали сепаратистские лозунги. По некоторым данным, распространение таких лозунгов ускорило принятие решения со стороны Президента А. Гани о «тактическом отступлении» армейских подразделений и сдачи всех уездов от Бадахшана до Герата талибам.

Наконец, приход к власти движения «Талибан» и формирование правительства исключительно из числа талибов и преимущественно пушту-

нов укрепили решимость абсолютного большинства элиты основных непуштунских этнических групп добиться децентрализации власти. На расширение дискуссии по вопросу о децентрализации политической системы повлияли и слова Президента США Дж. Байдена, который заявил, что нынешний Афганистан объединить в единое государство невозможно: «если думаете, что кто-то может объединить Афганистан в единое государство, поднимите руку», – говорил он.

Впрочем, по заявлению некоторых лидеров «Талибана», США планировали после вывода войск разделить Афганистан на две части. Как сообщал ТАСС, представитель радикалов Шахабуддин Делавар на собрании старейшин племен в Кабуле заявил, что Соединенные Штаты планировали в ходе вывода войск из Афганистана разделить страну по этническому признаку, однако их планы провалились из-за действий талибов. «США стремились к тому, чтобы поделить Афганистан по этническому признаку, однако в результате мудрой и взвешенной политики наших лидеров «Талибану» удалось предотвратить эту трагедию» [21].

В настоящее время вопрос децентрализации продвигается преимущественно через социальные сети и превращается в серьезную дискуссию. Выдвигаются различные идеи – от федеративной и парламентской систем до конфедерации. Также высказываются мнения о необходимости раздела полномочий между центром и провинциями. Более того, звучат мнения о разделе страны на независимые государства.

Павел Астахов, например, уверен, что нет никакой необходимости в сохранении этого государства. «Разделение Афганистана <...> позволит решить все региональные проблемы», – пишет он [22]. Вот один из вариантов раздела, в котором, он по его словам, «не учел малых народов Восточной провинции и расширил территорию шиитов, которая гораздо западнее».

Вместе с тем многие выдвигаемые планы и схемы далеки от совершенства и не учитывают всю сложность переплетенности социально-племенных этнических и особенности расселения этнических групп в Афганистане.

Судя по объему публикаций и разбросу мнений, в отличие от начала XXI века, число так называемых федералистов увеличилось. Но если тогда сторонники крупнейшей (преимущественно таджикской) партии «Исламское общество Афганистана» выступали за парламентскую систему, то сегодня часть членов ИОА выступает уже за федеративную форму правления. Лидер Фронта национального сопротивления Ахмад Масуд в своем обращении к участникам конференции, посвященной его отцу Ахмад Шаху Масуду, в Кембриджском университете заявил о необходимости децентрализации власти в Афганистане. «Мы уверены, что сегодня децентрализация политической и административной систем (в Афганистане) – это наилучший путь, чтобы определить наше будущее. При такой системе все этносы в стране смогут сами избирать своих местных лидеров, которые будут подотчетны народу, и, таким образом, смогут принимать активное участие в формировании политики на местном и региональном уровне», – заявил он [12].

И хотя Ахмад Масуд не говорил тогда конкретно о федеральном переустройстве Афганистана, впоследствии глава отдела внешних связей Фронта национального сопротивления Али Мейсам Назари заявил, что, «несмотря на то что программа Фронта еще не доработана, тем не менее федеративная система является единственным институциональным механизмом, который может сдерживать кризисы в Афганистане и играть ключевую роль в процессе развития страны... Децентрализация власти, федерализация Афганистана отвечают интересам всех народов», – заявил он [13].

Активным сторонником идеи федерализма по-прежнему выступает часть этнических таджиков, узбеков, хазарейцев, политические организации которых разработали конкретные проекты по федерализации государства. Председатель НКА Л. Педрам в предоставленной автору этих строк ру-

кописи своего видения будущей формы правления в Афганистане пишет, что «политическая система, предлагаемая нами, является федеративной республикой». Вместе с тем, отмечает он, система может быть «президентско-федеративной» или «парламентско-федеративной». При этом для Л. Педрама более предпочтительной является «парламентско-федеративная» система, так как в ней больше возможностей для демократизации общества. В плане Л. Педрама описаны все детали и основные принципы выбора президента федеративного государства, его полномочий; конкретизированы полномочия премьер-министра, который возглавляет исполнительную власть и может быть выдвинут со стороны политической партии или коалиции в нижней палате парламента, а президент представляет парламенту страны кандидатуру для утверждения.

В проекте НКА парламент в федеративном государстве состоит из двух палат – Совета представителей и Сената. Впрочем, анализ всей программы Л. Педрама выходит за рамки данной статьи. Я лишь хотел бы отметить видение Л. Педрама относительно раздела власти между центром и штатами (или зонами). По его плану, Афганистан будет разделен на восемь или десять штатов, или зон, как это было в 1960–1970-е годы. Предполагается, что каждый штат будет иметь свой парламент, члены которого избираются на свободных, общих и тайных выборах. На заседании парламента штата из числа его членов большинством голосов будет избран глава штата, или устандар. Компетенции центра, штатов и провинций будут определены в Конституции страны. Л. Педрам считает, что для обеспечения мира, стабильности и равноправия народов, живущих в Афганистане, кроме децентрализации политической системы нет альтернативы. При этом он утверждает, что для реализации этого плана имеет в распоряжении три варианта: федерация, конфедерация (на основе раздела страны на Север и Юг) и раздел страны. У Л. Педрама есть несколько вариантов формирования субъектов федерации, в том числе он одобряет нижеприведенную схему, составителем которой является А. Лалзад, хотя сам автор этой схемы уже не уверен, что такой вариант создания государства может служить интересам таджиков.

Сторонники идеи федерализма уверены, что только в рамках федерации можно обеспечить равноправное участие всех этнических групп в управлении государством, а также сохранение их этнической и культурной идентичности, языка и традиций, так как все вопросы развития регионов передаются федеральным правительством в компетенцию субъектов федерации. В то же время в компетенции федерального правительства остаются вопросы обороны и безопасности, войны и мира, внешней политики и т. д.

Среди части представителей хазарейцев сформировалось «Федеральное демократическое движение» (Federal demokrat movement), которое разработало документ под названием «Проект сопротивления и государственного строительства». Этот 11-страничный документ, содержащий план федеративного обустройства страны, датирован 7 февраля 2022 года. Проект Движения содержит пошаговые меры, направленные на организацию сопротивления террористическим группам, проведение фундаментальных реформ, затрагивающих широкий спектр вопросов – от изменения названия страны до политической системы и национальной валюты государства. Согласно плану Движения, «в Афганистане должны быть искоренены три явления: фашизм, терроризм и централизованная племенная форма правления». Судя по плану, будущее название федеративного государства – Хорасан, который состоит из девяти федеральных единиц, или субъектов [14].

Конкретно по субъектам федерации нет единого мнения. У авторов проектов федеративного обустройства страны разные взгляды, отличающиеся как по числу штатов или зон, так и по территориям, которые они должны охватить.

Афганский эксперт З. Сарвари на странице «Хранители хорасанской идентичности, истории и культуры» в Facebook перечисляет ряд преимуществ федерализма. В частности, он утверждает: «Федеративная система способствует единству и солидарности нашего народа и спасет страну от угрозы распада, войны и нищеты, меняет корни и основу моноэтнических, фанатичных и авторитарных правительств, делает власть народной, положит конец многовековому угнетению и тирании в стране, сослужит пользу сохранению и развитию разных языков и культур в многоязычной стране, где вместе живут разные этносы и национальности, стимулирует справедливое распределение властных полномочий и богатства во всех регионах и федеральных территориях страны, сможет привести к экономическому росту» [15]. Однако афганский эксперт доктор А. Лалзад, живущий в Лондоне, считает такую характеристику федерализма преувеличением, которое можно найти «только в «поэтических утопиях», но не в реальном мире и не в 25 существующих федеративных государствах планеты» [16]. В другой своей статье он утверждает, что «федеративное устройство не гарантирует демократизации общества. В мире есть много государств с федеративным устройством, которые не считаются демократическими. Примером служат Российская Федерация (РФ), Исламская Республика Пакистан (ИРП),

Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и т. д.» [17]. По мнению А. Лалзада, в целом существует два вида федерализма. Первый – географический (территориальный), который основан на союзе независимых государств или стран для создания сильного центрального правительства. Второй –

Многие эксперты признают актуальным вопрос о децентрализации власти и считают федерализацию одним из оптимальных вариантов для полигэтнических стран.

этнический/языковой/религиозный, который основывается на передаче относительных полномочий этническим/языковым/религиозным группам для предотвращения сепаратистских устремлений. Но в Афганистане, по его мнению, оба вида федерализма непрактичны и не существует условий для их создания. При этом А. Лалзад предполагает осуществить децентрализацию (горизонтальную и вертикальную) путем перераспределения властных полномочий на основе «принципа самоуправления»: выборные/подотчетные губернаторы и гражданские права, основанные на справедливых законах и верховенстве закона, в пределах существующих 34 провинций [17].

Многие эксперты признают актуальным вопрос о децентрализации власти и считают федерализацию одним из оптимальных вариантов для полигэтнических стран. Вместе с тем, учитывая некоторые особенности Афганистана, они сомневаются в том, что федерализация может стать оптимальным вариантом для решения проблем Афганистана. Например, афганский эксперт Забехулла Сайи считает, что «в условиях отсутствия четких границ между регионами (за исключением Гиндукуша, разделяющего Афганистан на Север и Юг) создание федеративного государства на территориально-географических принципах невозможно. Создание федеральных образований государства по таким культурным компонентам, как язык и выбор религиозной конфессии, также нельзя признать разумным, поскольку носители самых распространенных языков (персидский и пушту) территориально разбросаны по стране и не сконцентрированы в конкретных регионах или районах. С конфессиональной точки зрения, также существует огромная разница в численности последователей каждой конфессии (суннитов и шиитов. – К. И.), что делает практически бесмысленным конфессиональный принцип». Забехулла Сайи считает, что единственным компонентом, который до некоторой степени может стать рациональной основой для создания федеративных образований, – это «этническая принадлежность». Создание федеративной структуры на основе

этого компонента может быть полезным для децентрализации власти, но это также связано с расселением этнических групп, особенно двух основных – таджикской и пуштунской, по всей стране (с севера на юг и с востока на запад), считает эксперт. «Поэтому реализация этого принципа практически не обойдется без переселения этнических групп, что невозможно в принципе», – поясняет Забехулла Сайи. Автор приходит к выводу, что отождествлять децентрализацию с федерализмом и считать федерализм единственным путем решения проблем страны не только некорректно, но и «можно рассматривать как проявление чрезмерного идеализма» [18]. Таким образом, абсолютное большинство экспертов считают создание федерации на этнических принципах ошибочным, так как всегда существует вероятность усиления центробежных устремлений и сепаратизма у того или иного этноса. Вместе с тем вид территориального федерализма полагают более оптимальным, чем этнического [3].

Несмотря на бурные дискуссии вокруг вопроса децентрализации Афганистана, идея эта традиционно ассоциируется с разделом страны на разные государства практически у всей пуштунской элиты (независимо от идеологической ориентации) и части непуштунских этнических групп. В свое время Ашраф Гани в ответ на предложения о формировании парламентской системы в Афганистане подчеркивал, что «Афганистан не лаборатория, созданная для того, чтобы каждый, кто хочет, ставил эксперимент» [19].

Более того, если подобная идея предлагается представителем какого-либо другого государства, то его сразу обвиняют во вмешательстве во

внутренние дела Афганистана. Хотя, как отмечает Алекс Тьер, «обсуждение вопроса децентрализации следует понимать как попытку повысить инклюзивность и участие местного населения в управлении государством, укрепить политическую и социальную сплоченность и экономическое развитие» [20].

В связи с этим самый трудный вопрос состоит в механизме реализации идеи децентрализации власти. В условиях конфликта, в атмосфере недоверия и вражды трудно найти легкое решение вопроса. Если в Афганистане вновь начнется вооруженное противостояние, существует вероятность создания региональных «центров власти», как это было в 90-х годах прошлого века, что вряд ли приведет к какому-то приемлемому результату. Напомним, что в этот период некоторые соседние страны опасались распада страны, действий таджикской исламской вооруженной оппозиции в Афганистане в условиях, когда у власти находились этнические таджики. Это несло соседним государствам известные геополитические риски. Распад Афганистана на несколько самостоятельных государств, безусловно, не может не оказать влияния на соседние страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложная военно-политическая ситуация и затяжной вооруженный конфликт, стремление определенных политических кругов монополизировать власть в Афганистане осложнили межэтнические отношения. Это привело к активизации сторонников децентрализации власти, надеющихся на оптимизацию межэтнических отношений, обеспечение равных прав для различных этносов в управлении государством, развитие языка и сохранение этнокультурной идентичности. Часть экспертов и политических деятелей считают, что сегодня, когда «Талибан» установил свою власть без учета этнических, географических, культурных, экономических, гендерных и других особенностей Афганистана, другого пути, кроме изменения этой системы и принятия федеративной формы правления, не существует.

Вместе с тем в условиях непринятия пуштунами этой идеи в принципе и на фоне специфических особенностей расселения различных этносов на территории страны реализация этой идеи сталкивается с непреодолимыми трудностями.

В СВОЕ ВРЕМЯ АШРАФ ГАНИ В ОТВЕТ НА ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ФОРМИРОВАНИИ ПАРЛАМЕНТСКОЙ СИСТЕМЫ В АФГАНИСТАНЕ ПОДЧЕРКИВАЛ, ЧТО «АФГАНИСТАН НЕ ЛАБОРАТОРИЯ, СОЗДАННАЯ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ КАЖДЫЙ, КТО ХОЧЕТ, СТАВИЛ ЭКСПЕРИМЕНТ».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белокреницкий В. Я. Вооруженный экстремизм в Афганистане, Пакистане и Центральной Азии: взгляд из России // https://www.imito.ru/files/File/magazines/puty_miru/2017/01/14Belokrenitskiy.pdf.
2. Белокреницкий В. Я. Пуштуны и пуштунские племена Афганистана – численность и расселение // <https://afghanistan.ru/doc/147751.html> (дата опубликования: 13.01.2022).
3. Брайен Карл, Андерсон Дэвид. Федеративная система с автономными регионами: путь к успехам Афганистана // <https://www.etilaatroz.com/126135/federal-system-with-autonomous-regions-a-way-to-succeed-in-afghanistan-1>.
4. Бобокулов И. Государственное строительство Афганистана: децентрализация vs. Централизация // Центральная Азия и Кавказ. Т. 18. Вып. 2, 2015.
5. Бадахшани Г. Федерализм. Проект для многонационального Афганистана // www.badakhshani.net.
6. Актуальные проблемы Апрельской революции. М., 1984.
7. Султан Али Кештманд. Политические воспоминания и исторические события. Личные воспоминания в контексте современной истории Афганистана. Т. 1–2.
8. Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. 2-е изд., переработ. и доп. Ярославль: ООО ТФ «Норд», 2004.
9. Искандаров К., Шехов А. История возникновения идеи федерализма в Афганистане и сегодняшняя реальность // Вестник педагогического университета. № 3–1 (46), 2012.
10. Вступительное слово руководителя Национального исламского движения Афганистана, выдающегося борца-муджахида, председателя Высшего военного совета северных войск, генерала армии Абдул-Рашида Дустума на Первом учредительном съезде Национального исламского движения Афганистана // Хашимбеков С. Узбеки Северного Афганистана. Приложения. М., 1994.
11. Моджсаед. 2004. 24 августа.
12. Мирзобекова Рамзия. Ахмад Масуд выступил за децентрализацию власти в Афганистане. Власть в Афганистане разделят? <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20210927/vlast-v-afganistane-razdelyat-ahmad-masud-vistupil-za-detsentralizatsiyu-vlasti-v-afganistane>.
13. Али Мейсам Назари, глава отдела внешних связей Фронта национального сопротивления. Федерализм в пользу всех // https://www.facebook.com/watch/?v=330416395699084&extid=NS-UNK-UNK-UNK-AN_GK0T-GK1C&ref=sharing.
14. Федеральное демократическое движение (*Federal demokrat movement*). Проект: Сопротивление и государственное строительство Рукопись.
15. Сарвари Зия. Особенности федеративной системы // https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid.
16. Лалзад Абдул. Лозунг: «Федерализм или раздел» // <https://www.facebook.com/alalzad>.
17. Лалзад Абдул. «Фантазии» некоторых наших друзей о федерализме // <https://www.facebook.com/alalzad>.
18. Сайи Забехулла. Может ли федерализм быть путем к решению? // <https://www.facebook.com/100002410287243/posts/4780659932024302/?sfnsn=mo>.
19. Саме Мехди. Централизация или федерализация? https://ne-pr.facebook.com/permalink.php?story_fbid=4798729296880019&id=1070604766359176.

20. Alex Thier. *The Nature of the Afghan State: Centralization vs. Decentralization // Afghan Peace Process Issues Paper. November 2020.*
21. США планировали разделить Афганистан по этническому признаку // https://news-front.info/2021/08/26/ssha-planirovali-razdelit-afganistan-po-etnicheskому-priznaku/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru.
22. Астахов Павел. Афганистан // <https://techwork.livejournal.com/978694.html>.

ПРОБЛЕМА ИНКЛЮЗИВНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В АФГАНИСТАНЕ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Рустам Махмудов

Доцент Университета мировой экономики и дипломатии (Узбекистан).

После окончания Ташкентского государственного института востоковедения в 1995 году он в течение трех лет работал преподавателем языков пушту и дари. Сфера его интересов охватывает, прежде всего, развитие междисциплинарного подхода в политической аналитике, а также региональную geopolитику, включая Афганистан, Четвертую промышленную революцию, транспортные коммуникации, молодежную миграцию, постмодернизм и теорию стратегического мышления и цифровых технологий в международных отношениях. Махмудов является автором 260 статей, опубликованных в Узбекистане, России, Германии, США и Казахстане.

Email: rustammakhmudov73@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема создания инклузивного правительства в Афганистане, которая представляет собой одно из ключевых требований для международного признания власти движения «Талибан». Основные разногласия между талибами и международным сообществом, и в первую очередь США, лежат в различном концептуальном понимании природы «инклузивного правительства» и инклузивных политических институтов. При этом выносятся на рассмотрение две гипотезы, оказывающие, по мнению автора, возможное влияние на понимание талибами применения политической инклузивности, и суть которых заключается в особенностях восприятия талибами своих политических оппонентов в лице США, бывшего афганского правительства и политических групп этнических меньшинств, а также особенностях афганской политической культуры, основанной на историческом доминировании экстрактивных политических и экономических институтов. Статья рассматривает четыре возможных варианта дальнейших действий «Талибана», касающихся вероятности внедрения инклузивных политических институтов в обозримой перспективе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«Талибан», Исламский Эмират Афганистан, инклузивное правительство, фрейм, инклузивные политические институты, экстрактивные экономические институты, «Пуштунвали», «новые афганцы», социальный контракт.

ВВЕДЕНИЕ

Возвращение к власти в Афганистане движения «Талибан» в августе 2021 года, последовавшее сразу после вывода американских войск и коллапса правительства Ашрафа Гани и его силовых структур, радикальным образом изменило всю архитектуру безопасности, экономики, торговли и баланса сил, сложившуюся и функционировавшую в стране и в регионе после 2001 года. В настоящее время талибы, граничащие с Афганистаном государства и ведущие мировые игроки и институты ищут пути создания новой системы координат в двусторонних и многосторонних отношениях, однако по целому ряду причин сделать это им в полной мере пока не удается.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье используется междисциплинарный подход, основывающийся на методах исторического, этнокультурного, аксиологического, контент- и фрейм-анализа, а также методы оценки политico-экономической культуры с точки зрения неоинституциональной теории.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одной из самых серьезных проблем, которая все еще не позволяет Афганистану выйти на стабильную траекторию развития и полноценно встроиться в международную финансово-экономическую систему, а новым афганским властям получить международное признание, является неспособность талибов найти точки совпадения позиций с США и коллективным Западом по ряду принципиальных вопросов, касающихся характера формирования правительства, соблюдения прав и свобод национальных меньшинств и женщин, полного искоренения террористических групп на территории страны и прекращения производства наркотиков.

Проблем с признанием новых властей, возможно, не было бы, согласившись талибы изначально на вариант формирования коалиционного правительства со своими оппонентами в лице правительства Ашрафа Гани и афганских этнополитических групп. Однако «Талибан» отверг данный вариант, и сегодня остается лишь предполагать, почему его лидеры не пошли на поиск компромиссных решений, что позволило бы создать инклюзивное правительство и инклюзивную политическую систему. В данном случае можно выдвинуть две гипотезы.

Первая гипотеза состоит в том, что талибы всегда считали правительство Хамида Карзая, Ашрафа Гани и этнополитические группировки несамостоятельной силой, чье выживание зависит только от внешней поддержки. Свою военно-политическую и идеологическую борьбу они рассматривали прежде всего как противостояние с внешними интервенциями, чьим инструментом были официальные афганские власти и силовые структуры. Именно поэтому талибы вели дипломатический диалог и переговоры с США как с главным противником, одновременно отказываясь вести двусторонний диалог с официальным Кабулом по существу.

Вторая гипотеза, объясняющая причину отказа талибов создавать коалиционное правительство, касается культурологических особенностей внутренней афганской политики, в истории которой никогда не было примеров действия инклюзивных политических институтов. Американские неоинституциональные экономисты Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон определяют инклюзивные политические институты как институты, которые «обеспечивают широкое распределение политической власти и при этом позволяют достичь такой степени политической централизации, которая гарантирует законность и порядок, сохранность прав собственности и инклюзивную рыночную экономику» [1].

Было вполне ожидаемо, что США и ведущие внешние доноры больше не будут делать столь щедрых вливаний в афганский бюджет, принимая во внимание отказ талибов идти на компромисс по вопросу создания инклюзивного правительства, защиты прав женщин, включая их право на работу и получение образования.

Очевидно, что широкого распределения политической власти в западном понимании в истории Афганистана никогда не было, хотя определенные элементы политической инклюзивности все же можно было наблюдать в период 2001–2021 годов. Для политической традиции этой страны характерны экстрактивные политические институты. В их функционировании заинтересованы правящие группы, к доступу и к контролю над которыми стремятся конкурирующие группы контрэлит, поскольку именно эти группы открывают доступ к развитию экстрактивных экономических институтов, чьей особенностью является максимизация доходов узкого круга лиц или кланов.

Экстрактивный характер афганской традиционной политики объясняет ее бескомпромиссность и направленность на устранение с политической арены конкурентов для утверждения права сильнейшего. Примером может служить гражданская война между группировками моджахедов (1992–1996) после падения режима Президента Мохаммада Наджибуллы. «Талибан» также не представляет собой исключения из правил, являя яркий пример традиционной афганской политической культуры. Эффектом экстрактивности, по всей видимости, можно объяснить и наблюдаемый для построения инклюзивных полиэтнических политических институтов.

Вместе с тем, несмотря на наличие различных гипотез, можно constатировать тот факт, что «Талибан» после прихода к власти, если говорить

языком социологии, попал в совершенно другой фрейм афганской политики. Российский социолог Виктор Вахштайн определяет фрейм как «структуру ситуации» и «жесткий каркас человеческого взаимодействия» [2]. Если до августа 2021 года талибы находились в рамках фрейма военно-политического противостояния с правительством Ашрафа Гани, США и их союзниками в качестве движения, чьи действия основывались на принципах партизанской войны, то уже после августа 2021 года они попали во фрейм правящей силы, что потребовало коренного изменения всей модели функционирования движения.

Их переход из фрейма партизанского движения во фрейм правящей силы означает, что талибам необходимо не только менять психологию своего командного и рядового состава, ранее ориентированного и мотивированного на противостояние центральным властям, но и взвалить на себя решение огромного массива проблем и вызовов, с которыми ежедневно сталкивается афганское общество и которое ранее пыталось решать правительство Ашрафа Гани.

При этом есть одна принципиальная разница: у талибов нет той финансовой подушки безопасности, которая была у прежних властей в виде помощи внешних доноров. Согласно данным New York Times, иностранные гранты формировали 75% афганского бюджета и 45% ВВП [3].

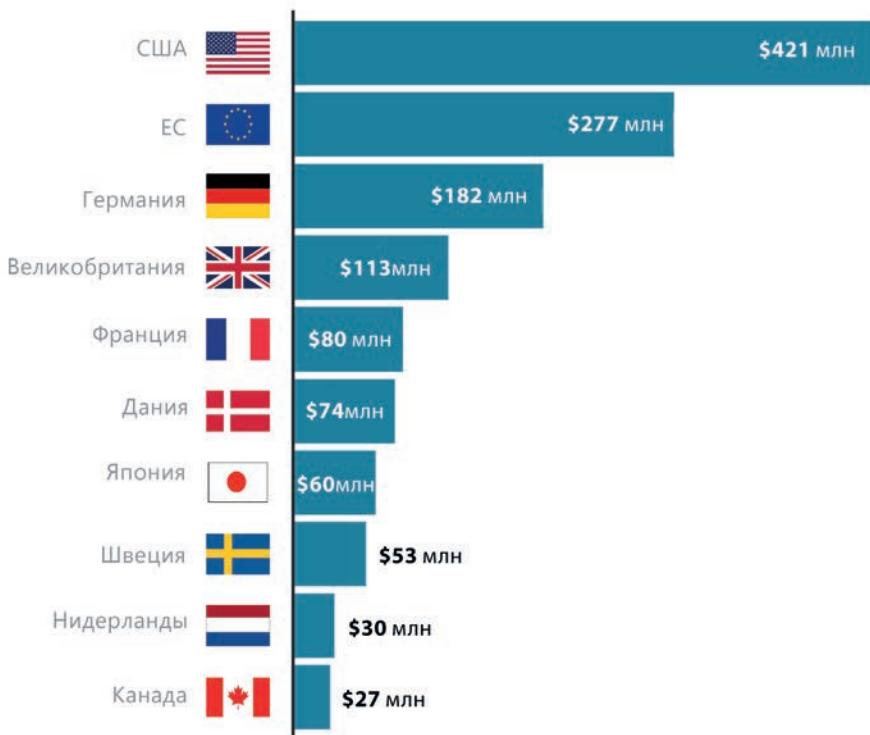
Было вполне ожидаемо, что США и ведущие внешние доноры больше не будут делать столь щедрых вливаний в афганский бюджет, принимая во внимание отказ талибов идти на компромисс по вопросу создания инклюзивного правительства, защиты прав женщин, включая их право на работу и получение образования. Более того, Вашингтон пошел на применение своего излюбленного инструмента давления в виде финансовых санкций и ограничений. В частности, были заморожены \$9,5 млрд Афганистана на иностранных счетах, причем \$7 млрд – на счетах американских банков, что оставило талибов практически без средств.

Естественно, что сразу же после формирования переходного правительства, не отвечающего западным критериям инклюзивности, политологи и экономисты стали говорить о возникновении угрозы экономического коллапса Афганистана в виде кризиса банковской системы, раскручивания спирали инфляции, проблем с финансированием госслужащих и сжатием ВВП. Данные угрозы обещали усугубить и без того сложную ситуацию с обеспечением продовольствием и работой наиболее уязвимых слоев населения. Мировая продовольственная программа ООН оценивает число афганцев, сталкивающихся в настоящее время с «острым голодом», в 23 млн человек (то есть это больше половины из почти 40 млн населения Афганистана) [4].

Для того чтобы не допустить неконтролируемый гуманитарный кризис и поток беженцев, международные организации и институты, соседние страны и государства, имеющие свои интересы в Афганистане, уже с осени 2021 года стали оказывать этой стране экстренную гуманитарную помощь.

Самые крупные доноры Афганистана

Денежные средства для плана гуманитарной помощи и чрезвычайного призыва ООН

Источник: Управление ООН по координации гуманитарных вопросов, февраль 2022 г

BBC

Принимая во внимание ведущую роль Вашингтона в мировой финансово-банковской системе, были важны именно американские шаги в сфере юридического оформления денежных переводов и финансирования гуманитарных проектов в Афганистане, и такие шаги последовали.

В период с 24 сентября по 10 декабря 2021 года Министерство финансов США выдало несколько лицензий. Одна из них, в частности, разрешала проведение ограниченных экспортных и реэкспортных операций с поставкой продуктов питания, лекарств и медицинского оборудования в Афганистан [5]. Также было разрешено осуществление личных некоммерческих денежных переводов в Афганистан, благодаря чему Western Union Co. и MoneyGram International Inc. возобновили предоставление своих услуг в этой стране [6]. Все это позволило международным организациям начать реализацию программ оказания целевой помощи нуждающимся группам афганского населения.

Однако приток средств в страну еще не означал решения проблем переходного правительства в области управления экономикой, а также не давал оснований для смягчения подходов США и Запада по вопросу официального признания власти талибов. Как заявил 10 февраля 2022 года

специальный представитель США по Афганистану Том Уэст в интервью афганскому телеканалу 1TV, талибы пока не выполнили условия для признания их правительства, в силу чего США не готовы возобновить работу посольства в Афганистане, но продолжат взаимодействие с ними в целях защиты американских интересов [7].

В целом американскую политику в отношении Афганистана на текущем этапе можно охарактеризовать как одновременно основанную на двух подходах – оказание гуманитарной помощи афганскому народу при ограничении доступа «Талибана» и «Сети Хаккани» к международным финансовым ресурсам.

Этот подход явно виден на примере подписанныго 11 февраля 2022 года Президентом Джо Байденом Executive Order, согласно которому \$7 млрд Центрального банка Афганистана, замороженные в США, будут переведены на консолидированный счет в The Federal Reserve Bank of New York. Предполагается, что \$3,5 млрд могут пойти на выплату компенсаций американским гражданам, пострадавшим от терроризма (в том числе семьям жертв террористических атак 11 сентября 2001 года), а остальные средства будут направлены на оказание гуманитарной помощи афганскому народу, не допуская при этом попадания выделяемых средств в руки талибов и «Сети Хаккани» [8].

Фактически можно сказать, что американцы загнали талибов в определенную ловушку. С одной стороны, «Талибан» получил в управление Афганистан, к чему это движение стремилось все годы, и факт получения которого оно объявило своей победой, но с другой – у талибов нет достаточных ресурсов, чтобы даже просто поддерживать систему государственного управления в функциональном состоянии. А получить доступ к внешним ресурсам они не могут в силу отсутствия признания мирового сообщества и, в первую очередь, со стороны тех же США, хотя их эмиссары и принимают участие в различных международных встречах.

Сложилась тупиковая ситуация, выбраться из которой талибам пока сложно. Все их призывы признать переходное правительство остаются без ответа даже со стороны мусульманских стран [9].

Тот же Пакистан, который традиционно считается региональным игроком, имеющим наибольшее влияние на «Талибан», и одной из трех стран, официально признавших Исламский Эмирят Афганистан в период его существования в 1996–2001 годах, отказывается сегодня признавать переходное правительство. Пакистанский премьер-министр Имран Хан в интервью Le Figaro прямо заявил, что признание «Талибана» должно быть «коллективным процессом» и Исламабад меньше всего хотел бы быть единственной страной, признавшей режим талибов и взамен получившей изоляцию, в то время как его правительство пытается изменить экономику этой страны [10].

В этой связи возникает вопрос о том, возможен ли в ближайшем будущем выход «Талибана» из ловушки, в которую он угодил.

ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД ИЗ ЛОВУШКИ?

Очевидно, что для выхода из ловушки первое, что нужно будет сделать талибам, – это принять требования мирового сообщества о создании подлинно инклюзивного правительства, то есть вновь поменять фрейм. Однако здесь возникает проблема концептуального характера. Согласно представлениям «Талибана», инклюзивное правительство подразумевает включение в правительство, где доминируют талибы, нескольких представителей этнических меньшинств. Они в принципе уже дали несколько постов представителям таджикской, узбекской и хазарейской общин, и на основании этого они утверждают, что выполнили требования мирового сообщества.

В свою очередь, инклюзивное правительство, как оно понимается в международной практике, является лишь одним из компонентов в более масштабной среде функционирующих инклюзивных политических институтов, гарантирующих состязательное участие в жизни страны различных политических сил, стоящих на различных идеальных платформах и имеющих свои точки зрения на политические, экономические и гуманитарные вопросы. Инклюзивность также подразумевает широкое и независимое участие гражданского общества и независимых СМИ в социально-политической жизни страны.

Применительно к Афганистану это означает участие в политической и общественной жизни не просто этнических меньшинств или женщин, а их политических партий и объединений, наряду с «Талибаном», при наличии системы сдержек и противовесов (например, в виде независимой судебной системы), а также контроля со стороны гражданского общества и СМИ.

Для талибов подобный тип политического устройства вряд ли представляется приемлемым, как уже указывалось, исходя из представлений о политическом доминировании, которое сложилось в традиции и культуре афганской политики. Но, как показывает история, иногда даже традиционные траектории развития могут менять свое направление.

В экспертной среде спустя шесть месяцев после падения Кабула сложились четыре точки зрения относительно вероятности смены талибами своей первоначальной позиции по формированию инклюзивного правительства и понижения степени радикализации в их политическом мышлении.

Примером *первой, или пессимистической, точки зрения* может служить мнение Сайеда Мадади, бывшего директора по международным отношениям в Государственном министерстве мира Афганистана и члена технического секретариата мирных переговоров в Афганистане в Дохе (Катар), которое он изложил в статье *The dangers of empowering the Taliban*.

Мадади не верит в смену модели мышления «Талибана», несмотря на усилия международного сообщества. «В течение многих лет мир пытался смягчить экстремистскую идеологию талибов, подвергая их воздействию

современности. Будучи повстанцами, они научились дипломатии и тактике ведения переговоров, но их средневековое мышление оставалось таким же консервативным», – пишет он.

Афганский эксперт также не верит в возможность формирования движением «Талибан» по-настоящему инклюзивного правительства с высокой долей участия национальных меньшинств. По его мнению, это маловероятно, поскольку включение непуштунских этнических меньшинств «запятнalo бы этническую идентичность талибов. «Одной из причин того, что исламистские амбиции талибов остаются ограниченными Афганистаном, является их глубокое слияние с пуштунской идентичностью и стремление создать моноэтническую структуру власти», – отмечает он.

Кроме того, при форме управления в виде авторитарного исламского эмирата включение в правительство других этнических групп мало что изменилось бы, поскольку инклюзивное и представительное управление имеет смысл только в плuriалистической и демократической системе, где легитимность государства и государственная политика зависят от одобрения народа. Мадади указывает, что в переходном правительстве талибов уже есть по одному узбеку и таджику, а также два хазарейца, но это никоим образом не повлияло на прекращение систематического преследования шиитов-хазарейцев. Он также не верит, что «Талибан» когда-либо допустит в правительство женщин, являющихся «самой большой бесправной группой в стране и оказывавших самое ожесточенное сопротивление режиму».

**БУДУЧИ ПОВСТАНЦАМИ,
ОНИ НАУЧИЛИСЬ ДИ-
ПЛОМАТИИ И ТАКТИКЕ
ВЕДЕНИЯ ПЕРЕГОВОРОВ,
НО ИХ СРЕДНЕВЕКОВОЕ
МЫШЛЕНИЕ ОСТАВАЛОСЬ
ТАКИМ ЖЕ КОНСЕРВА-
ТИВНЫМ», – ПИШЕТ ОН.**

Мадади в этой связи рекомендует международному сообществу отойти от политики умиротворения талибов, поскольку «чем больше талибы укрепляют свою власть, тем более непреклонными они становятся перед внутренними требованиями и внешним давлением» [11].

К сказанному можно добавить, что сдерживающим фактором на пути перехода к инклюзивным политическим институтам теоретически могут служить опасения талибов касательно распыления сил их движения или даже его распад на различные партии, отстранение от власти, а также широкое вмешательство внешних сил через механизмы многопартийности.

В настоящее время движение «Талибан» все еще представляет собой более или менее консолидированную силу, несмотря на наличие нескольких конкурирующих групп внутри него, концентрирующихся вокруг и. о. министра обороны Исламского Эмирата Афганистан Муллы Мохаммада Якуба (сына основателя «Талибана» Муллы Омара), и. о. вице-премьер-министра Муллы Абдул Гани Барадара и и. о. министра внутренних дел Сираджуддина Хаккани. Если же предположить, что движение пойдет на внедрение инклюзивных политических институтов и войдет в них как одна из сил, то может появиться вероятность того, что ныне конкурирующие группы внутри «Талибана» могут выйти из его состава и образовать собственные партии и коалиции с другими афганскими политическими силами.

Мнения экспертов, придерживающихся *второй точки зрения* и исповедующих *сдержаный оптимизм* относительно способности «Талибана» снизить свой первоначальный радикализм, суммированы в докладе «Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределенность», подготовленном аналитиками МГИМО. В нем выделяется целый ряд довольно позитивных моментов после установления власти талибов.

Прежде всего отмечается, что «за первые пять месяцев нахождения у власти талибы не смогли в полной мере оправдать ни надежд одних, ни страхов других», а то, что происходит «на земле», противоречиво. Авторы подчеркивают, что в Кабуле и в стране в целом установился определенный порядок, поскольку талибы смогли обуздить криминал и общую нестабильность, а большинство простых афганцев уживаются с социальными и бытовыми стандартами, установленными новыми властями.

Аналитики МГИМО также указывают, что «Талибан» разрешил продолжить обучение по старым программам в университетах и завершить обучение девушкам-студенткам. Движение не ввело тотальную цензуру, при них продолжили работу некоторые печатные и электронные СМИ и есть доступ к интернету.

Как факт смягчения политического мышления талибов преподносится проявление ими выдержки в отношении митингов и демонстраций, организованных гражданскими активистами в сентябре 2021 года, притом что многие сообщения о системной карательной политике в отношении ряда групп населения оказались фейком. В качестве индикатора смягче-

ния также рассматривается объявление амнистии для офицеров силовых ведомств, служивших прежней афганской власти. В докладе указывается, что «при определенном позитивном настрое можно увидеть плюсы и в том, что движение «Талибан» и его правительство не монолитны, там имеются разногласия и споры, что в целом можно считать некой системой сдержек и противовесов» [12].

Конечно, данная точка зрения ничего не говорит о вероятности того, что талибы пойдут на формирование инклюзивного правительства и трансформации страны на основе инклюзивных политических и экономических институтов. Однако в целом она создает довольно позитивную картину и дает некоторые основания полагать, что талибы обладают способностью к политической и идеологической эволюции.

Третья точка зрения основывается на предположениях, что требования о необходимости создания талибами инклюзивного правительства со временем могут сойти на нет и потерять свою актуальность ввиду усталости международного сообщества от афганского конфликта и нарастающего желания видеть Афганистан стабильным вне зависимости от того, кто находится там у власти. Главное, чтобы эта сила контролировала Афганистан и не давала превратить его в источник экспансии терроризма и радикальной исламской идеологии, обеспечила бы безопасность граждан, нормальное ведение бизнеса и получение образования. Если все это будет реализовано, то со временем мировое сообщество признает легитимность власти «Талибана» и откроет ему доступ к донорским средствам и инвестициям.

Афганистан зимой 2020 года в Герате

Дело в том, что за каждым влиятельным лидером внутри «Талибана» стоят военно-политические группировки или пуштунские кланы, которые постоянно требуют получения различных материальных дивидендов, рассматривая своего лидера в качестве инструмента получения доступа к ресурсам.

Как доказательство усталости мирового сообщества от афганского конфликта сторонники этой точки зрения рассматривают неспособность этнических меньшинств сформировать фронт сопротивления талибам, как это было в середине 1990-х годов, когда «Северный альянс» во многом опирался на внешнюю поддержку. Попытки Ахмад Масуда-младшего и бывшего вице-премьера Амруллы Салеха организовать сопротивление в Панджшерской долине ни к чему не привели, и «Талибан» в короткие сроки смог установить свой контроль над этой, казалось бы, неприступной естественной цитаделью.

Уже упоминавшийся афганский эксперт Сайед Мадади также считает, что талибы сегодня руководствуются логикой выживания. «Они ожидают, что, в конце концов, интересы национальной безопасности международного сообщества возьмут верх над его заботой о гуманитарных ценностях; по мнению талибов, в конечном итоге они уступят и предоставят им доступ к финансовым и политическим ресурсам», – полагает он [11].

Против этой точки зрения может только говорить неопределенность с отходом США от требований формирования инклюзивного правительства. Афганистан не входит в сферу американских жизненно важных экономических интересов, и поэтому Вашингтон может довольно долго держать его в изоляции, превратив в забытую западными СМИ проблему, что показывают примеры Кубы или Ливии.

И, наконец, *четвертая точка зрения*, которую можно охарактеризовать как катастрофическую, в случае если талибы не пойдут навстречу мировому сообществу. Она основывается на логике развития внутренних процессов в подобных политических движениях, стремящихся установить в стране экстрактивные политические и экономические институты и основанных на временных компромиссах между несколькими влиятельными группами. В условиях международной изоляции страны и острой нехватки ресурсов между группами может начаться борьба за власть и контроль над распределением немногочисленных ресурсов.

Как уже отмечалось, внутри «Талибана» есть несколько подобных влиятельных групп, и в соответствии с данной точкой зрения можно ожидать, что рано или поздно внутренний конфликт в движении может разгореть-

ся при сохранении внешней финансово-инвестиционной изоляции режима. Дело в том, что за каждым влиятельным лидером внутри «Талибана» стоят военно-политические группировки или пуштунские кланы, которые постоянно требуют получения различных материальных дивидендов, рассматривая своего лидера в качестве инструмента получения доступа к ресурсам.

Это, в принципе, застарелая афганская проблема, которая укладывается в более масштабную проблему противостояния между институтами государства, с одной стороны, и традиционалистскими и религиозными институтами, ориентированными на поддержку форм групповой солидарности (семья, клан, племя, мусульманская община), – с другой. История Афганистана, по сути, есть противостояние между этими двумя типами институтов.

Ситуация была более или менее стабильной при уважении центральной властью неформальных институтов и их применении не только в зоне племен, но и внутри государственной системы распределения ресурсов. Однако как только центральная власть пыталась навязать приоритет государственных институтов над традиционалистскими и религиозными, Афганистан сразу же начинал скатываться в нестабильность. Примеров этому множество, начиная от модернистских реформ Амануллы-хана (1892–1960) и Народно-демократической партии Афганистана (1978–1992) и заканчивающей периодом президента Хамида Карзая и Ашрафа Гани (2001–2021).

Нынешняя ситуация в Афганистане интересна тем, что статус государственных институтов перешел к религиозным институтам, основывающимся на шариате. Религиозные институты здесь противостоят традиционалистским институтам, опирающимся на пуштунский кодекс «Пуштунвали», родоплеменные и этнические принципы социальной солидарности.

За спиной пуштуна, который следует традиционным институтам, стоит поддержка его рода и племени. А за тем, кто отдает приоритет государственным институтам, – только его коллеги или идейные попутчики, которые в разной степени оторваны от своих корней и зачастую в своей политике вынуждены полагаться на поддержку внешних сил.

Примером подобных оторванных от корней групп могут считаться младоафганцы начала XX века и марксисты-ленинисты из НДПА. При поражении представители подобных групп вынуждены или эмигрировать, или возвращаться к своим корням. Например, как это сделали многие члены НДПА из фракции «Парчам», в которой доминировали представители национальных меньшинств, перейдя к Ахмад Шаху Масуду, и пуштуны из фракции «Халк», присоединившиеся к движению «Талибан».

Также в данную категорию оторванных от корней афганцев попадают так называемые новые афганцы – группа политиков, которые должны были стать опорой власти Ашрафа Гани. По мнению Андрея Серенко, ведущего эксперта Центра изучения современного Афганистана (ЦИСА), «новыми афганцами» были молодые политики и силовики в возрасте от 30 до

К НАСТОЯЩЕМУ МОМЕНТУ ТАЛИБЫ ВЫПОЛНИЛИ ДВА ПАРАМЕТРА СОЦИАЛЬНОГО ДОГОВОРА – ОБЕСПЕЧИЛИ БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНЕ И НАЧАЛИ БОРЬБУ С КОРРУПЦИЕЙ.

50 лет. Он приводит следующее определение, которое дали этой группе афганские эксперты: «Для нового поколения политиков характерны именно афганский патриотизм, афганский национализм, стремление мыслить общенациональными категориями, а не примитивными этноплеменными схемами. Да, они понимают ценность традиции и дорожат ею, но для них в первую очередь ценность имеет единое афганское государство».

К группе «новых афганцев» относили главу Совета национальной безопасности Хамидуллу Мохива (35 лет), министра внутренних дел и затем вице-премьера Амуруллу Салеха (таджик, 47 лет), министра обороны Асадуллу Халида (пуштун, 49 лет), генерал-полковника полиции Хушала Садата, главу Управления национальной безопасности Масуд Андараби и других [13].

Теперь с такой же проблемой могут столкнуться лидеры талибов, которым необходимо будет определиться с выбором: либо следовать исламской идеологии как источнику государственных институтов, либо не отрываться от корней и сохранять верность традиционным институтам пуштунских племен (прежде всего гильзаям, к которым принадлежат многие влиятельные талибы), а также пуштунскому национализму.

Продолжение международной изоляции и острая нехватка финансовых средств для развития страны могут породить еще одну проблему – способность талибов следовать тому социальному договору, который они предложили афганскому обществу в обмен на власть. Его параметры: безопасность, борьба с коррупцией и экономическое развитие. То, что талибы относительно легко вернули себе власть в августе 2021 года практически

во всех провинциях, можно объяснить готовностью большей части общества (за исключением модернизированных и урбанизированных афганцев) на заключение социального договора с ними.

К настоящему моменту талибы выполнили два параметра социального договора – обеспечили безопасность в стране и начали борьбу с коррупцией. Однако третий параметр в виде экономического развития остается нереализованным. Талибы пытаются его выполнить, призывая иностранных инвесторов вкладываться в месторождения полезных ископаемых и создавать рабочие места, а также говоря о своей готовности участвовать в проектах строительства газопровода ТАПИ и железной дороги Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар. Тем не менее пока все это остается лишь на уровне деклараций. Без международного признания большие инвестиции не придут, а для его получения необходимо будет выполнить требования мирового сообщества, одним из которых является создание подлинного инклюзивного правительства.

Именно в параметре «экономическое развитие» социального контракта содержится окно возможностей для оппонентов нынешнего руководства талибов, которые могут предложить населению свой социальный контракт. Круг потенциальных претендентов довольно широк, начиная от групп внутри «Талибана» (которые со временем, возможно, будут готовы провести ребрендинг движения), на время ушедших в тень, находящихся в оппозиции к талибам и представляющих национальные меньшинства и модернистские прозападные контрэлиты, и заканчивая террористическими организациями типа ИГИЛ–Хорасан. Пока талибов спасает международная гуманитарная помощь, которая оттягивает на себя проблемы значительной части нуждающегося населения. Но что будет, если она скратится? И это представляет собой судьбоносный вопрос для движения «Талибан».

ВЫВОДЫ

Подводя итог вышесказанному, хотел бы отметить, что проблема создания инклюзивного правительства остается одним из системообразующих факторов в стабилизации Афганистана и вывода его на траекторию развития. Расхождения между «Талибаном», с одной стороны, и мировым сообществом во главе с США – с другой, во взглядах на понимание феномена «инклюзивного правительства» и принципы его материализации пока представляются непреодолимыми, что служит потенциальным источником выхода Афганистана на новый виток нестабильности ввиду отсутствия у переходного правительства прочной экономической базы и перманентных источников дохода.

Использование силовых инструментов для поддержания талибами своей власти и извлечения ими финансовых ресурсов из внутренних источников может быть эффективным. Но только в краткосрочной перспективе, поскольку рано или поздно в условиях сохраняющегося недостатка ресур-

сов при ухудшении экономических и гуманитарных условий все больше будут давать о себе знать кризисные процессы по целому ряду направлений как внутри общества, так и в структурах самого «Талибана».

В этой связи вопросы выхода из изоляции и получения международного признания, вслед за которым могут прийти инвестиции (к примеру, в горнодобывающую отрасль), со временем будут становиться все более актуальными для выживания самого движения. При этом нужно отметить, что возможные попытки психологического давления на мировое сообщество в обмен на признание будут играть против самих талибов, поскольку могут ухудшить их международный имидж, который они пытаются в последнее время улучшить.

Таким образом, «Талибан» сегодня стоит перед развилкой: или выбрать стратегию ожидания того, что со временем все само собой сложится и мир признает легитимность их власти, или все же решиться на принятие международных правил игры и сформировать некое подобие инклюзивных политических институтов, одновременно отдавая себе отчет в том, что это повысит риски для сохранения консолидации внутри самого движения. По сути, это судьбоносный выбор, от которого будет во многом зависеть как будущее «Талибана», так и будущее Афганистана в системе региональных международных политических и экономических отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аджемоглу Дарон и Робинсон Джеймс. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: ACT, 2014. С. 1083.
2. Вахштайн, В. Postnauka. Теория фреймов. 2012 г. URL: <https://postnauka.ru/video/431> (дата обращения: 20.02.2022).
3. Кристина Голдбаум. The New York Times. Afghan Economy Nears Collapse as Pressure Builds to Ease U.S. Sanctions. 2021 г. URL: <https://www.nytimes.com/2021/11/27/world/asia/afghanistan-economy-collapse-sanctions.html> (дата обращения: 20.02.2022).
4. Afghanistan: Can the Taliban avert a food crisis without foreign aid? Deutsche Welle. 2021 г. URL: <https://www.dw.com/en/afghanistan-can-the-taliban-avert-a-food-crisis-without-foreign-aid/a-59790464> (дата обращения: 20.02.2022).
5. США разрешили ограниченные финансовые операции с талибами. РИА Новости. 2021 г. URL: <https://ria.ru/20210924/taliby-1751707760.html> (дата обращения: 20.02.2022).
6. Псаледакис Дафне и Лэндей Джонатан. Reuters. 2021 г. U.S. formalizes guidance allowing personal remittances to flow to Afghanistan. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/us-formalizes-guidance-allowing-personal-remittances-flow-afghanistan-2021-12-10/> (дата обращения: 20.02.2022).
7. США: талибы не выполнили условия для их признания. Afghanistan.ru. 2022 г. URL: <https://afghanistan.ru/doc/148124.html> (дата обращения: 20.02.2022).
8. FACT SHEET: Executive Order to Preserve Certain Afghanistan Central Bank Assets for the People of Afghanistan. The White House. 2022 г. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/02/11/fact-sheet-executive-order-to-preserve-certain-afghanistan-central-bank-assets-for-the-people-of-afghanistan/> (дата обращения: 20.02.2022).
9. Премьер-министр «Талибана» призвал исламский мир признать их правительство. Afghanistan.ru. 2022 г. URL: <https://afghanistan.ru/doc/147818.html> (дата обращения: 20.02.2022).
10. Дервиль Эммануэль. Le Figaro / International. Imran Khan: «Nous voulons que la reconnaissance du gouvernement taliban soit une démarche collective». 2022 г. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/imran-khan-nous-voulons-que-la-reconnaissance-du-gouvernement-taliban-soit-une-demarche-collective-20220214> (дата обращения: 20.02.2022).
11. Мадади Сайед. Middle East Institute. The dangers of empowering the Taliban. 2022 г. URL: <https://www.mei.edu/publications/dangers-empowering-taliban> (дата обращения: 20.02.2022).
12. Сафранчук И., Конаровский М., Мачитидзе Г., Чернов Д., Несмашный А., Жорнист В. Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределенность. М.: Московский институт международных отношений, 2022.
13. Серенко А. Новая газета. Кабул решил опереться на «новых афганцев». 2019 г. URL: https://www.ng.ru/world/2019-02-25/100_afgan250219.html (дата обращения: 20.02.2022).

ТАДЖИКИСТАН И АФГАНИСТАН:

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДО И ПОСЛЕ ПРИХОДА «ТАЛИБАНА» ВО ВЛАСТЬ

Шерали Ризоен

Независимый исследователь, кандидат политических наук. Эксперт по странам Центральной Азии.

В 2008 году окончил факультет политологии и международных отношений Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. В 2010–2019 годах работал в Центре стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан. Автор одной монографии и свыше 80 статей в таджикистанских и зарубежных научно-аналитических изданиях по проблемам внешней политики и безопасности.

Email: sherali.rizoyon@gmail.com

Махмуд Гиёсов

Независимый исследователь, эксперт по Афганистану и странам Ближнего Востока. В 2004 году закончил магистратуру по специальности «международные отношения» Университета Тегерана. Автор свыше 30 статей в таджикистанских и зарубежных научно-аналитических изданиях по проблемам безопасности, внешней политики и ситуации в мусульманских странах.

Email: pamirmg@yahoo.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена политике Таджикистана в отношении Афганистана в современных условиях. Раскрываются понимание ситуации в Афганистане в общественном дискурсе Таджикистана, особенности политики официального Душанбе в отношении южного соседа. Рассматривается опыт приема афганских беженцев в Таджикистане. Определяются «красные линии» во внешнеполитической стратегии Таджикистана в отношении Афганистана и приводится оценка взаимных приоритетов обеих стран в современных условиях. На основе текущей повестки в Центральной Азии приведены заключительные выводы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Таджикистан, Афганистан, Центральная Азия, внешняя политика, безопасность, «Талибан», гуманитарная катастрофа.

ВВЕДЕНИЕ

Тематика таджикско-афганских взаимоотношений является предметом скрупулезного исследования таджикистанских ученых, экспертов и дипломатов. Последние годы из-за трансформации ситуации в Афганистане было опубликовано множество книг и экспертных статей. Многогранность проблематики Афганистана притягивает внимание таджикистанских исследователей, и существует солидный объем работ по этому направлению. По предмету нашего исследования следует отметить работы К. Исакандарова [1; 2; 3 и 4], Дж. Латифова [5], Т. Н. Назарова [6], А. Сатторзода [7], Х. Зарифи [8], С. М. Аслова [9], А. Рахнамо [10], Ф. Б. Умарова [11], С. М. Ворисова [12] и других. В работах этих авторов рассматриваются различные аспекты двустороннего и многостороннего взаимодействия Таджикистана и Афганистана, проблем безопасности, степень вызовов и угроз странам Центральной Азии, в том числе Таджикистану, и т. д. До и после событий 15 августа 2021 года был опубликован ряд экспертных работ, которые охватывают различные стороны возможного и потенциального взаимодействия Таджикистана с нынешними правителями Афганистана.

Метод исследования. В статье используются сравнительный исторический и ретроспективные методы исследования, моделирования и систематизация реальных и потенциальных угроз и вызовов, применен контент-анализ и ситуативный анализ, что вкупе основывается на анализе внешней политики в условиях неопределенности и быстрого изменения geopolитической ситуации.

О СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ: ВЗГЛЯД ИЗ ДУШАНБЕ

Для внешней политики Таджикистана разворот событий в Афганистане в 2021 году стал большим потрясением и вызовом. Наступательная весенне-летняя кампания «Талибана» (вопреки отдельным пунктам мирного договора подписанная в Дохе между США и «Талибаном» [см.: 13; 14 и 15]) и впоследствии силовой захват верховной власти Кабула; или «подарок/передача» власти в Афганистане заинтересованными державами «Талибану» и роль Ашрафа Гани и его ближайшего соратника, советника по национальной безопасности Хамдулла Мухиба, существенным образом изменили понимание, форму и подходы к обеспечению безопасности в соседних странах и регионах. Нынешнее положение дел на постсоветском пространстве в связи с событиями в Украине и возможность начала кровавой гражданской войны в Афганистане все больше актуализируют необходимость укрепления собственного потенциала во всех сферах для обеспечения национальной безопасности Таджикистана.

К нынешнему развитию событий в Афганистане в Душанбе готовились давно. Президент Таджикистана Эмомали Раҳмон неоднократно подчеркивал, что «нужно быть готовым ко всем вариантам развития ситуации» [16, с. 96].

Серьезные меры официальный Душанбе начал принимать с 2020 года. Так, на фоне активизации «Талибана» и аффилированных с ним террористических организаций, в которых представлены боевики центральноазиатского происхождения из северных провинций Афганистана, в июне 2020 года в Душанбе прошло заседание Совета безопасности Республики Таджикистан [17]. Основной темой обсуждения стало обострение ситуации на границе с Афганистаном. Тогда наряду с другими мерами Президент Таджикистана дал правительству страны поручения по предотвращению терроризма, экстремизма и незаконного оборота наркотиков. Особое внимание было уделено укреплению обороноспособности, усилинию защиты госграницы, повышению уровня боеготовности войсковых частей и т. д.

Сегодня очевидно, что фактор «Талибана» будет и далее влиять на политику и действия Душанбе в системе отношений с зарубежными партнерами. Непризнание движения «Талибан» и его власти в Кабуле со стороны официального Душанбе в первую очередь основано на собственном опыте гражданской войны, в которой одной из сторон конфликта выступал «политический» ислам. Поэтому факторы неясности ситуации в Афганистане, кризиса легитимности «Талибана» – как внешней, так и внутренней, – опыта провальной и конфликтогенерирующей политики, проводимой в течение восьми месяцев пребывания «Талибана» у власти, и усугубления общей социально-политической обстановки, и возможное начало локальных боевых действий с наступлением весны 2022 года со стороны политических оппонентов, – все больше будут влиять на внешнеполитические инициативы Таджикистана.

Общая военно-политическая обстановка Афганистана может сильно ухудшиться из-за внешних и внутренних факторов. К внешнему фактору можно отнести очередной виток геополитической борьбы в этой стране, что делает Афганистан местом столкновения интересов и стратегий крупных глобальных и региональных держав. Возможно, мы будем свидетелями опосредованного влияния ситуации вокруг Украины на афганскую повестку, где вовлеченные и противоборствующие стороны начнут конкурировать между собой. Уже сегодня звучат мнения, что, поскольку кризис вокруг Украины будет долгосрочным, заметно ослабнет внимание крупных держав к проблемам Афганистана. В реальности фактор геополитического противостояния в мире послужил тому, что Россия и Китай после Третьей встречи глав МИД стран – соседей Афганистана в конце марта 2022 года в китайском Тунси дали аккредитацию и признали руководство афганских посольств в лице дипломатов «Талибана» в Москве и Пекине. Мы стали свидетелями «положительного» влияния кризиса в Украине для «Талибана». Внутриполитический кризис в Пакистане с возможным уходом премьер-министра Имран Хана в отставку делает неопределенной общую ситуацию как для «Талибана», так и вокруг Афганистана. В целом этот прецедент открывает возможность для вовлеченных региональных держав влиять на протекающие процессы в Афганистане, и тогда невозможно предположить, как будут развиваться события далее.

Внутренний фактор состоит из целого букета проблем (без учета нынешнего острого социально-экономического кризиса) для «Талибана».

Продолжение вооруженной борьбы против сил «Талибана» со стороны бойцов Фронта национального сопротивления Афганистана (далее – ФНСА). В пространстве соцсетей ежедневно публикуются материалы о боевых операциях ФНСА против боевиков «Талибана», в результате чего последние погибают, получают ранения и попадают в плен [18].

Ожидаемый конфликт внутри «Талибана» – среди ключевых кланов для усиления влияния на власть. В сентябре 2021 года СМИ сообщили о внутренних трениях между различными группировками «Талибана». Так, в январе 2022 года в городе Маймана, административном центре провинции Фаръяб, прошли митинги протеста, вызванные арестами местных авторитетов [19]. «Талибан» не урегулировал эту ситуацию, предпочтя законсервировать конфликт, между тем подобные инциденты могут произойти в любой другой провинции. Можно предположить, что местные лидеры могут объявить себя свободными от нынешней власти Кабула, точно так же, как это было сделано в июле – августе 2021 года, когда местные влиятельные лица передали «Талибану» центры афганских провинций.

Появление и активизация организаций и движений с салафитской и тахрировской идеологией, с различными названиями и спонсорами, которые в ближайшем будущем будут влиять на общую обстановку этой страны. «Талибан» смог официально подчинить себе Хизб-ут-такхир, салафитские группы (они дали байат «Талибану»), в реальности между ними существуют большие идеологические разногласия, и эти организации, как бы того ни хотели их руководители, так и не получили представительства в органах власти.

Фактор движения «Исламское государство» (ИГ) в талибанском Афганистане – сегодня они наращивают свое присутствие в отдельных провинциях Афганистана и, возможно, уже весной 2022 года начнут боевые действия и покажут свой реальный потенциал.

Различные гражданские организации и движения (особенно женские и молодежные), которые за 20 лет республики почувствовали вкус свободы и демократии. Они сегодня больше всех доставляют головную боль Правительству Афганистана, сформированному из числа сторонников «Талибана».

Рост числа вооруженных антиталибских групп в Афганистане, неуклонно увеличивающихся. Сегодня уже объявили о своем существовании такие новые группы, как «Высший совет национального сопротивления Афганистана», «Фронт за свободу Афганистана», «Национальное исламское движение Афганистана» и другие [см.: 20 и 21]. В условиях полной узурпации власти «Талибаном» они начали вооруженную борьбу против него.

С учетом всего перечисленного существует большая вероятность того, что территория Афганистана из-за наличия благоприятной среды – хрупкой стабильности и безопасности, схожими экстремистскими идеологиями «Талибана» и других движений и групп, наличия внешних заинтересованных

стран, активизации международной организованной преступности (особенно в сфере производства и сбыта наркотических веществ, драгоценных металлов и камней) – будет использована для наращивания террористической деятельности, что представляет особую опасность для стран Центральноазиатского региона (ЦАР). «Талибан» недавно запретил выращивание мака и производство всех видов наркотических средств на территории Афганистана. Вероятно, «Талибан» преследует две цели: их мера уже привела к росту цен наркотических средств на мировых рынках, и они возьмут под свой полный контроль весь процесс производства наркотиков.

Очевидно, что при таком развитии событий ЦАР столкнется как с экспортом радикальной идеологии и вербовкой неустойчивых и радикализированных граждан, так и с высоким уровнем наркотрафика через так называемый «Северный маршрут». Опыт исследования вопроса показывает, что, если в странах ЦАР не будет уделено пристальное внимание проблемам (коррупции, безработице, удовлетворению минимальных социальных потребностей, фактору доверия политической системе и признанию политической легитимности), возможен вариант страшнее террористических акций ИГ в 2013–2016 годах, что приведет к вливанию части гражданского населения региона в состав экстремистских групп, находящихся в Афганистане.

«АФГАНСКИЙ ФАКТОР» В ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ТАДЖИКИСТАНА

Анализ информационного пространства и социальных сетей показывает, что в Таджикистане с лета 2021 года широкие слои населения начали уделять пристальное внимание событиям в Афганистане. Традиционно афганская повестка всегда присутствовала в медиапространстве Таджикистана, но обсуждалась лишь в кругу экспертов-исследователей и творческой интеллигенции (поэты, писатели, журналисты). События лета 2021 года в Афганистане привлекли внимание широких социальных групп, поскольку фактор «Талибана» начал восприниматься как антитаджикское явление, угрожающее прежде всего персидскоязычному населению Афганистана.

Начали разрушаться устойчивые стереотипы в массовом сознании о том, что по ту сторону реки Пяндж/Амударьи (в таджикском дискурсе укрепилось понимание того, что по обе стороны реки проживает один и тот же народ) проживают не афганцы, а именно таджики. В таджикском обществе стали больше писать об этом и обсуждать эту тему через призму того, что сородичам угрожает большая опасность, звучали призывы к общенациональной солидарности. Сформировался устойчивый общественный запрос на поддержку таджиков по ту сторону Пянджа/Амударьи. Пользователи соцсетей ежеминутно публиковали посты об изменении военно-политической обстановки в Афганистане, не спали ночами, делились друг с другом новостями из этой страны.

В медиапространстве Таджикистана ключевым лицом, олицетворяющим дух сопротивления «талибскому Средневековью», представляется Ахмад

Масуд – лидер ФНСА, сын легендарного полководца, национального героя Афганистана Ахмад Шах Масуда. Его личность, интеллектуальные способности, политические взгляды привлекли внимание граждан Таджикистана. Между тем до событий августа – сентября 2021 года многие в Таджикистане вообще ничего не знали об Ахмад Масуде.

Другим существенным явлением, проявившимся в общественной жизни Таджикистана после событий августа 2021 года, стало увеличение численности подписчиков из числа таджикских пользователей у аккаунтов и страниц общественных и политических деятелей Афганистана в соцсетях и YouTube-каналах. Война в Панджшере и граничащих с ним регионах многократно увеличила интерес граждан Таджикистана к событиям этой страны. Захват главной дороги и административных центров провинции Панджшер 5 сентября 2021 года силами «Талибана» при поддержке их иностранных патронов [см.: 22 и 23] был воспринят таджиками как национальная трагедия.

Это отличает Таджикистан от других государств Центральной Азии, и обусловлено это целым рядом причин. **Во-первых**, Афганистан и Таджикистан являются исторически близкими и родственными странами настолько, что их невозможно разделить. Таджики составляют 46% населения Афганистана [24]. Обе страны имеют единую культуру и историю. В обеих странах большая часть населения говорит на фарси. Фарси является языком межнационального общения для народов Таджикистана и этносов Афганистана – для всех хазарейцев фарси также является родным языком [25]. А именно хазарейцы Афганистана входят в противоречие на основе этничности, языка и конфессии с этноцентричным пуштунским «Талибаном».

В целом таджики Афганистана являются автохтонным населением, политически и экономически активной группой. До захвата власти «Талибаном» они были представлены во всех сферах жизни этой страны, составляли значительную часть национальной, военной, административной, интеллектуальной и творческой элиты.

Во-вторых, за годы независимости Таджикистана были восстановлены межобщественные отношения. В отличие от других народов Центральной Азии таджики понимают многих уроженцев Афганистана без перевода. Многие граждане Таджикистана смотрели и смотрят телеканалы Афганистана (ключевые медиа этой страны создавали и создают контент на персидском языке) и вовлечены в пространство социальных сетей этой страны. Существует тесная связь между творческой и интеллектуальной элитой обеих стран.

В-третьих, интерес к событиям в Афганистане в обществе Таджикистана не имеет конъюнктурной специфики, то есть проявляется не в период кризисных ситуаций, наоборот, все происходящее в этой стране постоянно освещается национальными СМИ и обсуждается в пространстве таджикистанского сегмента соцсетей. В целом ситуация в Афганистане – объект постоянного внимания государственных и общественных деятелей, интеллигенции, экспертов и простого населения.

События в Афганистане в августе – сентябре 2021 года также выявили группу (весьма малочисленную, но оттого не менее опасную) пользователей соцсетей таджикского происхождения, которые открыто поддержали «Талибан» и действия этого движения. Особенно это ярко выражалось в заявлении тезисе: «Талибан» освободил Афганистан от иностранного присутствия и победил США. С этими пользователями проходили частые и весьма острый дискуссии, и они не могли привести никаких других аргументов, подтверждающих свою правоту, кроме аутентичных радикальных взглядов с «Талибаном» и им подобным группам. Очевидно, что опыт и идеология «Талибана» в среднесрочной перспективе создадут ряд трудностей и реальных вызовов для государств Центральной Азии.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ТАДЖИКИСТАНА В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА

В действующей Концепции внешней политики Таджикистана отмечено, что официальный Душанбе «является сторонником скорейшего восстановления прочного мира в Исламской Республике Афганистан и считает, что спокойствие, безопасность и политическая стабильность этой соседней страны отвечают его национальным интересам» [26]. Далее подчеркнуто, что взаимовыгодное сотрудничество с Афганистаном основано «на исторических, языковых и культурных общностях двух народов» [26]. Такая формулировка не встречается в отношении других государств в описании ожиданий от сотрудничества и определения национальных интересов Таджикистана.

Изменение ситуации в Афганистане актуализировало вопрос принятия Концепции внешней политики в новой редакции. Очевидно, что в новом тексте Концепции вектор Афганистана в качестве приоритета внешней политики будет сохранен и даже расширен, поскольку сегодня он приобретает особую значимость в деле обеспечения национальной безопасности Таджикистана, в том числе с учетом январских событий в Казахстане, и в целом для региональной безопасности и стабильности в Центральной Азии.

Позиция Таджикистана в отношении «Талибана» остается последовательной и не менялась с 1996 года. Таджикистан никогда не признавал их власть, и наше политическое руководство неоднократно выступало с инициативами, что террористическая организация, превратившая население Афганистана в жертву обстоятельств, может сформировать серьезные угрозы и потенциальные вызовы для всего международного сообщества. В конце 90-х годов прошлого века Эмомали Рахмон предлагал для координации совместных мер для борьбы с терроризмом сформировать Пояс безопасности вокруг границ Афганистана. После известных событий сентября 2001 года в Нью-Йорке в Афганистане начали глобальную антитеррористическую кампанию. До сих пор предложение Таджикистана о необходимости формирования Пояса безопасности вокруг Афганистана имеет актуальный характер, и в январе 2022 года в ходе внеочередного саммита ОДКБ Президент Таджи-

кистана еще раз указал на необходимость минимизации потенциальных и реальных угроз, исходящих от талибанского Афганистана.

Раскрывая особенности политики Таджикистана в отношении Афганистана, с учетом нынешней ситуации, важно отметить следующее.

Во-первых, невзирая на все события и обстоятельства, Таджикистан с момента установления дипломатических отношений последовательно поддерживал центральную легитимную власть Афганистана, что отличает опыт Душанбе от всех других соседей Кабула.

Во-вторых, Таджикистан сегодня является единственным соседом Афганистана, который не проводил официальные переговоры с «Талибаном» и не приглашал его лидеров в страну в страну (исключением является пролонгация соглашения о покупке электроэнергии с представителями Da Afghanistan Breshna Sherkat (DABS) в Ташкенте в декабре 2021 года [27]), а последовательно на протяжении более 25 лет придерживался подхода, в том числе в период первого правления «Талибана» (1996–2001 гг.), что сотрудничать нужно только с центральным и легитимным правительством.

В-третьих, Таджикистан начиная с августа 2021 года и по сей день приложил немало усилий, чтобы привлечь внимание международных лидеров и общественности к масштабному гуманитарному кризису в Афганистане.

После известных событий 15 августа в Кабуле состоялись телефонные переговоры Президента Таджикистана с главами государств России, Узбекистана, Казахстана, в которых обсуждались новая военно-политическая обстановка в Афганистане и ее влияние на Центральную Азию.

Подход к пониманию афганского кризиса и ожидания Душанбе от новых властей Кабула Президент Таджикистана выразил 25 августа 2021 года во время встречи с министром иностранных дел Пакистана Курайши [24]. Тогда было отмечено, что для срочного решения проблем в сфере политики и безопасности необходимо скорейшее создание инклюзивного правительства в Афганистане с участием представителей всех этнических групп, прежде всего таджиков, которые составляют около 46% населения Афганистана (примечательно, что Президент России Владимир Путин в ходе участия в пленарном заседании МДК «Валдай» обозначил именно эту цифру), и Душанбе не будет признавать правительство, которое будет сформировано только «Талибаном». Эти заявления главы Таджикистана тогда и сегодня существенным образом отличают политику Душанбе от других стран региона, которые проявляют готовность к установлению двусторонних отношений и расширению контактов с правительством «Талибана» в Афганистане.

В сентябре 2021 года в ходе саммитов ШОС и ОДКБ в Душанбе афганская повестка была одной из ключевых тем. Впервые было проведено совместное заседание ШОС и ОДКБ по обсуждению ситуации в Афганистане. В конце сентября состоялся визит Эмомали Рахмона в Брюссель и Париж, где он встретился с высокопоставленными чиновниками ЕС и Президентом Эммануилом Макроном, и одной из ключевых тем также была афганская проблематика.

Для Таджикистана с первых дней независимости в сотрудничестве с Афганистаном этнический фактор не был превалирующим моментом. Душанбе в своей политике последовательно расширял взаимоотношения с легитимным центральным правительством этой страны. Заявления политического руководства Таджикистана по ситуации в Афганистане направлены на обеспечение интересов всех этнических групп многонационального Афганистана. Позиция Таджикистана обусловлена тем, что при таком положении этнические группы Афганистана будут ущемлены, и в их отношении власть будет проводить репрессии. В этой ситуации гуманитарная катастрофа в Афганистане будет еще масштабнее.

Что касается самого «Талибана», то это по сути пуштуноцентричное движение; другие народы представлены в рядах его руководства в качестве экзотических фигур и не обладают возможностью оказания хоть сколько-нибудь значимого влияния на внутреннюю и внешнюю политику Афганистана. Таджикские талибы (имеются в виду граждане Афганистана) в большей степени представлены во властных структурах северных, центральных и западных провинций Афганистана. На данный момент Кори Динмухаммад Ханиф возглавляет Министерство экономики, Кори Фасехуддин – командующий штабом армии «Талибана» [28] и Мавлави Амануддин Мансур назначен на должность главнокомандующего BBC «Талибана» [29]. Примечательно, что все они – выходцы из провинции Бадахшан. Хаджи Нуриддин Азизи возглавляет Министерство торговли «Талибана» (родом из Панджшера) [30]. Все выше-перечисленные персоны изначально сотрудничали с «Талибаном». Например, Кори Динмухаммад Ханиф имел министерский портфель при первом правлении талибов в 1996–2001 годах. Независимо от этого, степень влияния непуштунской элиты в определении политики всего движения очень ограничена, и все перечисленные политики – этнические таджики – обязаны своим положением бывшим и нынешним лидерам «Талибана» и используются как инструмент осуществления сегодняшней политики властей Кабула.

Таким образом, Таджикистан признает ту власть, которая будет сформирована с участием всех граждан Афганистана по их волеизъявлению и без нынешнего доминирования «Талибана». Данная позиция была еще раз высказана в ходе пресс-конференции МИД Таджикистана 2 февраля 2022 года, где министр иностранных дел Таджикской Республики Сироджиддин Мухридин отметил, что Душанбе не признает власть «Талибана» и будет последовательно требовать формирования реального инклюзивного правительства, уважения прав и свобод всех граждан, за что выступает все мировое сообщество.

Обеспокоенность Таджикистана в связи с событиями в Афганистане и непризнание власти «Талибана» вызвано следующими факторами.

Во-первых, за весь период независимости государства Центральной Азии на двустороннем и многостороннем уровнях обозначали противодействие международному терроризму как фактор обеспечения региональной безопасности. На фоне январских событий в Казахстане вопрос противо-

действия экстремизму и терроризму приобретает важнейшее значение. Так, Эмомали Раҳмон в своем выступлении в честь годовщины образования Вооруженных сил Таджикистана отметил: «Ужасающие террористические акты, происходящие в мирных странах, показывают, что любое государство, независимо от его уровня развития и потенциала, за короткий срок может стать уязвимым под давлением террористических и экстремистских организаций» [31]. Таким образом, опасения Таджикистана, вызванные политикой движения «Талибан», имеют как страновую, так и региональную обусловленность.

Во-вторых, практика «Талибана», то есть силовой захват власти и формирование исламского эмирата, может активизировать маргинально настроенные элементы, которые захотят повторить подобное в своих странах, в том числе в государствах Центральной Азии. Прецедент «Талибана» существенным образом меняет систему обеспечения безопасности в ЦАР, так как возможен переход вызовов и угроз от потенциального характера к реальному.

В-третьих, Таджикистан имеет вторую по протяженности (после Пакистана) границу с Афганистаном, и сегодня северные провинции этой страны полностью контролируются «Талибаном». Иностранные боевики, в том числе центральноазиатского происхождения (ИДУ, «Джамаат Ансоруллох» и другие), имеют большое влияние в этих регионах и выступают от имени «Талибана». Недавний опыт показал, что боевики в первую очередь угрожают своим странам (например, руководители ИДУ и «Ансоруллох» после подписания мирного соглашения в Дохе поздравили «Талибан» с «победой» над США и их союзниками. Наравне с этим они пригрозили властям своих стран «повторить успех «Талибана» в скором времени») [32]. То, что иностранные боевики в Афганистане находятся под защитой «Талибана», является аксиомой. Нельзя верить заявлениям «Талибана» о том, что контролируемая ими территория не будет использована против других государств. Их действия показывают обратное, поскольку иностранные боевики, в том числе центральноазиатского происхождения, использовались в наступательных кампаниях. Сегодня «Талибан» выдает им паспорта граждан Афганистана, всячески поддерживает, и практически все иностранные боевики находятся под опекой талибов [33], чтобы можно было в любой момент использовать их потенциал и боевой опыт.

В Таджикистане готовы к любому повороту событий в Афганистане. За 20 лет в нашей стране реализован ряд мер для укрепления границ в южном направлении. В течение долгих лет пограничники Таджикистана пресекают незаконные нарушения границы, но после 2009 года, с появлением иностранных боевиков в северных провинциях Афганистана, ситуация начала меняться, и в Таджикистане уделяют большое внимание этому вопросу. Сегодня физическое проникновение иностранных боевиков можно оценить как маловероятное, поскольку:

– Они все, как и «Талибан» в целом, внешне зависимые, то есть поддерживаются региональными игроками и без их соответствующего разрешения вряд ли осмелятся пойти на такой шаг.

– Немногочисленность боевиков, тем более что многие из них обзавелись семьями.

– Их идеи и религиозные убеждения, равно как и религиозная практика, являются непопулярными для широких групп населения, поскольку граждане Таджикистана уже привыкли жить в светской системе и в свободном обществе.

– Вооруженные силы Таджикистана имеют достаточный потенциал для отражения угроз с южного направления.

Несмотря на вышесказанное, возможность распространения идеологии террористических групп и риск рекрутинга граждан региона остаются стабильно высокими. На этом фоне позиция официального Душанбе исходит из реального понимания обстановки и оценки существующих вызовов и угроз, а также ясного толкования национальных интересов и приоритетов Таджикистана в сфере обеспечения безопасности.

Невзирая на политику невосприятия «Талибана», Таджикистан поддерживает усилия международного сообщества по оказанию и увеличению объемов гуманитарной помощи населению Афганистана. Политическое руководство Таджикистана неоднократно заявляло о готовности оказать содействие в ее предоставлении посредством своей территории и использовать возможности шести мостов через реку Пяндж/Амударья.

АФГАНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Анализ материалов медиапространства показывает, что Таджикистан обладает уникальным опытом по приему беженцев из Афганистана в Центральноазиатском регионе. Официальный Душанбе является первой страной в регионе, которая подписала и ратифицировала Женевскую конвенцию 1951 года по защите прав беженцев и абсолютным рекордсменом по приему беженцев из Афганистана [34]. Анализ материалов медиапространства показывает, что в Таджикистане термин «беженец» в большей степени отождествляется только с выходцами из Афганистана, поскольку в течение последних 20 лет они составили более 98% поступающих в страну беженцев. Анализ доступных материалов СМИ показал, что число беженцев из Афганистана в Таджикистане в 2006 году составляло около 1,5 тысячи человек [35], в другие годы их численность не превышала 4 тысяч человек, а в октябре 2021 года их стало более 15 тысяч [36].

Политика Таджикистана в отношении беженцев заслужила позитивных оценок как со стороны представителей ООН, так и независимых экспертов-исследователей из Афганистана. Экс-глава офиса UNHCR в Таджикистане Илья Тодорович в июне 2008 года отметил: «Таджикистан является одной из самых передовых стран, успешно решивших проблему своих беженцев» [37]. Афганский эксперт по международным отношениям Таквоуллах Такво в своей статье отмечает, что его соотечественники живут и работают в Таджикистане и имеют те же права и льготы по получению образования в учреждениях страны наравне с таджикскими гражданами [37].

Опыт принятия беженцев из Афганистана показывает, что Таджикистан в трудное для жителей этой страны время всегда оказывал помощь и поддержку, исходя из своих возможностей. Многие афганские беженцы использовали территорию Таджикистана в качестве транзита для переезда в другие страны, в основном в Канаду. Этот аспект гуманного отношения к гражданам Афганистана, которые вынуждены покинуть свою страну, актуализирует подход к политике Таджикистана по соблюдению прав и свобод всех граждан независимо от их этнического и религиозного происхождения.

«КРАСНЫЕ ЛИНИИ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТАДЖИКИСТАНА

Афганистан на протяжении более 40 лет находится в глубоком внутреннем кризисе и за этот период стал объектом интервенций двух крупных держав. Эти и многие другие факторы способствовали тому, что у соседних и у других региональных и глобальных держав сформировались устойчивые «красные линии». Официальный Душанбе выстраивает и осуществляет свою политику в отношении Афганистана на основе национальных интересов и приоритетов обеспечения безопасности. Таджикский политолог А. Рахнамо в своей книге «Афганистан и Центральная Азия: специфика и перспективы взаимовлияния», опубликованной в 2015 году на таджикском языке, определил семь «красных линий» для внешней политики Таджикистана.

1. Столкновение интересов Запада и России.
2. Конкуренция Индии и Пакистана.
3. Противоречия между США и Ираном.
4. Политические трения между Таджикистаном и Узбекистаном.
5. Архисложность межэтнических отношений в Афганистане.
6. Проблема отношения к экстремизму.
7. Чувствительность между двумя пониманиями догматов религии [10, 164–180].

С течением времени и с изменением обстановки в Центральной Азии (падение правительства Гани и второе возвращение «Талибана» на политический олимп Кабула) некоторые «красные линии» для внешней политики Таджикистана трансформировались, другие – потеряли свою актуальность и сегодня требуют другой интерпретации.

1. Столкновение интересов России, Китая и Запада. С учетом турбулентности ситуации в Центральной Азии, которую мы наблюдаем начиная с октябрьских событий 2020 года в Кыргызстане и январских событий 2022 года в Казахстане, в регионе возросло влияние России. На фоне этих событий Москва смогла заметно укрепить свое военно-политическое положение в Центральной Азии. Сегодня трудно предугадать, как отразится кризис в Украине на политике России в Центральноазиатском регионе. Государства Центральной Азии в отношении сторон конфликта придерживаются политики нейтралитета, не поддержат западные санкции в отношении России,

но будут соблюдать наложенные ограничения. Вероятность полноценной поддержки одной из сторон конфликта также считается маловероятной. Мотив всех стран основан на том, что они не могут рисковать своим благополучием и ограничивать собственную внешнюю политику. Китай все более усиливает свое влияние на экономическую и инвестиционную составляющую в ЦАР, и мы наблюдаем взаимодополнение мер между Москвой и Пекином. Украинский кризис предоставляет Китаю большие возможности нарастить свое влияние (в том числе в сфере военно-политического сотрудничества) в Центральной Азии. США остаются одним из важных игроков в Центральной Азии, хотя регион заметно дистанцировался от приоритетов этой страны. В условиях ранее объявленного вывода войск США из Афганистана в сентябре 2021 года в этой стране произошел перелом, и в августе власть захватил «Талибан». В информационном пространстве этот факт интерпретировали как «поражение» США в Афганистане, но несмотря на это американцы сохраняют свое влияние в этой стране. Очевидно, что США после подписания мирного соглашения в Дохе сознательно сформировали условия для передачи власти «Талибану». Неопределенность развития ситуации в Афганистане с наступлением весенне-летнего периода 2022 года усложняет военно-политическую обстановку, поскольку ключевые игроки афганского политического поля поменялись ролями.

Если эти три страны начнут конкурировать в Афганистане (предпосылки этого мы наблюдаем уже сегодня) или будут целиком заняты кризисом в Украине, то у Таджикистана с его принципиальной позицией в отношении «Талибана» появятся угрозы и вызовы совершенно другого характера (в обоих сценариях – разной специфики). Пекин настроен на расширение экономического присутствия в Афганистане и нацелен на разработку полезных ископаемых. Москву больше всего волнуют вопросы безопасности и возможность реабилитировать свое советское прошлое в этой стране с укреплением сотрудничества с «Талибаном». США, сохранив значительные рычаги воздействия на Кабул (в том числе фактор замороженных активов в размере \$10 млрд), могут использовать ситуацию для того, чтобы близ границ Китая и зоны интересов России создать нестабильную территорию, которая будет все больше вовлекать эти страны в длительный управляемый конфликт. Возможная конкуренция и столкновение интересов этих стран сделают афганский кризис неразрешимым и на неопределенное длительное время сохранят проблематичность для всей Центральной Азии, в том числе для Таджикистана.

2. Фактор «Талибана» для Таджикистана. Сегодня очевидно, что Душанбе уже не может игнорировать «Талибан», который неоднократно выступал с заявлениями и призывами о нормализации отношений со своим северным соседом. Для Таджикистана существует несколько линий (к сожалению, диагонально противоположного характера), которые диктуют взаимоисключающий выбор.

3. Во-первых, экономические интересы. Таджикистан в своей Национальной стратегии развития определил выход из транспортно-коммуни-

кационного тупика, превращение страны в транзитную зону, обеспечение энергетической независимости и превращение страны в экспортера электроэнергии. В обоих направлениях южный вектор играет ключевую роль, поскольку через территорию Афганистана проходит самый короткий морской путь к берегам теплых морей на порты Гвадар (Пакистан) или Чоба-хор (Иран); потенциал Ваханского коридора для соединения Таджикистана с Пакистаном актуален и высок. Этот коридор в период правления администрации Карзая и Гани был в зоне противоречий Кабула и Исламабада. Например, Карзай отмечал, что его правительство согласится на использование афганского перешейка только тогда, когда Пакистан прекратит вмешательство во внутренние дела его страны. И наконец, завершение строительства и эксплуатация ЛЭП CASA-1000, которая связывает энергосистемы Центральной и Южной Азии, невозможны без содействия нынешних властей Афганистана. Если «Талибан» утвердится в Кабуле, а он пришел надолго, тогда как быть с этими стратегическими целями?

4. **Во-вторых**, общественное мнение. Как было отмечено выше, с июня 2021 года значительно возрос интерес граждан Таджикистана к событиям, происходящим в Афганистане. Движение «Талибан» в общественном мнении Таджикистана в целом воспринимается как «антитаджикское» движение, по вине которого таджики Афганистана понесли невосполнимые и безвозвратные потери – убийства Ахмад Шаха Масуда, профессора Бурхониддина Раббани и других представителей военной, политической, интеллектуальной и творческой элиты, которые продолжались с 90-х годов XX века до нынешнего времени.

5. **В-третьих**, жизненный интерес в построении добрососедских отношений с Афганистаном. За весь период независимости Таджикистан не раз заявлял о важности укрепления тесных взаимоотношений с Афганистаном, поскольку с этой страной нас связывают общая история, культура и цивилизация. С учетом фактора «Талибана» этот вектор может остаться нереализованным и/или трансформироваться в угрозоформирующий.

6. Фактор обеспечения безопасности: противодействие экстремизму и терроризму.

7. Феномен ИГ в 2013–2016 годах заметно усложнил борьбу против экстремизма и терроризма в Центральной Азии в целом. Современный опыт Таджикистана по противодействию экстремизму и терроризму начал формироваться с 2014 года [38], но степень угроз и вызовов сохраняет свою актуальность. На этом фоне захват власти «Талибаном» – террористической организацией, находящейся в санкционных списках ООН и запрещенной во многих странах, – требует принятия безотлагательных мер. Можно смело предположить, что в сфере безопасности в краткосрочной перспективе появятся новые проблемы (к сожалению, нет опровергающих фактов). В первую очередь это будет связано с проникновением радикальных идей из Афганистана в Таджикистан и в другие страны Центральной Азии. Следует подчеркнуть, что ИДУ, «Ансоруллох», выходцы из других стран СНГ при

соглашательской позиции «Талибана» могут усилить вербовку граждан ЦАР и своих соотечественников (по сообщениям СМИ, это уже происходит, и «мягкая» пропаганда также наблюдается в пространстве соцсетей). Если «Талибан» закрепит свою власть в Афганистане, то эта страна превратится в центр притяжения радикально настроенных жителей из других стран, и угрозы для государств Центральной Азии будут нарастать. Поэтому странам региона, в том числе ключевым игрокам, нужно быть готовыми к любому сценарию развития событий в Афганистане. Нельзя уменьшать или недооценивать потенциал исходящих вызовов и угроз. В целом фактор обеспечения безопасности и уменьшение реальных террористических угроз из этой страны будут существенным образом влиять на характер и содержание отношений Таджикистана с южным соседом.

ОЦЕНКА ВЗАЙМНЫХ ПРИОРИТЕТОВ ТАДЖИКИСТАНА И АФГАНИСТАНА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

На фоне вышесказанного обрисовываются приоритеты и ожидания Таджикистана в отношении обстановки в Афганистане, что, безусловно, обусловлено постоянными интересами страны. В качестве ключевых приоритетов Таджикистана можно выделить следующие.

Во-первых, стабильная и безопасная страна (минимизация всех существующих сегодня угроз). **Во-вторых**, наличие неидеологизированного правительства. «Талибан», по сути, возрождает религиозную идеологию в качестве государственной. Мировой опыт показывает, что такие правительства всегда будут стремиться поддерживать себе подобные группы, что может привести к всплеску радикальной идеологии и псевдоисламских движений, которые используют религию как инструмент для достижения собственных целей. **В-третьих**, сокращение угроз, связанных с контрабандой оружия и наркотиков, которые выступают в качестве источников финансирования деятельности радикальных групп и организованной преступности. **В-четвертых**, дипломатическая поддержка таджиков и всех других персоязычных народов Афганистана. **В-пятых**, ослабление geopolитической конкуренции глобальных и региональных держав в Афганистане, что даст возможность для стабильного и мирного развития этой страны.

Естественные интересы Таджикистана в отношении Афганистана (на обоюдной основе) имеют неизменчивый характер и сформировались в условиях независимости на основе реального опыта взаимодействия. Захват власти «Талибаном», как уже было отмечено, делает туманными перспективы сотрудничества (с августа 2021 года фактически нет взаимоотношений), но они все же заслуживают короткого упоминания.

Во-первых, расширение торгово-экономического сотрудничества. Афганистан выступает важным направлением внешнеэкономических связей Таджикистана в южном направлении. Афганистан является как объектом, так и субъектом международной торговли, обладая транзитным потенциа-

лом, связывающим государства Южной Азии и Ближнего Востока. В этом ключе значимость Афганистана для Таджикистана имеет большее значение, чем Таджикистан для Афганистана, поскольку, имея границу и транспортную инфраструктуру с Узбекистаном и Туркменистаном, Кабул может развивать торгово-экономическое взаимодействие с севером.

Во-вторых, экспорт электроэнергии и соединение энергетических систем Центральной и Южной Азии. Таджикистан по существующим запасам экологически чистой электроэнергии занимает ведущее место в мире. Душанбе является крупным поставщиком электроэнергии в Кабул и продает свою продукцию по цене более низкой, чем соседи. Другим важным проектом является ЛЭП CASA-1000, что посредством Афганистана свяжет страны Центральной и Южной Азии. Пакистан и Индия (в перспективе) являются потенциальными покупателями электроэнергии Таджикистана, которая будет экспортироваться через ЛЭП. Поиск потенциальных рынков сбыта электроэнергии для Таджикистана является приоритетом. На этом фоне стабильный и дружественный Афганистан сулит нам огромные возможности.

Что касается интересов Афганистана в этой сфере, то, **во-первых**, любое правительство этой страны заинтересовано в покупке дешевой электроэнергии, поскольку потребности этой страны в электроэнергии остаются стабильно высокими. У Афганистана в среднесрочной перспективе нет возможности реализовать собственный энергетический потенциал, так как существуют более острые социально-экономические проблемы; **во-вторых**, у Таджикистана существуют собственные ЛЭП, связывающие север и восток страны через центральную часть; **в-третьих**, транзит электроэнергии предоставляет Афганистану возможность получать доход и иметь хоть какой-то инструмент воздействия на Пакистан и Индию; **в-четвертых**, Таджикистан может предоставить Афганистану услугу по подготовке национальных кадров в сфере энергетики, что немаловажно для реализации человеческого потенциала; **в-пятых**, диверсификация источников электроэнергии для Афганистана уменьшает зависимость от стран-экспортеров и предоставляет возможность маневра.

В-третьих, сотрудничество в сфере транспорта и расширения транзитного потенциала. Для Таджикистана важно расширение транзитного потенциала, и афганское направление открывает большие возможности для его реализации. Через территорию Афганистана можно выйти к морям, то есть портам Гвадар (Пакистан) или Чобахор (Иран). Оба эти направления имеют особую значимость для Таджикистана. Другим интересным проектом можно назвать использование Ваханского коридора, который разделяет Таджикистан и Пакистан. Строительство автомобильной дороги между Читралом (Пакистан) и Ишкашимом (Таджикистан) соединит дорожную инфраструктуру обеих стран и даст возможность как Таджикистану, так и другим странам Центральной Азии выйти в порт Гвадар. В Таджикистане заинтересованы в расширении взаимоотношений со странами Южной Азии, поскольку данное направление во многом способствует достижению по-

ставленных стратегических целей страны: выйти из коммуникационного тупика и превратиться в транзитную страну. В этом направлении Афганистан имеет особую значимость: сегодня построены шесть мостов над рекой Пяндже/Амударья, и, по сообщению министра транспорта Таджикистана [40], КПП «Нижний Пяндж – Шерхон-Бандар» по загруженности уступает только КПП «Фотехобод – Ойбек» (граница на севере с Узбекистаном).

В-четвертых, сотрудничество в сфере обеспечения безопасности. Данное направление является важнейшим компонентом и во многом предопределяет характер межгосударственных отношений. Политическое руководство Таджикистана на всех своих встречах в двустороннем и многостороннем форматах акцентирует свое внимание на ситуации в Афганистане и содействии мирового сообщества мирному урегулированию затяжного конфликта. К сожалению, сегодня с позиции Таджикистана сам «Талибан» выступает угрозоформирующим фактором. Как выше отмечено, верить талибам в обеспечение безопасности и минимизации угроз – значит назначить волка постухом для овец. Из-за взаимного недоверия сторон этот компонент сотрудничества будет полностью отсутствовать.

В-пятых, культурно-гуманитарное сотрудничество. Общность языка и культуры предопределяет основу для расширения сотрудничества в этой важной сфере. Но, поскольку при правлении «Талибана» заметно сужается сфера использования фарси, этот компонент также будет отсутствовать.

В целом перспективы взаимоотношений Таджикистана и Афганистана на фоне силового захвата власти «Талибаном» выглядят туманными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Позиция Таджикистана в отношении событий в Афганистане продиктована особенностями понимания собственных национальных интересов и существующих общественных запросов. Это отличие политики официального Душанбе от других стран Центральной Азии дает возможность оценить ситуацию с разных точек зрения и увидеть другую точку зрения на возможное развитие ситуации в краткосрочной перспективе.

Попытки позитивного отношения к «Талибану», которые наблюдаются сегодня в ЦАР, – это стремление отдельных региональных игроков выдать желаемое за действительное, но это не мешает видеть неопровергимые факты. А они заключаются в следующем: нынешнее политическое устройство Афганистана и его северных соседей, по сути, несовместимы. Существенные угрозы государствам Центральной Азии исходят и от практического опыта «Талибана», и от типа государственности, которую «Талибан» намеревается строить. Все пять республик Центральной Азии последовательно выстраивают светские национальные государства, а в Афганистане с приходом «Талибана» образовывается теократический религиозный режим с уклоном в традиции и обычая пуштунов. Идеологические расхождения на фундаментальной основе формируют вызовы и угрозы для стран Центральной Азии на долгосрочную перспективу.

Кризис легитимности сделал «Талибан» внешне гговорчивым, и наблюдение за восемь месяцев показывает, что его лидеры усвоили хороший урок от своего предыдущего пребывания у власти: подыгрывают всем исходя из ценностей и их предпочтений. Но на самом деле они не исполнили ни одного из взятых на себя обязательств. Заверения «Талибана» серьезно отличаются от практической деятельности этой правящей партии, но талибы научились давать такие обещания, которых от них хотят услышать. Нельзя забывать, что сегодня согласно внутреннему законодательству стран ЦАР движение «Талибан» является запрещенной террористической организацией и находится под санкциями СБ ООН.

Опыт администраций Карзая и Гани показывает, что странам Центральной Азии необходимо уделить особое внимание планированию и принятию комплексных мер для укрепления основ своей государственности и безопасности. Ключевым уроком событий Афганистана является то, что помочь со стороны внешних партнеров может иметь временный и ситуативный характер. В деле защиты и укрепления государственного устройства ни один внешний фактор не играет такой роли, как мотивация и заинтересованность собственных граждан. Поэтому необходимо учесть этот афганский опыт и понять, что сами страны Центральной Азии и их граждане больше всех заинтересованы в стабильности, безопасности и устойчивом развитии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Искандаров К. Таджикско-афганские отношения и перспективы их развития // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 1 (55). С. 145–156.
2. Искандаров К. Кто разыгрывает «афганскую карту»? / 23.05.2015. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20150523/kto-razygryvaet-afganskuuyu-kartu>.
3. Искандаров К. Афганский вопрос и безопасность региона Центральной Азии / 31.05.2016. URL: <https://cabar.asia/ru/kosimsho-iskandarov-afganskij-vopros-i-bezopasnost-regiona-tsentralnoj-azii>.
4. Искандаров К. Афганистан в период правительства национального единства: политические процессы и проблемы безопасности. Душанбе: Дониш, 2021.
5. Латифов Дж. Таджикско-афганские отношения в 1987–1995 годы. Душанбе, 1995. 256 с.
6. Назаров Т. Н., Сатторзода А. Дипломатия муосири тоҷик [Современная таджикская дипломатия]. Душанбе: Ирфон, 2006. 224 с.
7. Сатторзода А. Актуальные проблемы внешней политики Таджикистана (многовекторность в действии). Душанбе, 2014. 520 с.
8. Зарифи Х. Многовекторная дипломатия Таджикистана (статьи, интервью, выступления, хроника визитов и встреч). Душанбе: Офсет, 2009. 352 с.
9. Аслов С. Внешнеполитическая стратегия Республики Таджикистан в контексте сценариев развития событий после 2014 года // Внешняя

- политика (Издание МИД РТ). 2014. № 1. С. 3–12.
10. Рахнамо А. Афғонистон ва Осиёи Марказӣ: хусусиятҳо ва дурнамои таъсирпазӣ [Афғанистон и Центральная Азия: специфика и перспективы взаимовлияния]. Душанбе: Ирфон, 2015. 398 с.
11. Умаров Ф. Б. Республика Таджикистан и мусульманский мир: особенности сотрудничества. Душанбе: Ирфон, 2011. 184 с.
12. Ворисов С. М. Дурнамои муносаботи кишварҳои Осиёи Миёна бо ҳукумати ояндаи Афғонистон бо шитироки «Талибан» [Перспективы отношений между государствами Центральной Азии с будущим афганским правительством с участием «Талибана】] // Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддина НАНТ. 2020. № 3. С. 140–145.
13. قفاوت :ىاکىرم ا تام اقم فارتتع ا رد شترا و تلود ىشأپورف لىلىد هجود [Признание американского органа: соглашение в Дохе было фактом распада правительства и армии Афганистана] / 30.09.2021. URL: <https://8am.af/us-officials-admit-the-doha-agreement-was-the-reason-for-the-collapse-of-the-government-and-the-army-in-afghanistan>.
14. و اکىرم آ هم انقفاوت ئاوت حم رايرهش اىن؟ ئىنسىچ ن ابل اط شахриёр. Каково содержание соглашения между США и «Талибаном»? / 29.02.2020. URL: <https://www.bbc.com/persian/51677036>.
15. لابق رد اکىرم آ هن اگود تسايس اىلم اک.ن.اتسن اغفا تلود و ن ابل اط [Комилий Инициоби-фард. Двойные стандарты США в отношении «Талибана» и Правительства Афганистана] / 26.06.2021. URL: <https://www.independentpersian.com/node/164846>.
16. Гиесов М. Появление ИГИЛ в Афганистане и его влияние на безопасность Центральной Азии // Стратегия: специальный выпуск. 2015. С. 90–96.
17. Заседание Совета безопасности Республики Таджикистан / 21.07.2020. URL: <http://president.tj/ru/node/23433>.
- هدن ام رف :ىلم تم واقم ههنج ن ابل اط ؛دش هتشک رىشچنپ رد ن ابل اط ناسا ىكوبسىف تاخىلى بت [Фронт национального сопротивления: в Панджшере был убит командир «Талибана»; «Талибан»: Facebook-пропаганда] / 23.02.2022. URL: <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-60492654>.
- رابتکىبزوا هدن ام رف تشدازاب بایراف رد ن ارابتکىبزوا ئان ابل اط [Задержание узбекских командиров «Талибана»: узбеки в Фаръябе организовали митинг] / 13.01.2022. URL: <https://8am.af/arrest-of-uzbek-taliban-commander-uzbecks-demonstrate-in-faryab/>.
- رد ن ابل اط دن رگىد ئم اظن ههنج رىد درك تىدوجوم مالع ا ن اتسن اغفا [Еще один военный фронт против «Талибана» в Афганистане объявил о своей деятельности] / 14.02.2022. URL: <https://www.afintl.com/202202040066>.
- ىروهمج ىلم تم واقم ىل اع ئاروش تىدوجوم مالع ا ن اتسن اغفا ئم الس ا [Высший совет национального сопротивления Афганистана объявил о своей деятельности] / 22.10.2021. URL: <https://8am.af/the-supreme-council-of-national-resistance-of-the-islamic-republic-of-afghanistan-declared-its-existence-for-negotiations-and-war-with-the-taliban/>.
22. Tuqa Khalid. Pakistan gave military aid to Taliban in fight against Panjshir resistance: Report Al Arabiya English / 07.09.2021. URL: <https://english.alarabiya.net/News/world/2021/09/07/Pakistan-gave-military-aid-to-Taliban-in-fight-against-Panjshir-resistance-Report>.
23. Ujjwal Samrat. Taliban Propaganda Busted; Northern Alliance Reveals Pakistan's Role In Fall Of Panjshir / 09.09.2021. URL: <https://www.republicworld.com/world-news/rest-of-the-world-news/taliban-propaganda-busted-northern-alliance-reveals-pakistans-role-in-fall-of-panjshir.html>.
24. Встреча с министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Махдумом Шах Махмудом Курейши / 25.08.2021. URL: <http://www.president.tj/ru/node/26368>.

- ل اس ۱۰ ئىرد ئىسراف .ئىقىق ح دىعىس. 25. ن اتسىن اغفا رد ن اپل اط طوقس زا سب [Саъид Хакики. Фарси-дари: десять лет после падения «Талибана» в Афганистане] / 12.05.2011. URL: https://www.bbc.com/persian/arts/2011/05/110512_l23_persian_lan_afghanistan_dari_saeed_haqiqi_gel.
26. Концепция внешней политики Республики Таджикистан // Утверждена Указом Президента РТ от 27 января 2015 года, № 332. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/4255/kontsepsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan>
27. Тоҷикистон имсол ба Афғонистон 1,5 млрд киломат соат барқ мөдихад [Таджикистан в этом году даст 1,5 млрд кВт*ч электроэнергии] / 14.02.2022. URL: <https://www.ozodi.org/a/31702842.html>.
28. Все пуштунское правительство: кто вошел в новое руководство Афганистана / 08.09.2021. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210908/pravitelstvo-kogo-sobrali-vlast-taliby-afganistan-1042135382.html>.
29. Афганские талибы начали формировать регулярные вооруженные силы / 09.12.2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/808535>.
30. Бизнесмен из Панджшера стал министром торговли Афганистана / 21.09.2021. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210921/afghanistan-panjshir-ministr-torgovlye-1042405024.html>.
31. Речь по случаю 29-й годовщины образования Вооруженных сил Республики Таджикистан / 23.02.2022. URL: <http://www.president.tj/ru/node/27829>.
32. Uran Botobekov. Central Asian Salafi-Jihadi Groups and the US-Taliban Peace Agreement / June 3, 2020. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13621-central-asian-salafi-jihadi-groups-and-the-us-taliban-peace-agreement.html>.
33. Ризоен Ш., Гиесов М. Насколько актуальна угроза центральноазиатских боевиков из Афганистана? / 12.08.2021. URL: <https://www.newgeopolitics.org/2021/08/12/how-relevant-the-threat-of-central-asian-militants-from-afghanistan/>.
34. Таджикистан – передовая страна по решению проблем беженцев, – глава представительства УВКБ ООН / 21.06.2008. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/20080621/tadzhikistan-peredovaya-strana-po-resheniyu-problem-bezhentsev-glava-predstavitelstva-uvkb-oon>.
35. Сегодня в Таджикистане отмечается Международный день беженцев / 20.06.2006. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/life/person/20060620/segodnya-v-tadzhikistane-otmechaetsya-mezhdunarodnyi-den-bezhentsev>.
36. Ятимов: Есть стремление destabilizirovat-situatsiyu-v-regione-ispolzovav-islamskuuyu-religiyu-kak-osnovu-ispravлено.
37. Тақвоуллоҳ Тақво: «Тоҷикистон дӯсти хуб, ҳамкори содиқ ва муттаҳиди стротежиски шаҳрвандони Афғонистон аст» [Таквоуллоҳ Такво: «Таджикистан – лучший друг, честный стратегический партнер граждан Афганистана】 / 27.05.2016. URL: <https://khovar.tj/2016/05/ta-voullota-vo-to-ikiston-d-sti-hub-amkori-sodiva-mutta-idi-strotezhiki-sha-rvandoni-af-oniston-ast/>.
38. Ризоен Ш. Ш. Опыт Таджикистана в профилактике экстремизма: проблемы и перспективы // Сборник «Противодействие идеологии терроризма: концепции и адресная профилактика»: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: БГПУ им. Акмуллы, 2019. С. 15–24.
39. Минтранс Таджикистана: «Никаких преград для грузоперевозок с Афганистаном не существует» / 14.07.2021. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20210714/mintrans-tadzhikistana-nikakih-pregrad-dlya-gruzoperevozok-s-afghanistanom-ne-suthestvuuyut>.

АФГАНИСТАН КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ПРИОРИТЕТОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ УЗБЕКИСТАНА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА

Бахтиер Эргашев

Директор независимого негосударственного Центра исследовательских инициатив «Ma'no» (Ташкент).

Окончил философский факультет Уральского государственного университета (Екатеринбург). Специализация: национальная и региональная безопасность, анализ процессов становления демократических институтов, теория государственного управления, административная реформа; урбанизация, индустриализация, транспортно-коммуникационная политика в Центральной Азии; анализ процессов политической и экономической трансформации в постсоветских странах. Публикации: одна монография, 47 научных статей в отечественных и зарубежных журналах и сборниках статей.

Email: b.e@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

Угрозы безопасности и стабильного развития стран Центральной Азии – распространение терроризма, религиозного фундаментализма, наркотрафика, – исходящие из нестабильного Афганистана, носят долговременный характер. Степень влияния этих угроз неодинакова для стран региона (как минимум в силу географического фактора), что обуславливает несколько разные взгляды стран региона на ситуацию в Афганистане. И, соответственно, афганская проблематика (как в целом, так и отдельные ее аспекты) занимает различные места в иерархии политических приоритетов правительств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Узбекистан, Афганистан, внешняя политика, этапы внешней политики, модернизация, сотрудничество, угрозы и вызовы, региональная безопасность.

ВВЕДЕНИЕ

Анализ внешней политики независимого Узбекистана в отношении Афганистана в постсоветский период позволяет выделить два четко различных этапа: первый (1991–2016 гг.) – этап дистанцирования и осторожного отношения к Афганистану; второй (2017 г. – настоящее время) – этап резкой активизации политических, экономических и гуманитарных отношений.

Анализ внешней и внешнеэкономической политики Узбекистана в отношении Афганистана за последние 30 лет, определение принципов, подходов, направлений сотрудничества и ее результатов дают возможность определить основные приоритеты и форматы внешней политики Узбекистана на среднесрочную перспективу с учетом фактора прихода к власти в Афганистане движения «Талибан» и новых вызовов, которые это несет, прежде всего для стран – соседей Афганистана.

1. Ретроспективный анализ внешней политики Узбекистана на афганском направлении до 2016 года: принципы, подходы, направления сотрудничества и результаты

В силу географических, геополитических и геоэкономических факторов Узбекистан является одним из ключевых игроков среди стран – соседей Афганистана в процессе урегулирования внутриполитической ситуации в данной стране. И без учета роли данного фактора проекты афганского урегулирования не могут быть реализованы в полной мере. Исходя из этого, Узбекистан в течение последних десятилетий активно участвовал в выработке политических и экономических решений, направленных на разрешение конфликта в Афганистане.

В июле 2012 года Олий Мажлис (парламент) Республики Узбекистан рассмотрел и одобрил Концепцию внешней политики Республики Узбекистан, которая определяет внешнеполитическую стратегию на средне- и долгосрочную перспективу. Как отмечено в документе, главным приоритетом внешнеполитической деятельности Узбекистана является регион Центральной Азии, с которым связаны его жизненно важные интересы. Согласно Концепции, проблемы Центральной Азии должны решаться самими государствами региона без вмешательства внешних сил.

Разработка и принятие Концепции внешней политики Узбекистана представляли собой квинтэссенцию прежних подходов, накопленного опыта (как позитивного, так и негативного) в решении проблем безопасности в регионе. Документ являлся логическим продолжением политики Узбекистана в вопросах афганского урегулирования. Содействие урегулированию ситуации в Афганистане, обеспечение мира и стабильности в регионе были заявлены в Концепции в качестве одного из важнейших направлений. Подчеркивалось, что внешнеполитическая деятельность Уз-

бекистана, в том числе в вопросах содействия урегулированию ситуации в Афганистане, базируется на следующих принципах:

- проведение открытой, доброжелательной и прагматичной политики в отношении своих ближайших соседей;
- содействие урегулированию ситуации в Афганистане на принципах взаимоуважения и невмешательства во внутренние дела;
- принятие политических, экономических и иных мер по предотвращению своего вовлечения в вооруженные конфликты и очаги напряженности в сопредельных государствах, а также недопущение на своей территории размещения иностранных военных баз и объектов;
- никакая интеграция не должна быть навязана извне, она неприемлема, если ущемляет свободу, независимость и территориальную целостность страны или продиктована идеологическими обязательствами;
- Узбекистан оставляет за собой право заключать союзы, входить в союзничества и другие межгосударственные образования, а также выходить из них, руководствуясь высшими интересами государства, народа, его благосостояния и безопасности.

Позиция Узбекистана относительно разрешения афганского конфликта изначально базировалась на двух основных постулатах:

- (i) признание того факта, что исключительно военными действиями урегулирование невозможно;
- (ii) повышение роли и значения экономической составляющей в программе урегулирования конфликта и восстановления Афганистана. Узбекистан последовательно действует в двух взаимосвязанных направлениях: через участие в реализации экономических проектов и параллельную, дипломатическую, деятельность в целях объединения усилий как стран – соседей Афганистана, так и США/НАТО, КНР и РФ.

На дипломатическом уровне подходы Узбекистана в 1990-е годы базировались на признании того, что развитие ситуации в Афганистане показало необходимость скоординированного международного сотрудничества для налаживания диалога между враждующими группировками.

В 1997 году по инициативе Узбекистана под эгидой ООН начал действовать формат «6+2», то есть шесть стран-соседей – Пакистан, Иран, Китай, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан – и страны-гаранты – США и РФ. Цель этого формата состояла прежде всего в урегулировании афганского конфликта посредством примирения «Северного альянса» и движения «Талибан». Благодаря деятельности Контактной группы 21 июля 1999 года была подписана «Ташкентская декларация об основополагающих принципах мирного разрешения конфликта в Афганистане» в присутствии противоборствующих сторон.

В развитие данной идеи после свержения режима «Талибана» в Афганистане в 2001 году Узбекистаном в 2008-м было предложено сформировать Контактную группу «6+3». В состав Контактной группы вместе со странами, граничащими с Афганистаном – Пакистаном, Ираном, Китаем, Туркмени-

станом, Таджикистаном, Узбекистаном, – предлагалось включить с учетом сложившихся на современном этапе реалий Россию, США и НАТО. Целью данного формата было объединение усилий для поиска оптимального и мирного решения проблемы по достижению мира и стабильности в Афганистане, так как превалирование военных методов без решения социально-экономических вопросов только обостряет ситуацию. Кураторство и координацию деятельности Контактной группы предлагалось возложить на специального представителя Генерального секретаря ООН по Афганистану. От формата «6+2» ее также отличало то, что ни представители властных структур, ни враждующие группы Афганистана к переговорному процессу в рамках новой группы не будут включены. Однако данная инициатива Узбекистана не получила поддержки.

Ключевой идеей Узбекистана в отношении афганского урегулирования всегда было стремление снизить уровень военной составляющей и уделить больше внимания вопросам восстановления экономики, так как только это позволит снизить уровень конфликтогенного потенциала внутри Афганистана. Приоритетом должно стать оказание целенаправленной экономической помощи Афганистану.

В нулевых годах XXI века Узбекистаном был накоплен значительный опыт участия в реализации совместных проектов восстановления Афганистана, в частности в сфере дорожного строительства и ремонта дорог, электроэнергетики, строительства железных дорог, горнодобывающей промышленности, образования, обмена специалистами. Узбекистан еще с 2002 года начал активное сотрудничество с Кабулом в экономической сфере.

В результате значительно расширилась взаимная торговля между Узбекистаном и Афганистаном.

Так, начиная с 2007 года отмечался заметный рост товарооборота между двумя странами. Если до 2005 года узбекско-афганский товарооборот не превышал \$130 млн, то в 2007 году он уже составлял около \$326 млн, в 2008 году – \$520 млн.

В 2010 году Узбекистан входил в тройку лидеров – импортеров Афганистана (после Пакистана – \$877 млн и России – \$804 млн). По итогам 2010 года объем товарооборота между Республикой Узбекистан и Исламской Республикой Афганистан составил \$663,5 млн, в частности экспорт – \$663,3 млн, импорт – \$0,2 млн. Положительное сальдо для Узбекистана – \$663,1 млн. В 2011 году объем узбекско-афганского товарооборота составил \$798,6 млн (экспорт – \$797,7 млн, импорт – \$0,9 млн). Основными товарами, поставляемыми Узбекистаном в Афганистан, являлись бобовые – \$16 млн, бензин – \$82 млн, дизель – \$109 млн, сырая нефть – \$377 млн, жидкий газ – \$13 млн, минеральные удобрения – \$2,8 млн, арматура – \$103 млн¹.

¹ По данным Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан.

Внешняя политика Узбекистана до 2017 года в отношении Афганистана была жестко прагматичной

Узбекистаном в рамках реализации программы реконструкции Афганистана было сооружено 11 мостов на участке Мазари-Шариф – Кабул. Было завершено строительство высоковольтной линии 220 кВ протяженностью около 442 км от Кабула в сторону государственной границы с Узбекистаном. Данная линия электропередачи была связана с электроэнергетической системой Узбекистана через строительство линии электропередачи от подстанции «Сурхан» (Узбекистан) до подстанции «Хайратон» (Афганистан) протяженностью 43 км. Через эту высоковольтную линию передавалось от узбекской энергосистемы на первом этапе 150 МВт, а затем – до 300 МВт электроэнергии. Стоимость проекта составила свыше \$198 млн.

Акционерная компания «Узбектелеком» и Afgan Telecom Corp заключили межоператорское соглашение, предусматривавшее сотрудничество в предоставлении международных услуг по строящейся в Афганистане волоконно-оптической линии связи (ВОЛС), которая соединила два государства. Запуск магистрали в 2009 году с пропускной способностью 2,5 Гбит/с обеспечил возможность организации прямой связи между Афганистаном и Узбекистаном для предоставления услуг международной телефонной связи, доступа к сети интернет и выхода через Узбекистан в страны СНГ и дальнего зарубежья.

Одной из главных проблем, тормозящих рост экономики Афганистана и, в частности, рост промышленного производства внутри страны, является отсутствие инфраструктуры – транспортных коммуникаций, сетей водо- и энергоснабжения и других. В этом направлении важное значение имела реализация проекта прокладки железной дороги через территорию Афганистана. В 2009–2010 годах государственная железнодорожная

компания Узбекистана (ГАЖК «Узбекистон темир йуллари») реализовала проект строительства участка железной дороги Хайратон – Мазари-Шариф протяженностью 75 км и стоимостью \$129 млн. Эта железная дорога стала важнейшим фактором увеличения международных грузоперевозок в стране (около 3 млн тонн ежегодно).

В перспективе планировалось проложить железную дорогу общей протяженностью 2 тысяч километров по маршруту Мазари-Шариф – Кабул – Кандагар – Герат и обратно, закольцевав ее на Мазари-Шариф. Общая стоимость этого проекта, который позволил бы создать железнодорожный аналог Транс- афганского автотранспортного коридора из Европы с выходом в Индию, Китай, Иран и Пакистан, составляла около \$3 млрд.

Но если оценивать в целом, несмотря на некоторые позитивные моменты, к 2016 году становилась все более ясна бесперспективность дальнейшего хода антитеррористической кампании в рамках существовавших подходов. Несмотря на предпринимаемые международным сообществом и США действия по обеспечению безопасности, стабильности и развитию Афганистана, ситуация не улучшалась. В Афганистане в результате более чем 15-летнего пребывания НАТО не удалось разрешить важнейшие вопросы: i) обеспечение безопасности; ii) формирование дееспособного правительства; iii) не были созданы условия для устойчивого экономического развития страны.

2. Президент Ш. М. Мирзиёев и новая внешняя и внешнеэкономическая политика Узбекистана на афганском треке после 2017 года

Внешняя политика Узбекистана до 2017 года в отношении Афганистана была жестко прагматичной. Она исходила из принципов невозможности решить проблемы урегулирования в Афганистане военным путем, необходимости создания условий для экономического развития страны. В частности, через взаимодействие по реализации отдельных экономических и инфраструктурных проектов (строительство мостов, строительство железной дороги Хайратон – Мазари-Шариф, прокладка линии электропередачи из Южного Узбекистана в Северный Афганистан и другое). Но при этом Афганистан рассматривался как источник угроз национальной и региональной безопасности (распространение терроризма и в целом нестабильности, контрабанда наркотиков).

Но начиная с 2017 года политика Узбекистана в отношении Афганистана постепенно трансформировалась, и Афганистан стал рассматриваться не только как источник угроз, но и как страна, имеющая большой потенциал для совместного взаимодействия.

В политической сфере – активное продвижение нового геополитического формата «Центральная Азия + Афганистан», когда Афганистан предлагалось рассматривать как часть Центральной Азии. В качестве примера можно рассматривать первое заседание группы «Индия + Центральная

Азия + Афганистан» в 2019 году в Самарканде. Вершиной этой политики стало проведение ровно за месяц до прихода к власти в Афганистане движения «Талибан» 15–16 июля 2021 года крупной международной конференции в Ташкенте «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», где активно подчеркивалась мысль о включенности Афганистана в регион Центральной Азии.

В экономической сфере между Узбекистаном и Афганистаном наблюдался прорыв в двусторонних торгово-экономических связях. По сравнению с 2015 годом объем товарооборота между Узбекистаном и Афганистаном по итогам 2020 года вырос на 74,4% и составил \$776,9 млн. При этом экспорт Узбекистана за указанный период увеличился с \$444,4 до \$774,6 млн. Это химические продукты, цветной и черный металл, энергоносители и нефтепродукты, продовольственные товары, а также услуги. В четыре раза увеличился и импорт афганских товаров и услуг на узбекский рынок – с \$600 тысяч до \$2,3 млн [1, с. 3]. В 2020 году экспорт электроэнергии в Афганистан составил 2,6 млрд кВт/ч, и Узбекистан покрывает 52% афганского импорта электроэнергии. В целом за последние годы доля Узбекистана во внешней торговле Афганистана выросла до 7,4%, доля же Афганистана – до 1,5%. Были начаты работы по созданию зоны свободной торговли «Международный торговый центр Термез», который должен стать ключевым транспортно-логистическим пунктом на пути товаров в Афганистан и в целом в Южную Азию.

В гуманитарной сфере в 2018 году в Термезе был создан образовательный центр, где афганские юноши и девушки имеют возможность обучаться по 17 направлениям высшего и 16 – среднего специального, профессионального образования, и к 2021 году 136 афганских студентов завершили обучение в данном центре.

3. Вызовы для внешней политики Узбекистана после прихода к власти в Афганистане движения «Талибан»

В августе 2021 года после взятия Кабула в Афганистане к власти пришло движение «Талибан».

Несколько выводов, которые можно сделать на основе анализа данного факта.

1. С точки зрения политэкономической – очередная попытка модернизации в Афганистане, четвертая за последние сто лет, провалилась. В Афганистане пришло к власти военно-политическое движение, которое носит антимодернизационный, фундаменталистский характер.

2. С точки зрения geopolитической – складывавшаяся последние двадцать лет конфигурация с постоянным военным присутствием США в регионе разрушена. И это создает новые возможности и новые риски.

3. С точки зрения геоэкономики – новая конфигурация сил ставит кардинальный вопрос: каким образом будут реализовываться (или не будут

реализовываться) проекты в сфере транспорта и инфраструктуры, энергетики, которые могут связать большой макрорегион, включающий в себя Южную Азию, Средний Восток, Центральную Азию и Каспийский регион?

Ломающаяся на наших глазах и на ее обломках формирующаяся новая геополитическая и геоэкономическая конфигурация ставит комплекс вопросов перед всем мировым сообществом и, прежде всего, перед странами – соседями Афганистана, ключевой вопрос: какой должна быть политика в отношении Афганистана, во главе которого встал «Талибан»?

И в связи с этим важнейшее значение приобретают следующие вопросы.

А) Сможет ли «Талибан» решить ключевой вопрос – обеспечение безопасности и предотвращение гражданской войны? Как будет решен главный вопрос внутриафганской политики – обеспечение баланса в международных, межэтнических отношениях?

Б) Смогут ли / захотят ли талибы реально работать в направлении борьбы с присутствующими на территории страны террористическими организациями (прежде всего «ИГИЛ – Вилояти Хорасан»)?

Узбекистан имеет опыт того, как после прихода к власти «Талибана» в 1996–2001 годах Афганистан стал местом сосредоточения террористических организаций (в частности, Исламского движения Узбекистана), где они представляли реальную угрозу региональной безопасности. И сейчас приход «Талибана» к власти в Афганистане может привести к тому, что его территория может стать в очередной раз плацдармом для самых различных террористических организаций (в частности, представители сети «Хаккани» вошли в новое правительство. При этом данная сеть имеет довольно плотные связи с Аль-Каидой). Кроме того, уже наблюдается всплеск активности пропагандистов террористических организаций в сети интернет, растет угроза экстремизма в киберпространстве. И это вполне реальный сценарий, несмотря на успокоительные заявления как талибских пропагандистов, так и части внешних экспертов.

В) Еще один ключевой вопрос: если не удастся обеспечить стабильность, безопасность в стране, создать нормальный бизнес-климат, то как решать вопрос актуализации проблемы беженцев из Афганистана в соседние страны?

Г) Остается на повестке вопрос – как будет «Талибан» решать вопрос с производством наркотиков и их экспортом из Афганистана?

Д) И, конечно, важнейший вопрос: какова экономическая программа Правительства Афганистана, созданного «Талибаном» и состоящего в основном из его представителей?

А ведь это очень важно для Правительства Узбекистана. Еще в начале 2021 года правительства двух стран хотели довести товарооборот между двумя странами до \$2 млрд в год. Планировалось до конца 2021 года подписать договор о преференциальной торговле между двумя странами. Для Узбекистана ключевым вопросом остаются перспективы реализации проекта железнодорожного маршрута Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар, который стал за последние полтора года основным проектом для узбекского правительства на афганском направлении, а также перспективы строительства других транспортных коридоров и новой линии электропередачи Сурхан – Пули хумри.

Автор провел экспресс-SWOT-анализ для оценки потенциала Узбекистана в процессе урегулирования в Афганистане, реализаций экономических проектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из сложившейся ситуации в Афганистане после прихода к власти в стране движения «Талибан», внешняя политика Узбекистана на афганском треке будет ориентирована:

- на активизацию усилий по налаживанию политического диалога с Афганистаном (со всеми политическими силами внутри Афганистана), странами-соседями и ведущими центрами сил, заинтересованными в сохранении единой афганской государственности;
- на опору не только на многосторонние форматы (к сожалению, оказавшиеся неэффективными в решении афганского конфликта), но, прежде всего, на двусторонние и трехсторонние форматы;
- на оказание всемерного содействия в разрешении социально-экономических проблем Афганистана, в поддержке проектов, направленных на формирование жизнеспособной и развивающейся экономики Афганистана. Узбекистан накопил серьезный опыт в реализации проектов по реконструкции в Афганистане, и вполне естественно, что он может инициировать реализацию проектов, важных для социально-экономического развития Афганистана.

Узбекистан как страна, граничащая с Афганистаном, должен выработать новые подходы в отношениях с соседней страной, и новая внешняя политика Узбекистана на афганском треке, начатая в 2017 году, сегодня испытывает жесткую проверку на прочность.

При этом важно понимание того, что поиск новых форматов взаимодействия с Афганистаном должен исходить из непреложного принципа реализации строго прагматичной внешней политики на афганском направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Почему важно вовлечь Афганистан в орбиту экономики Центральной Азии? <http://isrs.uz/ru/smti-ekspertlari-sharhlari/posetivazno-vovlec-afghanistan-v-orbitu-ekonomiki-centralnoj-azii>.
2. Aripov E. (2018) "Uzbek-Afghan relations: a new stage in dynamic development," *International Relations: Politics, Economics, Law*: Vol. 2018: Iss. 1. Article 3.
3. <http://www.uzembassy.kz/ru/article/uzbeksko-afganskie-otnosheniya-nouyy-etap-dinamichnogo-razvitiya>.
4. Голишиников О. Постнатовский синдром Афганистана: основные угрозы и вызовы для Центральной Азии, https://www.icisecurity.club/publications/experts/golishnikov_nato_afgan/.
5. Эргашев Б. К вопросу о роли Узбекистана в афганском урегулировании / Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 4 / Под ред. А. А. Князева. Бишкек, 2010. С. 71–76.
6. Эргашев Б. Политика Узбекистана в отношении Афганистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии. Сборник статей «Вызовы безопасности в Центральной Азии», ИМЭМО РАН, февраль 2013 г.
7. Аналитический документ *Envisioning a Secure and Independent Afghanistan, Post 2014 – Perspectives and Strategies for Constructive Conflict Resolution from the Neighbourhood*, Фонд Фридриха Эберта, 2014 г. (коллектив авторов).
8. Эргашев Б. Исламский мир в условиях глобальных геоэкономических и geopolитических трансформаций: поиск новых форматов // Сборник статей «Россия и исламский мир: направления взаимодействия и поиски ответа на вызовы современности». Казань, 2017. С. 71–76.
9. Эргашев Б. Узбекские выходцы – члены террористических организаций в Сирии и Ираке: современное состояние и перспективы // Ислам на Урале: история, современность, вызовы: материалы II Межрегиональной научно-практической конференции (Екатеринбург, 14 ноября 2019 г.). Екатеринбург, ООО «Типография «Для вас», 2019. С. 32–37.
10. Эргашев Б. Приоритетный Афганистан // Экономическое обозрение. № 5–6 (116–117). 2009. С. 18–19.
11. Эргашев Б. Афганистан. После выборов // Экономическое обозрение. № 9 (120). 2009. С. 15–17.
12. Эргашев Б. Шелковый путь – дорога с двухсторонним движением // Экономическое обозрение. № 9 (201). 2016. С. 32–43.
13. Эргашев Б. *Integration in Central Asia and the position of Uzbekistan // Central Asia's Affairs 2017/3, quarterly analytical review*. Р. 7–15.
14. Эргашев Б. Принцип «сбалансированной равноудаленности в отношении мировых центров силы» во внешней политике Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. I (XLVI), 2020. С. 124–136.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ АФГАНИСТАНА СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Убайд Окимбеков

Руководитель сектора Афганистана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения Российской академии наук, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.
Окончил экономический факультет Хорогского государственного университета (Таджикистан), аспирантуру Института востоковедения РАН. Специалист в области экономики и внешней политики Афганистана.
Email: ubayd@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

За последние 30 лет в граничащем с регионом Центральной Азии (ЦА) Афганистане путем вооруженного противоборства четырежды сменялась власть, изменялось государственное устройство. Такая частота политических перемен стала главным фактором переменичивой политической атмосферы, нестабильной военной и социально-экономической обстановки. Одновременно с уходом из афганской политической жизни «коммунистической» власти Народно-Демократической Республики, на смену которой пришел исламский режим, а через некоторое время движение «Талибан» (ДТ), на территории ЦА после распада СССР образовались новые независимые государства. На протяжении последнего десятилетия XX века там не сложились благоприятные условия для развития полноценных торгово-экономических и дипломатических отношений со сменявшими друг друга афганскими властями. В небольших объемах все же осуществлялась торговля с отдельными странами региона, велись переговоры о реализации конкретных инфраструктурных проектов. В 2001 году после очередной смены власти и создания Исламской Республики Афганистан (ИРА) отношения с республиками ЦА поднялись на новый качественный уровень. В течение

20 лет существования созданной при поддержке Запада в Афганистане системы власти между сторонами заключались двусторонние и многосторонние договоры, развивалась внешняя торговля, реализовывались экономические проекты, велись переговоры по поиску путей реализации трансафганских транспортных и энергетических проектов. Повторный захват Кабула талибами в августе 2021 года, с одной стороны, привел к закрытию международных каналов финансирования всех афганских проектов развития, с другой – продемонстрировал изменившийся взгляд соседних стран на представителей новых властей, вызвавших опасения еще при своем первом приходе к власти. Теперь наряду с мерами по защите собственных границ от вероятных угроз, которые могут исходить из Афганистана, в государствах ЦА думают над поиском новых возможностей для сотрудничества с этой страной. Центральноазиатские страны в целом позитивно оценивают происходившие в Афганистане последние события и стараются выстраивать торгово-экономические отношения с непризнанными властями талибов, поскольку уверены, что активная фаза межафганского конфликта уже пройдена и появились приемлемые условия для практических действий. В начале статьи дается краткая информация о демографии и географии государств ЦА и Афганистана, затем рассматриваются вопросы развития торгово-экономических связей и трансафганских инфраструктурных проектов, вклад стран региона в решение социальных и гуманитарных проблем Афганистана, а также влияние внутриафганской политической ситуации на двусторонние отношения на нынешнем этапе и в перспективе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Центральная Азия, Афганистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, торговля, экономика, «Талибан».

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос развития торгово-экономических отношений Афганистана со странами ЦА за последние 20 лет комплексно не изучался в научной литературе. Отдельные статьи, размещенные на интернет-ресурсах и опубликованные в печатных изданиях [1; 2], посвящены связям отдельных стран региона с ИРА, экономическому сотрудничеству регионов Центральной и Южной Азии [3], в которых прямо или косвенно затрагиваются разные стороны рассматриваемого вопроса.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье использованы широко распространенные в экономической науке методы сравнительного и ретроспективного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ двусторонних отношений Афганистана с каждым из государств ЦА показывает, что именно после свержения власти талибов в 2001 году между сторонами формировались полноценные торгово-экономические отношения, выявлялись основные направления сотрудничества. Смена афганской политической власти и изменение государственного устройства в августе 2021 года особо не сказывались на торгово-экономической политике стран региона с Афганистаном, о чем свидетельствует незначительное сокращение объемов взаимного товарооборота в последние месяцы ушедшего года, частота встреч официальных представителей республик с новыми афганскими властями.

Развитие торгово-экономических отношений со странами ЦА является приоритетным вопросом для современного Афганистана. Страны региона условно можно разделить на две категории. К первой относятся сопредельные Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, ко второй – Казахстан и Кыргызстан, не имеющие общую границу с Афганистаном. Общая протяженность границы государств ЦА с Афганистаном составляет свыше 2000 километров, преобладающая часть которой проходит по высокогорным районам и разделяется реками Пяндж и Амударья. Афганистан и страны ЦА занимают большую территорию с достаточными природными и человеческими ресурсами. Согласно оценкам Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, по состоянию на 2020 год численность населения стран ЦА в сумме составила свыше 72 млн человек. Население Афганистана в два раза меньше – более 36 млн человек (см. табл. 1).

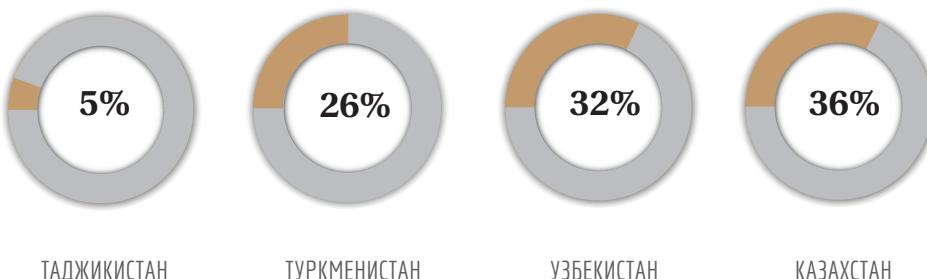
**Таблица 1. Площадь и численность населения по странам
(оценка на 2020 г.)**

Страна	Население (млн человек)	Площадь террито- рии (млн кв. км)
Афганистан	36	652,8
ЦА		
Казахстан	18,7	2724,9
Кыргызстан	6,4	199,9
Таджикистан	9,5	143,1
Туркменистан	5,7	491,2
Узбекистан	32	447
Всего	108,3	4658,9

Центральноазиатские республики обладают крупными запасами нефти и природного газа, а также значительным гидроэнергетическим потенциалом. Власти этих стран время от времени могут позиционировать себя в качестве защитников интересов представителей родственных народов из числа афганских подданных. На территории Афганистана, согласно данным советских исследователей, формируется 15–17% водных ресурсов бассейна Амударьи [1, с. 28], что немаловажно в условиях сокращения запасов и ежегодного роста объемов потребления питьевой и поливной воды.

Объем торговли Афганистана с государствами региона за последние два десятилетия увеличился в несколько раз и продолжал расти до распада Правительства ИРА. В первые годы после свержения режима талибов (2001 г.) страны ЦА в небольших объемах поставляли товары на афганский рынок, но постепенно увеличили товарооборот, превращаясь в транзитную зону для экспорта из третьих стран, что было немаловажным для Афганистана, находившегося в исключительной зависимости от пакистанского направления. К концу первого десятилетия ситуация начала кардинально меняться, поскольку страны ЦА не только вышли на лидирующие позиции топ-10 государств-экспортеров в Афганистан, но и в определенный период времени отдельно взятые из них (например, Казахстан и Узбекистан) по очереди возглавляли этот рейтинг. Совокупная доля центральноазиатских государств в афганском внешнеторговом обороте в 2009 году составила чуть менее 40%. Правда, в дальнейшем она снизилась и к 2011 году опустилась до 25,7% [2, с. 232]. Это произошло вследствие роста объемов торговли Афганистана с Китаем и Ираном. Такая доля продолжала сохраняться вплоть до последних лет, о чем свидетельствуют имеющиеся данные: в 2018 году она составила примерно 25%, в 2019-м – 21,7% и в 2020 году – 26,5% афганского внешнеторгового оборота [3, с. 246].

**Доля стран в афганском импорте из ЦА
(2020 г.)**

Источник: Afghanistan Statistical Yearbook 2019. P. 246

Что касается товарной структуры афганского импорта, то по состоянию на 2019 год 29% составляли продовольственные товары, 16% – топливные ресурсы, по 7% – машины и оборудование, а также металлы [7, 242]. Роль стран региона ЦА в экспорте электроэнергии в Афганистан велика: на их долю приходится значительная часть поступающего извне электричества. По тем же данным, в 2019 году около 79%, а в 2020 году свыше 83% потребляемой в Афганистане электроэнергии импортировалось из соседних стран. Доля стран ЦА в общем импорте электричества в 2020 году составила 84%, а в совокупном потреблении – 70% [6, с. 191–192].

Отметим, что ни одна из стран региона, как и все мировое сообщество в целом, до сих пор официально не признали правительство талибов, но в разных сферах продолжают выполнять заключенные с ИРА договоры, ведут переговоры о развитии отношений в сфере торговли и экономики. Стороны также обмениваются визитами на уровне министров, политиков: официальные лица государств ЦА встречаются с представителями временного правительства талибов в Кабуле.

КАЗАХСТАН

Казахстан установил дипломатические отношения с Исламской Республикой Афганистан в начале 1992 года. В то время нестабильность в самом Афганистане наряду со сложностями первых лет постсоветского периода для республик ЦА не способствовала становлению и развитию отношений в области экономики, торговли, образования и других сферах. Поэтому полноценное сотрудничество началось лишь после свержения режима талибов в 2001 году. Опыт прошедших двух десятилетий является очевидным показателем того, в каких направлениях в будущем могут развиваться двусторонние торгово-экономические отношения Афганистана с Казахстаном, в частности, и странами региона ЦА в целом.

Согласно данным афганской статистики, в 2002 году Казахстан экспорттировал в Афганистан товары на сумму \$22 млн, в 2009 году – \$291 млн, а его доля от общего ввоза из региона составила более 22%, а от общего объема афганского импорта – 8,7%. Казахстанский экспорт в Афганистан продол-

жал расти в объемах, но его доля от общего показателя с небольшими колебаниями оставалась примерно на том же уровне, составив 9,9% в 2020 году [8, с. 215; 5, с. 232; 6, с. 246].

В 2007 году была создана «Казахстанско-афганская межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству», сыгравшая важную роль в развитии двусторонних отношений. Казахстан в рамках подписанного по итогам первого заседания комиссии соглашения выразил заинтересованность в инвестировании в афганские инфраструктурные проекты, намеревался принимать участие в тендерах по разработке месторождений нефти, газа, меди и других полезных ископаемых [9].

Развитие торговли имело важное значение, но отношения между двумя странами этим не ограничивались и охватывали самые разные сферы. Казахстан вносил вклад в развитие образования афганской молодежи через организацию государственной образовательной программы общей стоимостью \$50 млн, предоставил возможности для обучения 1000 афганских студентов в казахстанских учебных заведениях. В целях развития сотрудничества в области образования в ноябре 2009 года стороны подписали «Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Исламской Республики Афганистан о сотрудничестве в области образования», ратифицированное Астаной 15 июля 2010 года [10].

Другое важное для Афганистана направление, в развитии которого Казахстан принимал активное участие, – продовольственная гуманитарная помощь. Афганский аграрный сектор так и не стал способным обеспечить внутренний рынок товарами первой необходимости, а природные стихии еще больше усугубляли обстановку. В целом Афганистан, невзирая на ежегодную финансово-техническую помощь, поступавшую по разным каналам, до последних дней существования ИРА остро испытывал нехватку ресурсов, нуждался в дополнительной поддержке, поскольку собственная экономика так и не стала самодостаточной, независимой. Как показывают данные казахстанских источников, объемы предоставленной Казахстаном помощи за эти годы были достаточно крупными. Например, в 2002 году продовольственная помощь включала 3 тысячи тонн пшеницы, в 2008 году – 2 тысячи тонн пшеницы, в 2009 году – 1,3 тысячи тонн сухого молока, в 2010 году – 6 тысяч тонн риса, в 2011 году – 5 тысяч тонн рисовой крупы, в 2013 году – 60 тысяч тонн гречневой крупы и 160 тысяч литров растительного масла. В 2014 году Казахстан предоставил Афганистану помочь продовольствием на сумму \$6 млн [11].

В области оказания экономической помощи участие Казахстана проявлялось в виде выделения денежных средств на реализацию конкретных проектов социальной или экономической значимости. С 2008 по 2016 год было предоставлено средств на сумму \$2,38 млн на строительство нескольких объектов, преимущественно в северных и центральных районах Афганистана. В частности, были возведены школа в провинции Самangan, больница в провинции Бамиан, отремонтирована асфальтированная дорога Талукан – Кундуз – Ширхан-Бандар. Можно перечислить еще ряд

объектов, построенных при финансовой поддержке Казахстана [11].

Смена политической власти в августе 2021 года, закончившаяся фактическим захватом власти со стороны талибов и сильно изменившая общую атмосферу в стране, не привела к прекращению или снижению активности Казахстана на афганском направлении. Первый контакт с новыми властями произошел в Кабуле 26 сентября на уровне казахстанского посла в Афганистане и исполняющего обязанности главы афганского внешнеполитического ведомства правительства «Талибана» [12].

Казахстан, как, впрочем, и многие другие страны региона, сегодня, когда возродились надежды на восстановление стабильности в Афганистане, с еще большим оптимизмом смотрит на перспективы выхода на рынки стран Южной Азии. Но первым делом прилагает усилия по налаживанию и расширению контактов с нынешними афганскими властями в тех сферах, где за последние годы уже велась работа.

На состоявшейся в середине октября 2021 года в Кабуле встрече казахстанской делегации с афганскими властями обе стороны подчеркнули заинтересованность в восстановлении и дальнейшем развитии торгово-экономических отношений. Казахстан выразил готовность восстанавливать образовательные программы для афганских студентов в своих учебных заведениях, продолжить оказание гуманитарной помощи афганскому народу. Заметим, что первая выделенная партия помощи состояла из 5 тысяч тонн пшеничной муки. Кроме того, сотрудничество продолжается в рамках программ международных организаций в области продовольственной помощи Афганистану [13]. Здесь стоит отметить закуп Всемирной продовольственной программы ООН 20 тысяч тонн казахстанской муки для нужд афганского народа [14].

В конце декабря 2021 года делегация во главе с министром торговли и интеграции Республики Казахстан посетила Кабул, где провела переговоры с афганскими властями о торговле, транзите и развитии экономики. Афганские источники сообщают о некоторых достигнутых договоренностях между сторонами, что, однако, не нашло подтверждения в официальных СМИ Казахстана. В частности, в афганских СМИ сообщается об учреждении совместной торговой палаты и открытии представительств некоторых казахстанских банков в Афганистане [15]. Судя по всему, афганская пресса сообщала о предложениях афганской стороны, поскольку именно исполняющий обязанности министра индустрии и торговли Афганистана Нуриддин Азизи на пресс-конференции с министром торговли и интеграции Казахстана Бахытом Султановым упомянул, что предпринимаются усилия по созданию совместной торговой палаты между двумя странами, напомнив об открытии филиалов казахстанских банков в Кабуле и

Но первым делом прилагает усилия по налаживанию и расширению контактов с нынешними афганскими властями в тех сферах, где за последние годы уже велась работа.

возобновлении воздушного коридора между Афганистаном и Казахстаном для развития торговых связей [16].

В силу того, что Афганистан ограничен в собственных ресурсах, Казахстан играет важную роль в обеспечении страны продовольственными товарами, и прежде всего зерном. Например, объемы экспорта в период между июлем 2020 и 2021 годом составили 2,2 млн тонн пшеницы и муки [17], что достигает примерно 60% общих поставок. Ввоз казахстанского зерна, несмотря на неопределенность политической обстановки, сохранился и после прихода к власти талибов (в сентябре 2021 года он составил 15,6 тысячи тонн, а муки – 60,2 тысячи тонн) [18].

В целом объем товарооборота между двумя странами за последние 10 месяцев 2021 года упал, достигнув \$345,9 млн, что на 27% меньше, чем за тот же период 2020 года (\$477,1 млн). Однако следует отметить, что, если афганский импорт из Казахстана за указанный отрезок времени показывал спад, то экспорт, хоть и незначительно (\$3,7 млн), но вырос. Что касается номенклатуры казахстанского экспорта в Афганистан, то он состоит из 45 товаров таких отраслей, как пищевая, нефтехимическая, химическая, металлургическая, легкая, машиностроительная, деревообрабатывающая [19]. В целом за последние годы примерно 700 казахстанских компаний, основная масса которых представляла агропромышленный комплекс и производство продуктов питания, занимались поставкой продукции в Афганистан [20], что говорит о значимости афганского рынка для Казахстана.

КЫРГЫЗСТАН

В отличие от остальных центральноазиатских республик у Кыргызстана не было масштабных инфраструктурных и экономических проектов и значимого торгового оборота с Афганистаном. Кыргызстан, если не считать угрозы терроризма, распространения экстремизма и наркотрафика, в целом ограничился лишь некоторой заботой о судьбе афганских кыргызов, населяющих высокогорные районы крайнего северо-востока Афганистана – Малый и Большой Памир.

На протяжении двух прошедших десятилетий, согласно данным кыргызской статистики, небольшой по своим объемам взаимный товарооборот имел тенденцию к сокращению. Объемы экспорта в Афганистан были традиционно существенно выше, а импорта – ниже, и особых изменений за последние два десятилетия не претерпели. Спад в объемах импорта из Кыргызстана происходил временами резко, что видно из данных национальной статистики, согласно которым в 2008 году этот показатель достиг \$45,9 млн, в 2009-м – \$18,8 и в 2010 году – \$9 млн, а импорта соответственно \$0,6, \$0,3 и \$1,4 млн [21, с. 374]. В первой половине второго десятилетия XXI века снова наблюдался рост кыргызского импорта с большими колебаниями в сторону уменьшения (2013 г. – \$12,3; 2014 г. – \$23,2; 2015 г. – \$9 млн), а экспорт показывал небольшой рост – \$1,7, \$1,6 и \$1,9 млн соответственно [22, с. 413]. Таким образом, в 2020 году Афганистан импортировал из этой республики товаров на сумму \$1,3 млн, а экспортировал на \$0,2 млн [23, с. 335].

Кыргызстан после падения кабульского режима в августе 2021 года одним из первых в ЦА начал работать с новыми афганскими властями в лице временного правительства талибов в рамках гуманитарной помощи. Практические шаги начались с предоставления гуманитарной помощи, доставленной в Кабул 23 сентября делегацией во главе с заместителем председателя Совета безопасности Кыргызстана. Дальнейшие встречи представителей кыргызских властей с афганскими коллегами показывают, что пока стороны обсуждают только вопросы, связанные с ситуацией в Афганистане и последствия для региона, а также практические механизмы оказания гуманитарной помощи афганскому народу. Кыргызстан, как было выше отмечено, продолжает держать в фокусе внимания вопросы

В рамках этого проекта республика намерена поставлять электроэнергию на рынки Афганистана и Пакистана транзитом через Таджикистан.

развития этнических кыргызов. Кыргызстан занимался подготовкой молодых кадров для Афганистана и сегодня также готов продолжить программу содействия в сфере образования путем предоставления афганским студентам квот в своих вузах [24].

У Кыргызстана, однако, есть интересы в региональных и межрегиональных инфраструктурных проектах. В числе трансафганских проектов, в которых Кыргызстан принимает непосредственное участие, следует упомянуть CASA-1000. В рамках этого проекта республика намерена поставлять электроэнергию на рынки Афганистана и Пакистана транзитом через Таджикистан. Работы по реализации кыргызской части проекта начались в феврале прошлого года [25]. Помимо этого, Кыргызстан, как и другие страны ЦА, рассчитывает на открытие трансафганских транспортных коридоров, в частности, на перевозки грузов в качестве транзитной территории между ИРИ и Китаем.

ТАДЖИКИСТАН

Таджикистан из числа стран ЦА имеет относительно протяженную с Афганистаном общую границу. Но, несмотря на это, объемы взаимного товарооборота у республики существенно ниже, чем у трех других приграничных с Афганистаном государств. К началу этого века единственным связывавшим две страны объектом был автомобильный мост в Ишкашиме, служивший исключительно целям переправы гуманитарной и иной помощи. За последние годы вдоль таджикско-афганской границы построены еще несколько мостов в таких местах, как Тем (Хорог), Шогун (Вандж), Рузвай (Дарваз), Шохон (Шохин), Кокул (Фархар) и Нижний Пяндж (Кумсангир). На их базе наряду с осуществлением экспортно-импортных опе-

раций велась розничная приграничная торговля, осуществлявшаяся вплоть до закрытия границы преимущественно местным населением высокогорных районов Афганистана, не имевших до недавнего времени транспортного сообщения со своими административными центрами и внутренними рынками. Несмотря на наличие такого количества контактных пунктов и общей границы, объемы взаимного товарооборота между двумя странами относительно низкие. Таджикистан до 2009 года, согласно данным афганской статистики, не числился в списке основных внешнеторговых партнеров Афганистана, но начиная с 2010 года в официальных документах начинают отражаться некоторые цифры, что, по всей видимости, связано с качеством предоставленных данных. Так или иначе, в 2010 году общий товарооборот между странами составил \$105 млн (из них \$98 млн – таджикский экспорт и \$7 млн – импорт), к 2012 году стоимость торгового оборота достигла \$270 млн (\$258 и \$12 млн соответственно) [23, с. 242–243]. После достижения своего пика в 2013 году (\$284 млн, в частности \$281 млн – импорт из Таджикистана) фиксируется падение объемов торговли к 2019 году более чем в два раза [27, с. 254–255; 7, с. 243–244].

Здесь важно упомянуть, что среди стран ЦА только Таджикистан негативно отреагировал на захват власти талибами. Это, прежде всего, было своего рода политическим протестом в ответ на организованную талибами операцию против сил сопротивления в провинции Панджшер, население которой преимущественно состоит из таджиков. Несмотря на это, Таджикистан не прервал торговые отношения с Афганистаном, а именно транспортное сообщение, восстановившееся за сравнительно короткое время, для грузового транспорта, занимающегося экспортно-импортными операциями. Об этом свидетельствуют данные таджикской статистики, согласно которым в последние месяцы 2021 года товарооборот между двумя странами не только сохранился на прежнем уровне, но и продемонстрировал заметный рост. За девять месяцев указанного года он составил \$76,7 млн, что на 35,7% больше, чем за аналогичный период 2020 года. Стоит отметить, что за сентябрь 2022 года взаимный товарооборот достиг \$12 млн.

Таджикистан

ТАДЖИКИСТАН ТАКЖЕ ЗАИНТЕРЕСОВАН В ОТКРЫТИИ ТРАНСПОРТНОГО СООБЩЕНИЯ ЧЕРЕЗ АФГАНИСТАН С ДРУГИМИ СТРАНАМИ ДЛЯ РАСШИРЕНИЯ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ПОЛУЧЕНИЯ ДОСТУПА К БЛИЖАЙШИМ МОРСКИМ ПОРТАМ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА.

Таджикистан поставляет в Афганистан набор товаров, в числе которых можно в первую очередь назвать строительные материалы, продукты питания, черные металлы. Но основная статья экспорта – электроэнергия, на долю которой приходится до 60% общего объема [28]. Что касается афганского экспорта в Таджикистан, то он также не претерпел существенных изменений, о чем свидетельствуют данные, согласно которым в 2020 году он составил \$3 млн [6, с. 245], а за 11 месяцев 2021 года – \$2,5 млн [29].

Таджикистан после Узбекистана является вторым по объемам поставщиком электроэнергии в Афганистан, но в силу дефицита электричества в период холодов в самой республике эти поставки носят сезонный характер. В 2018 году его доля в афганском импорте электроэнергии составила 18%, в 2019-м – 29% и в 2020 году – 18% [6, с. 191].

Очевидно, что в будущем по мере наращивания производственного потенциала странами-поставщиками будет расти и конкуренция между ними за афганский рынок. Следовательно, Таджикистан, несмотря на негативное отношение к происходящим в Афганистане событиям, а также низкую платежеспособность афганской национальной энергетической компании «Брешна», продолжает выполнять свои обязательства перед Афганистаном в рамках ранее заключенных договоренностей. В конце декабря прошлого года таджикская государственная энергетическая компания «Барки Точик» в Ташкенте подписала дополнительное соглашение с «Брешна» о поставках электричества. Иных двусторонних встреч на какую-либо тему между двумя странами на уровне властей пока что не было.

Правительство Таджикистана в связи с обострением экономического кризиса в Афганистане, а именно гуманитарной ситуации, в конце ноября в рамках Всемирной продовольственной программы ООН приступило к оказанию продовольственной помощи Афганистану в виде 2,5 тысячи тонн пшеничной муки [30].

Что касается трансафганских инфраструктурных проектов, то для Таджикистана как страны с большим гидроэнергетическим потенциалом актуальным является проект CASA-1000, предоставляющий возможность сбыта избыточной электроэнергии не только на рынке Афганистана, но и Пакистана. Важно отметить, что протяженность будущей ЛЭП Сангтуда (Таджикистан) – Ноушера (Пакистан) будет составлять 750 км, из которых только 117 км должны проходить по территории Таджикистана. Строительные работы по завершению таджикского участка, несмотря на последние события в Афганистане, не останавливались.

Таджикистан также заинтересован в открытии транспортного сообщения через Афганистан с другими странами для расширения торговых отношений, получения доступа к ближайшим морским портам Персидского залива. Полная стабилизация обстановки в соседнем государстве и улучшение дипломатических отношений Афганистана с Ираном могут способствовать росту объемов торговли, в частности транзита через Афгани-

стан. Все это вынуждает стороны, несмотря на некоторые политические разногласия, сохранять стабильность в отношениях.

ТУРКМЕНИСТАН

В 1990-х годах после захвата талибами власти в Кабуле соседний Туркменистан оказался в числе немногих стран, которые фактически признали их власть, вели переговоры, обсуждали вопросы реализации экономических проектов. Туркменистан с тех пор прилагает все усилия по воплощению в жизнь крупного регионального энергетического проекта – газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ).

Первым показателем взаимных торгово-экономических отношений, как и в случае других стран, выступают объемы внешнеторгового оборота, темпы роста которого между Туркменистаном и Афганистаном в первом десятилетии XXI века были не такими высокими, как у большинства других стран региона. Об этом свидетельствуют данные афганской статистики, согласно которым по состоянию на 2002 год объем импорта из Туркмении составлял \$50 млн и до 2008 года постепенно шел по нисходящей, а затем вырос, достигнув уровня \$81 млн. В дальнейшем наблюдался стремительный рост (к 2015 г. – до \$642 млн) [8, с. 215; 27, с. 255].

Туркменистан наряду с Ираном, Таджикистаном и Узбекистаном является поставщиком электроэнергии в Афганистан. Страна вкладывала много средств в строительство ЛЭП для экспорта электроэнергии афганским потребителям. Ввиду низкой покупательной способности афганской стороны туркменские власти многократно шли на уступки и списывали накопившиеся у афганской стороны долги за электричество в рамках программ гуманитарной помощи. По объемам поставок, согласно имеющимся данным, Туркменистан уступает двум другим странам региона, поставляющим электроэнергию.

Повторный захват власти талибами не привел к каким-либо изменениям в характере торгово-экономических отношений Туркменистана с Афганистаном. Через две недели после падения Кабула Туркменистан возобновил технические работы на железнодорожном участке Акина – Андхой протяженностью 30 км, проходящем по территории Афганистана. Туркменистан активно продолжает обсуждать планы развития железнодорожных связей с приграничными афганскими районами с перспективой подключения к крупным городам и далее – к Ирану и Пакистану. Самым ярким примером является железнодорожная ветка Керки – Имамназар – Акина – Андхой, строительство которой было завершено в начале 2021 года [31].

Туркмены также активно работают с временным правительством талибов для обсуждения вопросов гуманитарного, торгового и экономического характера. Первый контакт состоялся 29 сентября 2021 года в Кабуле. Посол Туркменистана встретился с и. о. министра иностранных дел Афганистана Амиром Ханом Муттаки. Большая делегация из Туркменистана прибыла в Кабул 30 октября 2021 года где обсуждала с афганскими властями спектр вопросов, связанных с экономикой, политикой и безопасно-

стью. С представителями афганских силовых структур, в частности, обсуждали вопрос обеспечения безопасности и бесперебойной работы будущих трансафганских энергетических объектов, а также другие экономические проекты. В начале января 2022 года в ходе визита туркменской делегации в Кабул обсуждались, в частности, вопросы развития совместных инфраструктурных проектов. Туркменистан, как известно, кроме того, что развивает торгово-экономические отношения с Афганистаном, с оптимизмом смотрит на перспективы реализации трансафганских энергетических и транспортных проектов. Особое внимание по-прежнему уделено строительству газопровода ТАПИ, а также линии электропередачи Туркменистан – Афганистан – Пакистан [28].

Стоит отметить, что Туркменистан числится в списке стран, которые первыми оказали Афганистану гуманитарную помощь (1 сентября). Первая партия состояла исключительно из фармацевтических препаратов и медицинских принадлежностей. Очередная помощь из Туркменистана была отправлена в середине декабря и включала продовольствие, текстиль, хозяйственную продукцию, нефтепродукты. В общей сложности это было 1,2 тысячи тонн груза, 20 железнодорожных цистерн нефтепродуктов [32].

С момента захвата талибами власти каких-либо вооруженных конфликтов или инцидентов на приграничных участках с северными соседями не фиксировалось. Только в первые дни этого года в СМИ появились сообщения об инциденте между туркменскими пограничниками и боевиками ДТ, однако в официальных источниках с обеих сторон информация не получила подтверждение. Впрочем, неназванные источники указали на факт столкновения между сторонами. Тем не менее прошедшее с того момента время показывает, что при подобных ситуациях стороны могут оперативно решать вопросы.

УЗБЕКИСТАН

Практика последних лет показывала значимость Узбекистана в качестве торгового партнера и транзитной территории для Афганистана. Объем взаимной торговли между странами за последние два десятилетия увеличился многократно. Хотя в период нахождения сил коалиции в Афганистане на долю Узбекистана приходилось 40% транзита невоенных грузов, тем не менее чистый взаимный товарооборот увеличивался по объему достаточно быстрыми темпами. Согласно данным узбекской статистики, в 2001 году экспорт (включая реэкспорт) в Афганистан из этой страны составил \$11 067 тысяч, через год достиг \$61 500 тысяч, а к 2008 году превысил полмиллиарда долларов и, согласно данным афганской статистики, Узбекистан превратился в лидера списка афганских импортеров, опередив традиционного поставщика товаров – Пакистан. Отметим, что Узбекистан в эти годы поставлял в Афганистан до 70% потребляемого в стране горючего, но затем Иран в некоторой степени отвоевал инициативу. Тем не менее доля Узбекистана в целом по-прежнему остается немалой в структуре афганского импорта. Для узбекских производителей афганский рынок стал важным

направлением, а сам Афганистан вошел в топ-10 стран-импортеров из Узбекистана [33; 6, с. 246]. Так, согласно узбекским источникам, в 2019 году общий товарооборот с Афганистаном составил \$619,9 млн, из которых \$617 млн приходились на экспорт и только \$3 млн – на импорт из Афганистана [34], в то время как, по информации афганского статистического ежегодника, только экспорт из Узбекистана оценивался в \$428 млн [8, с. 191].

Узбекистан в 2020 году в основном экспортировал пищевые продукты и живой скот на сумму \$276,4 млн (35,5% общего объема), минеральное топливо, смазочные масла и аналогичные материалы – на \$162,7 млн (21%), промышленные товары – на \$72,3 млн (9,3%). Узбекистан с учетом существовавших в соседней стране политических условий рассчитывал к 2023 году довести объем взаимной торговли с Афганистаном до \$2 млрд. Для повышения экспортного потенциала планировалось построить в Термезе международный торговый центр с годовым товарооборотом \$500 млн. Центр, помимо ведения торговой деятельности, должен был включать

Узбекистан сегодня обращает пристальное внимание на возникшую в Афганистане гуманитарную ситуацию.

пункты приема, хранения, переработки, сортировки и упаковки продукции [31]. В рамках планов увеличения объемов взаимного торгового оборота стороны намеревались до конца прошлого года подписать «Соглашение о преференциальной торговле». Насколько изменившиеся условия могут повлиять на эти планы, покажет время. Но одно можно сказать уверенно: узбекские власти позитивно настроены относительно развития взаимных торговых отношений.

Как показала практика последних месяцев, Узбекистан наибольшее свое внимание сосредоточивает на расширении собственного присутствия на афганском рынке, скорейшем открытии транзитной торговли с другими странами. В этом направлении, несмотря на существующие сложности, уже предпринимались практические шаги, демонстрирующие возможности возобновления транзитных грузоперевозок. Так, Узбекистан и Пакистан символически обменялись колоннами грузовиков [35].

Узбекистан сегодня обращает пристальное внимание на возникшую в Афганистане гуманитарную ситуацию. Уже через месяц после захвата талибами Кабула узбекские власти отправили малообеспеченным афганским семьям 1,3 тысячи тонн гуманитарной помощи, состоявшей из продуктов питания, медикаментов, одежды. Очередная партия помощи общим весом 4 тысячи тонн поступила по железной дороге в Афганистан 23 декабря 2021 года и включала в себя продукты питания, одежду и каменный уголь.

На долю Узбекистана, согласно данным за 2018 и 2020 годы, приходилось 52% афганского импорта электроэнергии. Его доля в общем объеме импорта из региона составляла 62% [6, с. 215].

Роль Узбекистана в развитии северного направления афганской внешней торговли велика, поскольку при непосредственном участии республики построена первая афганская железная дорога протяженностью 75 км, соединяющая две страны. Она способствовала снижению временных и денежных издержек, связанных с транспортировкой товаров в обоих направлениях. Более того, долгосрочные планы Узбекистана связаны со строительством Трансафганской железной дороги для открытия наземного сообщения с граничащими с Афганистаном Ираном и Пакистаном. В феврале 2021 года на трехсторонней встрече между Узбекистаном, Афганистаном и Пакистаном обсуждался проект Трансафганской железной дороги по маршруту Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар. На его реализацию планировалось привлечь \$4,8 млрд кредитных средств. Стоит отметить, что возможность финансирования проекта рассматривалась Всемирным банком, Азиатским банком развития, Европейским банком реконструкции и развития, Европейским инвестиционным банком, Исламским банком развития, Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, Международной финансовой корпорацией развития (США). При благоприятных условиях данный маршрут, по некоторым оценкам, мог бы сократить время пути между Узбекистаном и Пакистаном с 30–35 до 10–15 дней [36].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенный материал показывает уровень развития торгово-экономических связей стран ЦА с Афганистаном до захвата власти талибами, нынешнее состояние, роль и место каждой из республик в афганской внешнеторговой, экономической, социальной и гуманитарной сферах, а также значение самого Афганистана для экономики этих стран. Развитие отношений между странами региона и Афганистаном на протяжении последних трех десятилетий находилось в прямой зависимости от состояния внутриафганской политической обстановки. Практика последних десятилетий показывала, что политически стабильный и безопасный Афганистан действительно может открыть перед странами ЦА окно возможностей для получения доступа к рынкам других стран.

Государства ЦА с преимущественно мусульманским населением, особенно на нынешнем этапе развития, должны в наибольшей мере проявлять озабоченность из-за исходящей из Афганистана террористической и наркоугрозы, распространения экстремистских идей. Следовательно, при наличии политически стабильного и экономически развивающегося соседа подобные вопросы не только снимаются с повестки дня, но и появляется возможность развивать собственное производство, ориентированное на внешние рынки. Это лишний раз подтверждает, что северные соседи Афганистана, впрочем, как и все другие его соседи, заинтересованы в стабилизации внутриафганской ситуации. Этому в конечном итоге будет способствовать концентрация внимания на расширении торговых связей, реализации инфраструктурных, в частности трансафганских транспортных и энергетических проектов. Такое внимание поможет в будущем соединить Афганистан с инфраструктурой региона.

С другой стороны, между странами ЦА может усилиться конкуренция за афганский рынок, поскольку большинство из них выступают поставщиками однородной продукции (в частности, электроэнергии). Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан поставляют в Афганистан электроэнергию, потребности в которой пока что не покрываются полностью. Собственные афганские ресурсы не способны удовлетворять нужды населения и экономики в полном объеме. А это значит, что страна и дальше продолжит полагаться на импорт из соседних государств.

Другим важным направлением для этих стран остается экспорт продовольственных товаров. Афганский аграрный сектор, несмотря на поступившую за 20 лет внешнюю экономическую и техническую помощь, находится в неудовлетворительном состоянии, что сохраняет спрос на продовольственные товары на высоком уровне. Казахстан в этом плане пока остается лидером и в дальнейшем может сохранять за собой важное место на афганском рынке зерновых, увеличивая объемы поставок.

Республики ЦА, в отличие от некоторых других сопредельных с Афганистаном стран, в большей степени заинтересованы в развитии двусторонних торгово-экономических отношений, и в меньшей – преследуют геополитические цели и интересы. Развитие отношений в таком русле позволило бы Афганистану диверсифицировать направления своих внешних связей, снизить зависимость от торговли и транзита по традиционным маршрутам. Рассматриваемые страны с надеждой смотрят на планы реализации трансафганских инфраструктурных проектов и при благоприятном развитии внутриафганской политической ситуации смогут не только сохранять прежние объемы товарооборота, но и способны расширить его. Соответственно, бюджет Афганистана получит новые источники доходов.

В силу своей внутренней политики правительство талибов пока ощущает сильное дипломатическое давление. Мировое сообщество ставит вопрос создания инклюзивного правительства с участием представителей всех этноконфессиональных и политических групп главным условием политического признания. Но у движения «Талибан» существует и внутреннее противоборство. Все это в итоге мешает разрешению экономических и гуманитарных проблем, осложняет работу новых властей, создает некую неопределенность, тормозит развитие национальной экономики.

Экономическое давление наряду с дипломатическим является важным рычагом принуждения афганских властей повернуть на путь смягчения своей политики по многим социальным вопросам. Шестимесячный период нахождения у власти талибов показывает, что, несмотря на сложные социально-экономические условия и без вмешательства внешних игроков, внутриафганская политическая обстановка может оставаться стабильной. При ее сохранении и выполнении условий мирового сообщества по созданию инклюзивного правительства появится реальная почва для восстановления афганской экономики, для развития торгово-экономических связей, в частности с соседними странами, для реализации трансафганских транспортных и энергетических проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шибутова Л. Сотрудничество Казахстана с Афганистаном: обзор [Электронный ресурс]. URL:<https://regnum.ru/news/polit/2303850.html> (дата обращения: 04.02.2022).
2. Умаров Х. Торгово-экономические отношения между Республикой Таджикистан и Исламской Республикой Афганистан. Институт государственной политики и управления, УЦА. Доклад № 13, Бишкек, 2013. 28 с.
3. Состояние и перспективы экономического сотрудничества стран Центральной и Южной Азии (подготовил Центр экономических исследований и реформ при Администрации Президента Узбекистана) [Электронный ресурс]. URL:https://cis.minsk.by/news/19563/sostojanie_i_perpektivy_ekonomicheskogo_sotrudnichestva_stran_centeralnoj_i_juzhnoj_azii (дата обращения: 04.02.2022).
4. Шульц В. Л. Реки Афганистана. М., 1968.
5. Afghanistan Statistical Yearbook 2011–12.
6. Afghanistan Statistical Yearbook 2020.
7. Afghanistan Statistical Yearbook 2019.
8. Afghanistan Statistical Yearbook 2008–09.
9. Казахстан намерен инвестировать в экономику Афганистана [Электронный ресурс]. URL:<https://afghanistan.ru/doc/9986.html> (дата обращения: 26.01.2022).
10. О ратификации Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Исламской Республики Афганистан о сотрудничестве в области образования [Электронный ресурс]. URL:https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000332_ (дата обращения: 26.01.2022).
11. Сотрудничество Республики Казахстан с Исламской Республикой Афганистан [Электронный ресурс]. URL:<https://www.gov.kz/tentemleket/entities/mfa/press/article/details/458?lang=ru> (дата обращения: 02.02.2022).
12. Посол Казахстана встретился с представляющим «Талибан» и. о. главы МИД Афганистана [Электронный ресурс]. URL:<https://vlast.kz/novosti/46811-posol-kazahstana-vstretilsya-s-predstavlausim-talibano-glavy-mid-afganistana.html> (дата обращения: 05.02.2022).
13. Казахстан и власти Афганистана заявили об интересе в восстановлении торговли [Электронный ресурс]. URL:<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12685297> (дата обращения: 02.02.2022).
14. Казахстан отправил в Афганистан 155 тонн продовольствия и медикаментов [Электронный ресурс]. URL:<https://kursiv.kz/news/v-mire/2021-12/kazakhstan-otpravil-v-afghanistan-155-tonn-prodovolstviya-i-medikamentov> (дата обращения: 04.02.2022).
15. نهایندگی برخی از بانک‌های قزاقستان در افغانستان ایجاد می‌گردد (Представительства некоторых казахстанских банков будут открыты в Афганистане.) [Электронный ресурс]. URL:<https://avapress.com/fa/255275> (дата обращения: 03.02.2022).
16. СМИ: Талибы хотят создать совместную торговую палату с Казахстаном [Электронный ресурс]. URL:<https://informburo.kz/novosti/smi-taliby-hotyat-sozdat-sovmestnuyu-torgovuyu-palatu-s-kazahstanom> (дата обращения: 04.02.2022).
17. Казахстан сохранит среднегодовой экспорт зерна в Афганистан [Электронный ресурс]. URL:<https://eldala.kz/novosti/zerno/6936-kazakhstan-sohranit-srednegodovoy-eksport-zerna-v-afghanistan> (дата обращения: 28.01.2022).
18. ООН закупила для Афганистана 20 тыс. тонн казахстанской муки [Электронный ресурс]. URL:<https://>

- //eldala.kz/novosti/mir/7221-oon-zakupila-dlya-afganistana-20-tys-tonn-kazahstanskoy-muki (дата обращения: 30.01.2022).
19. Министр торговли РК провел переговоры в Кабуле по наращиванию товарооборота с Афганистаном [Электронный ресурс]. URL:<https://newtimes.kz/politika/142305-ministr-torgovli-rk-provel-peregovory-v-kabule-pornarashchivaniyu-tovarooborota-s-afghanistanom> (дата обращения: 01.02.2022).
20. Треть казахстанского экспорта в Афганистан – продукты питания [Электронный ресурс]. URL:<https://kapital.kz/economic/98258/tret-kazakhstanskogo-eksporta-v-afghanistan-produkty-pitaniya.html> (дата обращения: 02.02.2022).
21. Статистический ежегодник Кыргызской Республики 2006–2010. Бишкек, 2011.
22. Статистический ежегодник Кыргызской Республики 2011–2015. Бишкек, 2016.
23. Статистический ежегодник Кыргызской Республики 2016–2020. Бишкек, 2021.
24. Глава МИД Киргизии сообщил о продолжении выдачи студенческих виз гражданам Афганистана [Электронный ресурс]. URL:<https://sng.today/bishkek/20325-glava-mid-kirgizii-soobschil-o-prodolzhennii-vydachi-studencheskih-viz-grazhdanam-afghanistana.html> (дата обращения: 03.02.2022).
25. О CASA-1000 [Электронный ресурс]. URL:<https://casa-1000.kg/> (дата обращения: 02.02.2022).
26. *Afghanistan Statistical Yearbook 2012–13.*
27. *Afghanistan Statistical Yearbook 2015–16.*
28. Товарооборот между Таджикистаном и Афганистаном в сентябре составил \$12 млн [Электронный ресурс]. URL:https://halva.tj/news/tovarooborot_mezhdu-tadzhikistanom_i_afghanistanom_v_sentyabre_sostavil_12_mln/ (дата обращения: 05.02.2022).
29. Торговый оборот между Таджикистаном и Афганистаном составил около \$82 млн [Электронный ресурс]. URL:<https://avesta.tj/2022/01/05/torgovyj-oborot-mezhdu-tadzhikistanom-i-afghanistanom-sostavil-okolo-82-mln/> (дата обращения: 06.02.2022).
30. Гуманитарную помощь ВПП доставят в Афганистан через Таджикистан [Электронный ресурс]. URL:<https://avesta.tj/2021/11/27/gumanitarnuyu-pomoshh-vpp-dostavyat-v-afghanistan-cherez-tadzhikistan/> (дата обращения: 05.02.2022).
31. Возобновлено строительство железной дороги [Электронный ресурс]. URL:<https://www.mfa.gov.tm/ru/news/2767> (дата обращения: 06.02.2022).
32. Туркменистан направил гуманитарный груз в Афганистан [Электронный ресурс]. URL:<https://www.mfa.gov.tm/ru/news/2942> (дата обращения: 05.02.2022).
33. Годовая внешнеэкономическая деятельность [Электронный ресурс]. URL:<https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade> (дата обращения: 07.02.2022).
34. Как устроена экономика Афганистана и что туда поставляет Узбекистан [Электронный ресурс]. URL:<https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/23/usb-afg/> (дата обращения: 07.02.2022).
35. Узбекистан отправил первый транзитный груз через Пакистан [Электронный ресурс]. URL:<https://www.spot.uz/ru/2021/11/04/pak-usb/> (дата обращения: 06.02.2022).
36. Узбекистан, Афганистан и Пакистан подписали «Дорожную карту» по строительству железной дороги [Электронный ресурс]. URL:<https://www.gazeta.uz/ru/2021/02/08/trans-afghan-railway/> (дата обращения: 05.02.2022).

Фонд имени Конрада Аденауэра является политическим фондом Федеративной Республики Германия.

Своими программами и проектами Фонд активно и действенно способствует международному сотрудничеству и взаимопониманию.

В Казахстане Представительство Фонда начало свою работу в 2007 году по приглашению Правительства Республики Казахстан. Фонд работает в партнерстве с государственными органами, Парламентом РК, организациями гражданского общества, университетами, политическими партиями, предприятиями.

Основной целью деятельности Фонда в Республике Казахстан является укрепление взаимопонимания и партнерства между Федеративной Республикой Германия и Республикой Казахстан путем сотрудничества в области политического, образовательного, социального, культурного и экономического развития, способствуя тем самым дальнейшему развитию и процветанию Казахстана.

Приоритетными направлениями деятельности Фонда имени Конрада Аденауэра в Казахстане являются:

- Консультирование по вопросам политики и работы партий
- Межпарламентский диалог
- Энергетика и климат
- Местное самоуправление
- Политическое образование
- СМИ (Медиа)
- Местная стипендиальная программа Sur-Place

Адрес:

Представительство Фонда имени Конрада Аденауэра в Казахстане
пр. Кабанбай батыра, 6/3 – 82
010001 Нур-Султан
Казахстан

Контакты:

Info.Kasachstan@kas.de
+7 (7172) 92-50-13
+7 (7172) 92-50-31

<https://www.kas.de/ru/web/kasachstan/>

**Kazakhstan Journal
*of Foreign Studies***

www.kisi.kz

www.kas.de